

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
Научно-популярная серия

Н. А. РАЕВСКИЙ

ДРУГ ПУШКИНА
ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ
НАЦОКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград • 1977

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. А. Раевский — литератор и пушкинист, автор широко известных советскому читателю книг «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили», основанных на многолетних пушкиноведческих исследованиях. С Пушкиным связана и настоящая книга, посвященная одному из ближайших друзей поэта — П. В. Нащокину.

Ответственный редактор

Р. В. ИЕЗУИТОВА

Р $\frac{70202-513}{054 (02)-77}$ БЗ-28-10-76

© Издательство «Наука», 1977

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Павел Воинович Нащокин, которому посвящена эта книга, — один из своеобразнейших и замечательнейших представителей русской дворянской интеллигенции первой половины XIX в. Это человек большого и оригинального ума, разнообразных дарований (которым он, как и многие его современники, не нашел применения), с тонким литературным и художественным вкусом. Не являясь писателем, артистом или художником, он тем не менее снискал себе известность в литературно-художественных кругах, заслужил дружбу и привязанность выдающихся деятелей русской культуры, таких как Гоголь, Белинский, Баратынский, Вяземский, Верстовский, К. Брюллов, П. Соколов, Щепкин и многие другие. Главным же является то, что Нащокин — бесспорно один из наиболее близких к Пушкину людей, если не самый близкий, особенно в последние годы жизни поэта, преданный друг, которому Пушкин поверял свои мысли и переживания. В этом смысле никто — ни Жуковский, ни Вяземский, ни Чаадаев — не может равняться с «Войнычем» Нащокиным.

Представляют большой историко-культурный и характерологический интерес и многие лица, близкие к Нащокину: его отец, типичный образец военного деятеля XVIII в.; его жена Вера Александровна, дочь богатого барина и крестьянской девушки, разделявшая с мужем любовь и дружбу Пушкина и сохранившая почти до 90 лет живую память о поэте; сам этот барин, ее отец, А. П. Нащокин, дальний родственник друга Пушкина,

и др.; автор прослеживает также судьбы детей и внуков Нащокиных, их ныне живущих потомков, от которых он получил целый ряд новых документов. Все это вместе взятое дает широкую картину жизни людей и общественных отношений с 1820-х годов почти до начала нашего века.

Книга Н. А. Раевского о Нащокине, написанная на основании новых, неизданных документов, забытых печатных материалов, личных бесед и переписки с ныне живущими потомками друга Пушкина, является плодом долголетних исследовательских трудов ее автора, известного литератора-пушкиниста.

Н. В. Измайлов

В 1969 г. я опубликовал в алма-атинском журнале «Простор» (№№ 3, 4, 5) большой очерк «Нащокины».

За истекшие несколько лет, главным образом благодаря содействию ныне здравствующих потомков Павла Воиновича и Веры Александровны Нащокиных, а также некоторых других лиц, я получил в свое распоряжение ряд новых материалов, касающихся прошлого этой семьи. Немало сведений, ранее мною не отмеченных, было также обнаружено в старинных отечественных журналах. Кроме того, из различных источников мне удалось получить ряд малоизвестных иллюстративных материалов.

Все это побудило меня подготовить настоящую небольшую книгу, которая, надо сказать, ни в какой мере не является исчерпывающим монографическим исследованием, создание которого остается еще делом будущего.

Исследования, касающиеся Павла Воиновича Нащокина, его жены Веры Александровны и их потомков, представляют значительные трудности, так как документальных данных (кроме не полностью сохранившейся, но хорошо изученной переписки Пушкина с Нащокиным) до настоящего времени опубликовано очень немного, а в воспоминаниях и письмах современников имеется целый ряд трудно устранимых противоречий. Кроме того, ряд периодов жизни Нащокина и его жены (до ее замужества) до сих пор являются своего рода биографическими «белыми пятнами».

В связи с этим любая работа о Нащокиных — в том числе, конечно, и моя — не может быть абсолютно полной и вполне точной. Я буду искренне благодарен тем читателям моей книги, которые пожелают поделиться со мной своими дополнениями и поправками.

Ряду пушкинистов, и прежде всего бывшему заведующему Рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР Николаю Васильевичу Измайлову, я обязан многочисленными указаниями и исправлением промахов, допущенных мною в журнальной публикации. К числу их в первую очередь относятся неправильные указания некоторых шифров цитированных мною архивных документов. Прошу читателей принимать во внимание только обозначения, приведенные в настоящем издании.

Все цитаты из произведений и переписки Пушкина приводятся в книге по «большому» академическому изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVII. 1937—1959. При отсылках в тексте в скобках указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра). Ссылки на другие издания сочинений Пушкина оговариваются особо.

ДРУГ ПУШКИНА ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ НАЩОКИН

Неожиданному случаю я был обязан началом моих пушкиноведческих изысканий в Чехословакии, описанных в книгах «Если заговорят портреты» (1965) и «Портреты заговорили» (1974).

Неожиданным было и начало переписки, которая дала мне возможность подготовить настоящую работу.

В конце 1966 г., когда у меня оставалось всего несколько экземпляров уже полностью разошедшейся книги «Если заговорят портреты», я получил письмо из одного подмосковного поселка. На конверте незнакомый женский почерк. Отправительница обозначена инициалами — «В. А. Н.».

Вскрываю письмо, и тотчас у меня начинается приступ исследовательской лихорадки. Вы поймете мои чувства, читатель, при чтении следующих слов: «Я родная внучка Павла Воиновича Нащокина, дочь его младшего сына Андрея Павловича, Вера Андреевна Нащокина-Зызина ... Моя бабушка, жена Павла Воиновича Нащокина; Вера Александровна Нащокина (Нарская) жила и умерла в нашей семье. Вот почему мне особенно дорого все, что написано о Пушкине и его семье».

Внучке одного из самых близких друзей поэта (а в последние годы его жизни — самого близкого) я, конечно, сейчас же послал свою книжку. Завязалась оживленная переписка. Уговаривать мою новую корреспондентку не приходилось. Во втором же письме, полном новых и интересных сообщений о ее предках, Вера Андреевна меня предупредила: «На все интересующие Вас вопросы ко мне я с удовольствием отвечу».

Вопросов было много. Подробные и точные ответы я получал очень быстро, несмотря на то что преклонный

возраст и слабое здоровье внучки Павла Воиновича несомненно делали для нее нелегкой эту переписку, требовавшую постоянных разысканий в семейном архиве, к счастью, уцелевшем во время войны. Почтальоны в течение ряда месяцев приносили мне различные по объему и формату заказные пакеты.

Сейчас в моих папках хранится основательная пачка писем, фотокопии портретов, отлично изготовленные снимки ряда документов.

Легко было бы заниматься литературными изысканиями, если бы у всех потомков людей пушкинского времени были такие же внимание и готовность помочь исследователям, что и у Веры Андреевны Нащокиной-Зызиной.

Ознакомившись с присланными ею материалами, я убедился в том, что в довольно обширной литературе о Павле Воиновиче, его жене и их потомках приводится немало неточных, а частью и неверных сведений.¹ Ряд биографических подробностей нуждается в переисследовании. В частности, очень неясны и запутанны вопросы о происхождении Веры Александровны Нащокиной-Нарской и о личности упоминаемого в письме Пушкина к Нащокину «Леленьки», которого поэт в 1833 г. привез из Москвы в Петербург. Надо также сказать, что и постоянно цитируемые рассказы Нащокиной о Пушкине остаются, по существу, недостаточно изученными.

Как мы увидим, впервые публикуемые материалы В. А. Нащокиной-Зызиной позволяют многое уточнить и дают окончательное решение нескольких биографических загадок.

Излагая эти новые данные, мне по неизбежности придется коснуться ряда известных фактов и событий, относящихся к семейству Нащокиных, необходимых для более полного представления как о личности самого Павла Воиновича (или «Войныча», как иногда называл своего друга Пушкин), так и о характере его взаимоотношений с поэтом.

---

¹ Даже в «Русском биографическом словаре» (Пг., 1914, с. 158) ошибочно сказано, что «фамилия Нащокиных в настоящее время ... угасает». В действительности в это время в России проживали многочисленные представители рода Нащокиных.

После смерти Дельвига вряд ли к кому-нибудь из друзей-мужчин — кроме, может быть, Жуковского и порой Плетнева² — поэт относился с такой нежностью, как к Нащокину.

Прочной и глубокой была, например, дружба Пушкина с Вяземским, длилась она тоже много лет, но и с той и с другой стороны это была скорее дружба умов, а не сердец. В их обширной переписке чувствуются несомненная взаимная симпатия, общность литературных интересов, житейское понимание друг друга, но подлинной душевной теплоты и откровенности в их письмах все же нет.

У Пушкина, правда, встречаются порой ласковые и добродушно-шутливые обращения к Петру Андреевичу: «Прощай, моя радость» (письмо от 15 июля 1824 г.), «Улыбнись, мой милый» (20-е числа апреля 1825 г.), «Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский» (1 декабря 1826 г.) (XIII, 104, 165, 310) и т. д.

Никогда, однако, поэт не писал Вяземскому и о Вяземском так, как он писал Нащокину и о Нащокине: «Мы с женой тебя всякий день поминаем» (1 июня 1831 г.), «Но кто, зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверенности» (7 октября 1831 г.), «Обнимаю тебя от сердца» (22 октября 1831 г.) (XIV, 168, 231, 237) и т. п.

С большой нежностью и теплотой отзывается Пушкин о друге в письмах к жене из Москвы: «Нащокин здесь одна моя отрада» (11 мая 1836 г.), «Любит меня один Нащокин» (14 и 16 мая того же года) (XIV, 114, 116).

Наталья Николаевна, познакомившись с Павлом Воиновичем в Москве, отнеслась к другу своего мужа с большой симпатией. 11 июня 1831 г. Пушкин пишет: «Жена тебя очень любит и очень тебе кланяется» (XIV, 174). В письме поэта от 3 августа того же года юная Наталья

---

² В письме к жене от 12 сентября 1833 г. Пушкин, упоминая о встрече с Петром Михайловичем Языковым, старшим братом поэта Н. М. Языкова, пишет: «Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина» (XV, 80).

Николаевна к словам мужа «жена тебе кланяется» даже сделала приписку: «И целует» (XIV, 204).

Из обращений самого Нащокина к его великому другу приведем лишь два: «Прощай, воскресение нравственного бытья моего...» (10 января 1833 г.), «Прощай еще раз, утешитель мой, радость моя» (конец ноября 1833 г.) (XV, 41, 97).

Многолетняя переписка Пушкина и Нащокина свидетельствует об их исключительной привязанности друг к другу и полной дружеской откровенности. Поэт поверял ему свои мысли и переживания, делился с ним литературными и жизненными планами, огорчениями и надеждами.

Да, это была подлинная «дружба сердец», хотя в переписке Пушкина и Нащокина очень много места занимают и денежные вопросы. Обоим друзьям жилось подчас очень нелегко, оба не умели обращаться с деньгами и вдобавок оба, к несчастью, любили карточную игру. В 1829 г. Пушкин проиграл известному картежнику, богатому помещику В. С. Огонь-Догановскому огромную сумму — 24 800 рублей. Этот долг поэт с большим трудом уплатил в 1831 г., причем ему отчасти помог П. В. Нащокин. Пришлось, кроме того, на время заложить бриллианты Натальи Николаевны. 15 января 1832 г. Пушкин писал М. О. Судьенке: «От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои» (XV, 4). Однако женатый Пушкин играл в общем редко и разорительных сумм не проигрывал. Нащокин, к сожалению, до конца дней оставался рьяным игроком.

Помимо дружеской любви и общих житейских интересов, Пушкина и Нащокина, по-видимому, больше всего связывали интересы литературные. Как мы увидим, школьное образование Павла Воиновича было недостаточным, но он много читал, общался со множеством выдающихся людей и обладал несомненным литературным вкусом. Близкий знакомый Нащокина, актер, режиссер и драматург Н. И. Куликов (1812—1891), известный под псевдонимом Н. Крестовского, писал о нем: «...благодаря огромной начитанности он знал хорошо французскую и русскую литературу, а через французские переводы ознакомился и с литературой других наро-

дов. При его знании жизни, при его вкусе и любви ко всем отраслям изящных искусств он обладал критическим чутьем и стоял в этом отношении выше своего времени, так что его литературные приговоры можно справедливо назвать критикой чистого разума.

Когда Россия зачитывалась сочинениями Марлинского, Нащокин хохотал над фантастическим вычурным изложением и словоизганием автора, предсказывая поклонникам его, что скоро они и сами посмеются над своим увлечением. А сам, зачитываясь Бальзаком, заставляя нас, молодых людей, читать его, кричал об нем и дома, и в гостях, и в клубе... Конечно, Пушкин сумел оценить критический талант друга молодости и ему первому читал свои сочинения, совершенно соглашаясь с его взглядом, вкусом и тонкими психологическими замечаниями».³

Павел Воинович не только восхищался творениями Пушкина, но кое-что и порицал, причем довольно резко: «„Пленника“ назвал Нащокин нелепым баринном, не стоящим жертвы драматической Черкешенки, а восхищаясь вместе с поэтом стихами, описаниями и, так сказать, этнографической частью поэмы, он сказал: — Приличнее бы назвать поэму „Кавказ и горцы“».⁴

Находил он недостатки и в «Цыганах», считая образ Алеко «фантастическим», с чем, впрочем, по уверению Куликова, соглашался и Пушкин.

Достоверность воспоминаний Куликова подвергалась сомнению, но, по-видимому, это не совсем справедливо. Тщательно записанные П. И. Бартеневым рассказы Павла Воиновича о Пушкине⁵ показывают, что Нащокин отлично знал многие произведения своего друга и был посвящен в его творческие планы.

Сохранились многочисленные свидетельства современников об удивительном мастерстве Нащокина-рассказчика. Интересный собеседник, многое видевший и многих знавший, Нащокин восхищал своими рассказами Пушкина, который неоднократно признавался в том, что «за-

³ Куликов Н. И. Александр Сергеевич Пушкин и Павел Воинович Нащокин. — Русская старина, 1881, август, с. 599—600.

⁴ Там же.

⁵ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 годах. Вступит. статья и прим. М. Цявловского. М., 1925, с. 24—49.

балтывается с Нащокиным». Давно известно, что Павел Воинович рассказал поэту о небогатом белорусском дворянине Островском, который судился с соседом из-за земли и, проиграв процесс, стал разбойником. Этот Островский послужил Пушкину прототипом Дубровского.⁶ Здесь перед нами один из многочисленных примеров творческого претворения поэтом действительных лиц и событий.

С именем Нащокина нередко связывают еще одно произведение Пушкина. «Существует предание, — замечает в своей работе «Друг Пушкина Нащокин» М. Гершензон, — что сюжетом „Домика в Коломне“ послужил Пушкину рассказ Нащокина о том, как, будучи влюблен в актрису Асенкову, он облекся в женский наряд и прожил у нее в качестве горничной более месяца».⁷ Если даже подобный факт и имел место, то его следует связывать не с В. Н. Асенковой, дебютировавшей лишь в 1835 г., а скорее с ее матерью А. Е. Асенковой (1796—1841). Однако для нас существеннее другое — несомненная причастность Нащокина к ряду творческих замыслов и литературных проектов Пушкина.

Друзья несомненно говорили о многом, что не предназначалось для посторонних ушей: следы откровенных политических разговоров хранят записанные П. И. Бартевым «Рассказы П. В. Нащокина о Пушкине». Показательна в этом отношении, например, такая запись, относящаяся к Пушкину: «Жженку называл Бенкендорфом, потому что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок».⁸

Пожалуй, наиболее часто предметом дружеских бесед служили семейные воспоминания Нащокина, принадлежавшего к старинному дворянскому роду и хорошо знавшего многочисленные семейные предания. Ценил эти рассказы Нащокина, Пушкин советовал ему писать свои мемуары. История создания «Записок Нащокина», начатых по настоянию поэта, составляет особую, важнейшую сторону во взаимоотношениях Пушкина и Нащокина.

⁶ Там же, с. 27. Достоверность этого рассказа подтверждается позднейшими документальными разысканиями. См.: Степунин И. Прототип пушкинского Дубровского. — Неман, 1968, № 8, с. 180—184.

⁷ Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912, с. 63.

⁸ Рассказы о Пушкине, с. 49.

Как известно, поэт высоко ценил мемуарный жанр, увлекался мемуарной литературой, внимательно штудировал мемуары Дидро, Казановы, с карандашом в руках читал «Записки кн. Е. Р. Дашковой», имел список находящихся под строгим запретом «Записок Екатерины».⁹ Сетую на то, что замечательные люди исчезают в России, «не оставляя по себе следов» (XII, 462), Пушкин принял прямое участие в создании ряда произведений мемуарного жанра (А. О. Смирновой, М. С. Щепкина, Н. А. Дуровой). Что же касается «Записок Нащокина», то ими он интересовался особенно и на протяжении целого ряда лет активно содействовал их написанию.

Еще в 1830 г. поэт начал записывать со слов Нащокина его рассказы о первых детских годах, содержавшие яркие, колоритные подробности о «старинном русском» бытѣ». «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве», едва начатые, читаются с большим интересом, но надо заметить, что только содержание их восходит к Павлу Воиновичу. В литературном отношении это — произведение самого Пушкина.

На мой взгляд, нельзя не согласиться с мнением А. В. Чичерина, считающего, что «в слогѣ этой Записки нет никаких признаков устного рассказа и, конечно, „Записки“ отнюдь не буквальная запись того, что говорил Нащокин. Они написаны сжатым, точным, ясным слогом автора „Повестей Белкина“».¹⁰

Наоборот, другое утверждение Чичерина, подчеркивающего, что «эти записки — замыслы будущего романа», кажется мне спорным. Можно скорее думать, что Пушкин просто хотел обработать в художественной форме воспоминания своего друга, жизнь которого временами действительно походила на роман, нельзя сказать, чтобы нравоучительный, но во всяком случае весьма интересный.

Не довольствуясь записью устных рассказов Нащокина, Пушкин побуждал его самого писать «мемории». 2 декабря 1832 г. он спрашивает: «Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем

⁹ См.: Гиллельсон М. И. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой. — Прометей, т. X, М., 1974, с. 132—144.

¹⁰ Чичерин А. В. Пушкинские замыслы прозаического романа. — В кн.: Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. М., 1975, с. 101.

ко мне. Это будет и мне приятнее, и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь — и другой» (XV, 37).

Около 25 февраля следующего года он высказывает надежду на то, что Павел Воинович, устроив свои дела, заживет «припеваючи и пишучи свои записки» (XV, 50).

Воспоминания, однако, писались медленно. Непривычный к усидчивому труду, Нащокин работал от случая к случаю, уступая нажиму со стороны поэта, и, к сожалению, так и не довел свои мемуары до конца, хотя работал над ними на протяжении ряда лет. Написанная им начальная глава этих «меморий» посвящена главным образом детским воспоминаниям. Воспользовавшись советом Пушкина, Нащокин придал своим запискам форму мемуарного письма, обращенного «к любезному Александру Сергеевичу».

До недавнего времени в печати был известен лишь один фрагмент этих записок Нащокина, сохранившийся среди бумаг Пушкина в собрании А. Ф. Онегина-Отто и впервые опубликованный в издании «Рукою Пушкина». «Подлинник записок, — указывают публикаторы, — писан чернилами неизвестною рукой в виде письма П. В. Нащокина Пушкину и, кроме поправок последнего, имеет одну поправку чернилами П. В. Нащокина».¹¹ Это те самые «Записки», которые запрашивал Пушкин у Нащокина в письме от 27 мая 1836 г.: «Я забыл взять с собою твои Записки; перешли их, сделай милость, поскорее» (XVI, 121). То, что Нащокин отправил Пушкину не оригинал, а копию своих «Записок», комментаторы справедливо объясняют тем, «что Нащокин, вероятно, хотел продолжать их и по мере написания копировать и отсылать к Пушкину».¹² Теперь обнаружен и самый оригинал «Записок», писанный рукой Нащокина и его жены в особой тетради, принадлежащей ныне Е. П. Подъяпольской. По весьма убедительному заключению Н. Я. Эйдельмана, подготовившего научную публикацию этих «Записок» и снабдившего их подробным комментарием, рукопись Нащокина представляет собой первоначальный, более пространный ав-

¹¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 124.

¹² Там же, с. 125.

Павел Воинович Нащокин. Рисунок Пушкина в альбоме
Ел. Н. Ушаковой. 1827—1830. (ИРЛИ).

торский вариант «меморий».¹³ Однако для целей настоящей работы, посвященной взаимоотношениям Пушкина и Нащокина, особое значение имеет второй, пушкинский вариант этих «Записок», имеющий поправки и пометы самого поэта, видимо предполагавшего напечатать их в «Современнике». В дальнейшем мы будем пользоваться именно этим текстом нащокинских «меморий».¹⁴

Своеобразная и яркая личность Нащокина в последнее время вызывает все более широкий интерес, привле-

¹³ Воспоминания Павла Воиновича Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину. (Публикация Н. Я. Эйдельмана). — Прометей, т. X, М., 1974, с. 275—292.

¹⁴ Все цитаты из этих «Записок» даются по тексту «большого» академического Собрания сочинений Пушкина, где они озаглавлены следующим образом: «Воспоминания П. В. Нащокина с поправками Пушкина» (XII, 287—292).

кает к себе внимание современных исследователей.¹⁵ В настоящем очерке, который, повторяю, не претендует на всестороннее освещение биографии Нащокина, я коснусь главным образом тех вопросов, которые все еще остаются неясными для исследователей творчества Пушкина. Опираясь на некоторые новые документальные материалы, я попытаюсь заполнить ряд «белых пятен» в биографии Нащокина.

*
*   *
*

Потомок старинного русского боярства, Нащокин живо интересовался своей родословной, проявлял повышенный интерес к истории своих предков, гордился своим отцом, генерал-поручиком В. В. Нащокиным, который, по его словам, принадлежал к числу «замечательнейших лиц екатерининского века» (XI, 189).

Основанные на семейных преданиях и личных, детских воспоминаниях и вобравшие в себя богатый бытовой и исторический материал, мемуары П. В. Нащокина при всей своей фактической ценности содержат немало неточностей. Вот один из примеров: «В 1800 ли, 801, 802 ли году я родился, утвердительно не знаю; причина впоследствии откроется; но знаю верно, что это было с 14 на 15 декабря за полночь» (XII, 288). Впоследствии Нащокин так и не объяснил, почему он не знает точно года своего рождения. Уточнить и скорректировать подобного рода неточности, дополнить биографию Нащокина новыми важными сведениями позволяют документы, присланные В. А. Нащокиной-Зызиной. Н. Н. Белянчиков, предпринявший ряд розысков в московских архивах, также любезно предоставил в мое распоряжение несколько своих неопубликованных работ, в том числе и обширную рукопись «Пушкин, Гоголь, Белинский и Нащокины. (Из истории их отношений)», в которой приведен ряд новых сведений,

---

¹⁵ См.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 432; Белянчиков Н. Литературная загадка. — Вопросы литературы, 1965, № 2, с. 255—256; Назарова Г. И. 1) Нащокинский домик. Л., 1974, с. 9—22; 2) Неизвестные портреты Нащокиных. — Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л., 1975, с. 98—103; Прометей, т. X, М., 1974, с. 275—292; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 439—447.

уточняющих биографию П. В. Нащокина.¹⁶ В Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО) исследователь среди прочих документов обнаружил и свидетельство Московской духовной консистории за № 5953 от 15 сентября 1847 г.¹⁷ Текст его следующий: «В метрической книге Замосворецкого Сорока Космодамианской церкви, что в Каташеве, 1801 года, в статье о родившихся под № 38 написано: „Декабря восьмого у генерал-майора Воина Васильевича Нащокина родился сын Павел, крещен декабря 16 дня. Восприемником был премьер-майор Яков Михайлович Маслов, восприемницею была помянутого генерала Нащокина дочь девица Настасья Воиновна. Таинство святого крещения совершил приходский священник Алексей Саввин с причтом“».¹⁸

Таким образом, вопрос о годе рождения П. В. Нащокина решается абсолютно точно: он родился 8 декабря 1801 г. Для биографа Нащокина представляет значительный интерес и присланная мне В. А. Нащокиной-Зызиной «Копия о дворянстве П. В. Нащокина», выданная Московским дворянским депутатским собранием «по указу его императорского величества» 19 мая 1850 г. «Екатерине Павловне Нащокиной, внесенной в 6-ую часть Дворянской родословной книги Московской губернии о ее дворянстве, вследствие прошения родителя ее поручика Павла Воиновича Нащокина и состоявшейся на оное марта 17 дня 1850 года резолюции. Правительствующего Сената Департаменту Герольдии донесено 21 апреля 1850 года за № 949».¹⁹

Документ, таким образом, совершенно официальный. Подписан он «депутатом дворянства» князем Василием Оболенским. В дальнейшем я для краткости буду называть этот документ «копией о дворянстве» или просто «копией». «Копия» содержит сведения о происхождении рода Нащокиных, многочисленные выписки из их родо-

¹⁶ Хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165.

¹⁷ ГИАМО, ф. 4, № 1329, л. 4.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 5.

¹⁹ Текст «копии» занимает 7 больших страниц гербовой бумаги. Я пользовался присланной мне В. А. Нащокиной-Зызиной фотокопией этого документа (как и при работе с другими материалами из архива Нащокиных).

словной, ряд справок о прошениях, поданных в разное время Павлом Воиновичем в Московское дворянское депутатское собрание, данные о прохождении им военной службы и т. д.

Написана «копия» тяжелым канцелярским языком, и читать ее довольно утомительно. Извлечем из этого документа лишь наиболее интересные для нас данные.

Начнем с происхождения древнего рода Нащокиных. Эти сведения давно известны, но опубликованы они в трудно доступных сейчас изданиях.²⁰

По примеру многих старинных русских фамилий Нащокины считали своим родоначальником некоего знатного иностранца. Согласно копии с «Общего гербовника», выданной из Департамента герольдии одному из родственников (двоюродному дяде) Павла Воиновича — статскому советнику Петру Федоровичу Нащокину 24 сентября 1799 г., «к великому князю Александру Михайловичу Тверскому²¹ выехал из Итальянские земли князь и владетель Дукс, которому по крещению наречено имя Дмитрий, по прозванию Красной; у него был сын Дмитрий же Нащока, сие наименование получивший потому, что на щеке имел рану от татар; потомки его, Нащокины, многие Российскому престолу служили в боярах, наместниками, стольниками и в иных знатных чинах, а некоторые посылались в иностранные государства посланниками и жалованы были от государей поместьями».²²

Можно усомниться в том, чтобы родоначальник Нащокиных в самом деле был герцог (по-латыни *dux*, по-итальянски *duca*). Звучит это импозантно, но вряд ли в XIV столетии итальянский герцог отправился бы служить в далекую и почти неизвестную Русь. Сам Павел Воинович предполагал, что его предок («какой-то выходец из Италии Дукс и владетельный князь») прибыл туда, «вероятно, в гости к какому-нибудь удельному князю» (XII, 290). Скорее, однако, итальянский выходец,

²⁰ Я пользовался данными, приведенными в «Русской родословной книге», изданной редакцией «Русской старины» (СПб., 1873, с. 251—263), и в «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского (т. II. Изд. 2-е. СПб., 1895, с. 21—27).

²¹ Великий князь Александр Михайлович Тверской княжил дважды — в 1324—1327 гг. и затем в 1337—1339 гг.

²² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, ч. III. СПб., 1803, с. 14.

если он действительно существовал,²³ был просто храбрым искателем приключений, почему-либо не ужившимся у себя на родине.

Сын его во всяком случае лицо вполне историческое. Дмитрий Дмитриевич Нащока имел сан боярина. Он был ранен в 1327 г. во время возмущения тверитян против татар. Впоследствии боярин Нащока выехал из Твери в Москву и служил великому князю Симеону Гордому. Среди его потомков мы находим многочисленных посланников и воевод: Назовем Василия Федоровича, посланника в Польшу (1553 г.); Семена Федоровича, голову в большом полку по разряду 1556 г.; Афанасия Федоровича Злобу, наместника в Изборске, взятого в плен ливонцами (1559 г.); Григория Афанасьевича, посланца в Константинополе (1592—1593 гг.); Ивана Афанасьевича, посла в Грузию (умер в 1601 г.). Как это нередко бывает в многочисленных дворянских родах, среди Нащокиных встречались и лица, которыми потомки отнюдь не могли гордиться. Так, Федор Андреевич, которому летопись присвоила мудреный эпитет «волкохищенной собаки», при Лжедмитрии участвовал в грабеже с литовскими людьми и был убит в Вологде в 1608 г.

Мы видим в родословной и прадеда Павла Воиновича, стольника Александра Федоровича Нащокина, умершего в царствование Петра I (в 1721 г.). От него пошли две интересующие нас линии рода Нащокиных, к младшей из которых принадлежал и Павел Воинович. Дед его, генерал-поручик Василий Александрович (1707—1760), оставил записки, изданные лишь в 1842 г. Отец, Воин (Доримедонт) Васильевич (1742—1804); также имел чин генерал-поручика. В «Записках» красочно рассказывается о его гордости, вспыльчивости и многих чудачествах (XI, 189—190).

Воин Васильевич был женат на Клеопатре Петровне Нелидовой (1767—1828), принадлежавшей к не титулованному, но знатному и богатому дворянскому роду. О своей матери друг Пушкина говорит: «Мать моя была в своем роде столь же замечательна, как и мой отец ... Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом <к> Нели-

²³ Составитель родословной Нащокиных (Русская родословная книга. СПб., 1873, с. 251—263) считает их родоначальником Дмитрия Дмитриевича Нащоку, но об отце его, выходеце из Италии, все же упоминает.

дову, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий. Английскому выучилась она шестидесяти лет» (XI, 191).

Сам Павел Воинович — потомок боярина Дмитрия Нащоки в 14-м колене. Как мы видим, род его был весьма старинным, он существовал уже пятьсот лет. Особо выдающихся личностей не дал, но людей незаурядных среди предков Нащокина все же было немало.

После смерти в 1721 г. стольника Александра Федоровича все родовое недвижимое имущество Нащокиных, согласно закону, перешло к его старшему сыну Федору, но и младший сын, дед Павла Воиновича, тем не менее несомненно был богат. Рассказ Нащокина о первых годах своего детства, записанный Пушкиным, рисует нам быт богатой барской семьи, еще тесно связанный с предыдущим, XVIII веком. Вот как образно и красочно описывает он, например, отъезд отца в Петербург и саму поездку: «На дворе собирается огромный обоз — крыльцо усеяно народом — гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными майорами в старинных мундирах и проч. Отец мой между ими в зеленом плаще ... Собираясь куда-нибудь в дорогу, подымался он всем домом. Впереди на рослой испанской лошади ехал поляк Куликовской с волторною ... должность его в доме состояла в том, что в базарные дни обязан он был выезжать на верблюде и показывать мужикам *lanterne magique*.²⁴ В дороге же подавал он волторною сигнал привалу и походу. За ним ехала одноколлка отца моего, за одноколкою — двухместная карета про случай дождя; под козлами находилось место любимого его шута Ивана Степаныча. Вслед тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадами, учителями, няньками и проч. За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек. Вслед за нею точно такая же фура с большими борзыми собаками» (XI, 189—190).

Умный и наблюдательный автор, воссоздавая красочные картины старинного русского быта, безусловно видит и его смешные стороны, но юмор, который окрашивает описание, добродушен, лишен обличительного пафоса.

²⁴ Волшебный фонарь (франц.).

Ничего странного он не усматривает в привычках своего отца. По словам Нащокина, «он был человек достойный в полной силе слова» (XII, 291).

За рассказами Нащокина о родителях, о знаменитых предках, в число которых он включает и известного боярина Афанасия Лаврентьевича Ордын-Нащокина («царственный большая печати и государственных великих дел обероветель» — XII, 290—291), стоит человек, несомненно любящий свое сословие, свой род и весь уклад старинной дворянской жизни.

Быть может, читатель спросит: какое отношение к творчеству Пушкина имеет родословная его друга — «Дукс земли Италийской», все эти бояре, послы, наместники, стольники, и «волкохищенная собака» (сторонник Лжедмитрия), и А. Л. Ордын-Нащокин (состоявший, впрочем, в весьма отдаленном родстве с предками Павла Воиновича),²⁵ и генерал-поручик екатерининского времени В. В. Нащокин?

Все эти исторические лица безусловно интересовали Пушкина; именно по его настоятельной просьбе П. В. Нащокин занялся описанием происхождения «некоторых предков» и познакомил поэта с личностью своего отца (XII, 290). Подобно Нащокину Пушкин дорожил своим дворянским достоинством, проявлял особое внимание к прошлому своего рода и также был склонен несколько преувеличивать его знатность.

Поэт выводит Пушкиных в «Борисе Годунове», в «Моей родословной» и других произведениях. В отрывке, носящем редакторское название «Начало автобиографии», он пишет: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории ... Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междоусобия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. Четверо²⁶ Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых» (XII, 311).

Все это соответствует истине, но надо сказать, что эти исторически известные Пушкины — лишь отдаленные родственники поэта по боковым линиям.

²⁵ Род Ордын-Нащокиных, впоследствии угасший, отделился от потомков Дмитрия Дмитриевича Нащоки еще в начале XV в.

²⁶ В действительности семеро.

При таком интересе и Пушкина, и Нащокина к своим родословным вряд ли можно сомневаться в том, что друзья не раз говорили о предках и того, и другого. Им было что о них порассказать, так как оба они не принадлежали к числу дворян, давно «отрекшихся» от своих отцов и их «древней славы», о которых поэт с тонкой иронией писал в великолепных строках «Езерского» (V, 99). Так, по имени главного героя, редакторы сочинений Пушкина называли его второй роман в стихах, который, к сожалению, остался неоконченным, вернее, только начатым. Поэт работал над ним в 1832—1833 гг.

Это произведение до некоторой степени загадочно. Никаких планов его не сохранилось. Авторского названия нет, и даже сюжет романа неизвестен. Начинается он с подробной родословной героя, которая вместе с рассуждениями автора о старом и новом дворянстве занимает более двухсот стихов. По существу, весь почти зачин романа посвящен родословной Езерских.

Невольно возникает мысль о том, нельзя ли обнаружить прототип этой дворянской родословной?

На мой взгляд, собственное родословие Пушкина вряд ли послужило единственным образцом родословной Езерского.

В 1830 г., в ответ на выпад Фаддея Булгарина, издававшегося над африканским предком поэта, Пушкин написал резко полемическую «Мою родословную». В ней поэт исторически точно перечислил многих своих предков, близких и далеких, противопоставляя их, древних дворян, «аристократии» карьеристов и выскочек, народившейся во время последних царствований. В «Езерском» Пушкин, изложив родословную героя, вновь возвращается к прежней теме о старом и новом дворянстве и снова иронически называет себя «мещанином»:

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной грунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.

(V, 99)

Однако, несмотря на эти повторения, сама по себе родословная Езерских — не сколок с пушкинской. У нее есть и какой-то другой прототип. Возможно, что им по-

служила родословная Нащокиных, по-видимому хорошо известная поэту.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамол и смуты в дни кровавы,
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе²⁷
Служили князям и царям.

(V, 93)

Последние три стиха перекликаются с тем, что сказано в «Российском гербовнике» о предках Павла Воиновича: «...потомки его, Нащокины, многие Российскому престолу служили в боярах, наместниками, стольниками и в иных знатных чинах, а некоторые посылались в иностранные государства посланниками».

Есть в повествовании о предках Езерского и другие места, которые, быть может, также внушены родословной пушкинского друга:

...Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверский
Был древле ужасом морей.
Одкульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода,
Гласит Софийский хронограф.

(V, 97)

Родоначальник Нащокиных не был варягом, и «гласит» о нем лишь «Российский гербовник», но он, по преданию, итальянский герцог и, подобно пушкинскому предку Радше («прусскому выходцу» — XII, 311), является основателем грозного и воинственного рода.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью.
Он в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские.

(V, 98)

Ивана и Илью с родословной Нащокиных, по-видимому, связать нельзя, но сына исторически достоверного основателя их рода, боярина Дмитрия Дмитриевича Нащоки, звали Андреем. Принятие схимы «Ондреем» Езер-

²⁷ «Ответом» в Московской Руси называлась посольская служба.

ским, быть может, навеяно судьбой боярина Ордын-Нащокина, которого Павел Воинович считал в числе своих предков. В 1672 г. этот выдающийся государственный деятель принял монашество в Крыпецком монастыре с именем Антония.

Возможно также, что с родословной друга Пушкина связан и еще один эпизод:

Другой Езерский, Елизар,
Учился кровию татар
Между Непрядвою и Доном.

(V, 98)

Боярин Дмитрий Дмитриевич Нащока в Куликовской битве (1380) участвовать не мог, но ранен он был, как известно, в Твери во время жестокой расправы этого города с татарами, когда ханский посланник Шевкал был сожжен заживо.

В сохранившихся вариантах начальных строф «Езерского» герой романа представлен то богатым баринном (Рулиным или Волиным), то никак не названным бедным чиновником, который живет «в конурке пятого жилья» (т. е. на пятом этаже).

С. М. Бонди было высказано предположение о том, что по ходу романа богатый молодой человек «должен был разориться и превратиться в бедняка».²⁸ Если это предположение — автором, надо сказать, недостаточно обоснованное — все же верно, то, на мой взгляд, задуманное Пушкиным превращение является еще одним доказательством, что Павел Воинович отчасти послужил Пушкину прототипом Езерского. Нащокин, правда, разорился, казалось безнадежно, уже после смерти поэта, но и при его жизни Павел Воинович то вел жизнь богатого человека, то бедствовал.

При жизни Пушкина Павел Воинович, по-видимому, не обращался ни с какими просьбами в дворянские учреждения. Не было в этом нужды. Когда же стали подрастать дети, Нащокин для обеспечения их будущего вынужден был заняться подтверждением дворянских прав своей семьи, восстановлением ее родословной. Воспоминаний было мало, требовались документы.

---

²⁸ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах, т. III. М., Гослитиздат, 1960, с. 536.

«Копия о дворянстве» показывает, что начиная с 1843 и вплоть до 1850 г. он неоднократно обращался в Московское дворянское депутатское собрание с различного рода прошениями. Излагать их подробно мы не будем, отметим лишь, что в 1843 г. отставной поручик «Павел Воинов сын Нащокин с детьми» — сыном Александром, дочерьми Натальей, Екатериной и Софьей был внесен в четвертую часть дворянской родословной книги Московской губернии. Четвертая книга — это роды иностранного происхождения.

Павел Воинович этим не удовлетворился. В 1850 г., представив родословную и ряд документов, свидетельствующих о принадлежности рода Нащокиных к «древнему дворянству», он ходатайствовал о перенесении себя и детей из четвертой книги в шестую, которая считалась наиболее почетной. В нее вносились «древние благородные дворянские роды», т. е. те дворянские роды, которые могли доказать свою принадлежность к дворянскому сословию в течение ста лет до момента издания Екатериной II жалованной грамоты дворянству (21 апреля 1785 г.). Ходатайство Нащокина было удовлетворено Дворянским депутатским собранием, решение которого утвердил Департамент герольдии Правительствующего Сената.

«Копия о дворянстве», таким образом, ставит на более твердую фактическую почву вопрос о генеалогии Нащокина.

Есть все основания думать, что не только родословная Нащокина, но и собственная его жизнь, насыщенная яркими и драматическими событиями, также дала Пушкину интереснейший материал для его художественного творчества. И, может быть, именно в этом заключается одна из причин, заставляющих особенно подробно останавливаться на тех периодах жизни Нащокина, непосредственным свидетелем которых был Пушкин.

* * *

Сведения о первых годах знакомства Пушкина и Нащокина, начавшегося еще в Царском Селе, очень скудны. Поэт, как известно, поступил в Лицей при его основании (19 октября 1811 г.). В апреле 1814 г. мальчик Павел Нащокин, которому шел тринадцатый год, был определен матерью в Благородный пансион при Лицее, где некоторое время учился и брат Пушкина — Левушка.

Со слов Павла Воиновича П. И. Бартенев записал в 1851 г.: «Они часто видались и скоро подружились. Пушкин полюбил его (Нащокина, — *Н. Р.*) за живость и остроту характера . . . Хотя у Пушкина в пансионе был брат (Лев), но он хаживал в пансион более для свидания с Нащокиным, чем с братом».²⁹

Установить, когда именно происходили эти царскосельские встречи, можно лишь приблизительно, так как даты выхода из пансиона Нащокина мы не знаем.

Левушка Пушкин, родившийся 17 апреля 1805 г., выдержал приемный экзамен в пансион одновременно с Нащокиным — 8 апреля 1814 г.³⁰ Ему было всего девять лет. В 1817 г. Лев Сергеевич, в Лицей не перешедший, был определен в Благородный пансион при Главном педагогическом институте.³¹ Таким образом, его пребывание в Царском Селе продолжалось три года. Поэту в 1814—1817 гг. было уже 15—18 лет, Нащокину — 13—16. Можно думать, что старший брат действительно охотнее проводил время с Нащокиным, почти своим ровесником (полтора года разницы), чем с Левушкой, который в эти годы был 9—12-летним мальчиком.

Как и Лев Пушкин, Нащокин не кончил Благородный пансион при Лицее. Согласно версии В. И. Сайтова, какое-то время Павел Воинович также обучался в пансионе при Главном педагогическом институте и являлся одним из ближайших пансионных приятелей С. А. Соболевского, что якобы видно из сохранившихся писем последнего.³² Однако это предположение Сайтова спорно и ничем не подтверждается; по крайней мере в опубликованных письмах Соболевского к Нащокину об их пансионной дружбе нет ни одного слова.

Точного года, когда кончилось обучение Нащокина, мы не знаем. Одно можно сказать — оно было недолгим и, как уже говорилось, явно недостаточным. Слишком уж безграмотны живые и интересные письма Павла Воиновича на русском языке. Будучи взрослым, он обладал

²⁹ Рассказы о Пушкине, с. 26.

³⁰ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 56.

³¹ Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927, с. 50 (далее: Письма к Хитрово).

³² Сайтов В. И. С. А. Соболевский. — В кн.: Сайтов В. И. Соболевский — друг Пушкина. СПб., 1922, с. 5—6.

большими и разносторонними знаниями, но русской грамотой этот умный и начитанный человек так и не овладел. По-русски он писал, не соблюдая никакой орфографии. Писем Нащокина на французском языке до нас не дошло, но несомненно, что этим языком он владел в совершенстве. Судя по «Запискам», в детстве у него с братом «было множество учителей, гувернеров и дядек», в том числе «один пудренный, чопорный француз, очень образованный, бывший приятель Фридриха II». По всей вероятности, именно этому учителю мальчик был обязан хорошим знанием разговорного языка и любовью к французской литературе. Я уже упоминал о том, что, по словам Н. И. Куликова, Нащокин хорошо ее знал.

Где находился Нащокин после выхода из пансиона и до поступления на военную службу, неизвестно. Во всяком случае, часто цитируемое указание П. И. Бартенева о том, что «Нащокин поступил в ополчение и потом в измайловцы, не кончив курса в пансионе»,³³ несомненно неверно. Павел Воинович вышел из пансиона, когда ополчение, собранное в 1812 г., уже было распущено.

Можно было думать, что сообщение о службе Нащокина в ополчении (кроме П. И. Бартенева никто об этом не упоминает) всецело основано на каком-то недоразумении. Однако Вера Андреевна Нащокина-Зыгина 19 сентября 1968 г. сообщила мне следующее: «До войны у меня была целая пачка документов, и я прекрасно помню, что там была бумага о том, что Павел Воинович Нащокин вступил в ополчение в 1813 году».

Таким образом, дворянский сын Павел Нащокин был записан в ополчение не после выхода из учебного заведения, а еще за год до поступления в Благородный пансион при Лицее. Мальчику шел двенадцатый год, и «служба», конечно, была чисто формальной. Быть может, в имени матери он все же щеголял тогда в форме ополченца. Возможно, и баталии устраивал, командуя крестьянскими ребятами. Не забудем, что речь идет о временах весьма давних, а Нащокин был сыном генерал-поручика.

³³ См. вступительную заметку П. И. Бартенева к публикации писем Пушкина к Нащокину в кн.: *Девятнадцатый век*, кн. I. М., 1872, с. 383. Под «пансионом» автор, по-видимому, понимает Благородный пансион при Лицее. О пребывании П. В. Нащокина в Главном педагогическом институте Бартенев нигде не упоминает.

До последнего времени отсутствовали сколько-нибудь точные сведения и о годах военной службы Нащокина.

В старинном очерке В. В. Толбина «Павел Воинович», помещенном в «Искре» В. Курочкина,³⁴ Нащокин назван «гвардейским кавалерийским офицером». М. Гершензон перепечатал очерк в своей известной статье «Друг Пушкина Нащокин», но, видимо, не придал веры свидетельству этого автора. О военной службе Нащокина Гершензон, как и другие, говорит лишь, что «он некоторое время прослужил в Измайловском полку, потом вышел в отставку и, вероятно, в половине 20-х годов переселился в Москву».³⁵ Хорошо знавший Нащокина Н. И. Куликов также упоминает о том, что Павел Воинович начал службу «в каком-то гвардейском конном полку», но прибавляет при этом, что он «вышел в отставку с чином прапорщика и в этом чине остался всю остальную жизнь».³⁶ Последнее не соответствует действительности.

В «копии о дворянстве» сказано, что в 1848 г. отставной поручик Павел Воинович Нащокин в числе других документов представил в Дворянское депутатское собрание указ об отставке. Текст указа приведен в «копии» не вполне точно. Я поэтому снова воспользуюсь цитированною уже рукописью Н. Н. Белянчикова,³⁷ который воспроизвел указ на основании архивного документа.³⁸

«По Указу его величества государя императора Александра Павловича самодержца всероссийского и прочая и прочая и прочая. Предъявитель сего поручик Павел Воинов сын Нащокин, 23 лет, из дворян. В службу вступил подпрапорщиком 1819 года марта 25 дня лейб-гвардии в Измайловский полк, из оного переведен в Кавалергардский полк с переименованием в юнкера 1820 июля 28, корнетом в Лейб-Кирасирский ея императорского величества полк 1821 ноября 18, в котором поручиком 1823 марта 13. В походах, домовых отпусках, штрафах и под судом не бывал, холост. К повышению аттестовался достойным. 1823 года ноября в 29 день по высочайшему его импера-

³⁴ Толбин В. В. Московские оригиналы былых времен. (Заметки старожила), III. Павел Воинович. — Искра, 1866, № 47, с. 624—626.

³⁵ Гершензон М. О. Образы прошлого. М., 1912, с. 52.

³⁶ Куликов Н. И. Александр Сергеевич Пушкин и Павел Воинович Нащокин. — Русская старина, 1880, декабрь, с. 990.

³⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 34—35.

³⁸ ГИАМО, ф. 4, оп. 14, № 1329, л. 5.

торского величества приказу уволен от службы по домашним обстоятельствам. Во свидетельство чего по высочайше предоставленному мне уполномочию дан сей Указ ему, поручику Нащокину, за моим подписанием и приложением герба моего печати, в Главной квартире в г. Могилеве на Днепре 18 ноября 1825 года, № 1526. Подлинный подписали: Главнокомандующий 1-ю Армиею граф Сакен. Держурный генерал (*подпись*)».

Согласно указанию Н. Н. Белянчикова, указ этот в деле имеется в копии. На ней собственноручная расписка Нащокина без даты: «Подлинный Указ обратно получил отставной поручик Павел Войнов сын Нащокин».

Немногие строки указа позволяют, однако, значительно точнее, чем прежде, увидеть военный отрезок жизни Павла Воиновича. Вместо весьма туманных воспоминаний перед нами ряд не подлежащих сомнению дат.

Нащокин, как и многие юноши-дворяне, именовавшиеся тогда «недорослями», рано начал службу — ему было 17 лет и 3 месяца. Его зачислили в гвардейский пехотный полк в звании подпрапорщика, что соответствовало юнкеру в кавалерии. В Измайловском полку он пробыл год и четыре месяца, после чего был переведен в самый аристократический полк гвардейской кавалерии — Кавалергардский. Там он прослужил также на правах юнкера, т. е. кандидата в офицеры, 16 месяцев, но при производстве в первый офицерский чин (корнета) Нащокин был переведен в Лейб-Кирасирский ее и. в. полк.

Полк этот, имевший с 1733 г. в наименовании почетную приставку «лейб», гвардейским не назывался. Он был переименован в лейб-гвардии Кирасирский ее и. в. полк с присвоением ему прав и преимуществ молодой гвардии гораздо позже — 26 июля 1856 г.

Таким образом, «гвардейским кавалерийским офицером» Павел Воинович не стал. Быть может, в Кавалергардском полку он не остался по денежным соображениям. И для службы в кирасирах офицеру нужно было иметь значительные личные средства, но все же меньше, чем в кавалергардах. Однако юнкером Кавалергардского полка Нащокин прослужил более года, офицером близкого к гвардии Кирасирского — ровно два, и обошлось это ему несомненно очень дорого.

Доверяя в целом повествованию о Павле Воиновиче «старожила» В. В. Толбина, необходимо учитывать, что он

был человеком, по всей вероятности, не военным и в силу этого допускал терминологические неточности.

Мемуарист пишет: «Петербургская³⁹ молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наследник громадного родового имения, гвардейский кавалерийский офицер, принятый в лучшем обществе, он удивлял многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались литераторы, художники, артисты и французские актрисы ... Деньги ему были ни по чем. Умный, образованный, человек со вкусом, он бросал их, желая покровительствовать художникам и артистам. Он любил жить и давал жить другим... Он покушал все, что попадало ему на глаза и останавливало чем-нибудь его внимание: мраморные вазы, китайские безделушки, фарфор, бронзу — что ни попало и сколько бы ни стоило; в особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова⁴⁰ учила свою лучшую роль, он заплатил ее горничной шальную цену и обделал в серебряный футляр, который вскоре подарил кому-то из знакомых».⁴¹

Как мы знаем, родовое имущество Нащокиных давно перешло к наследникам по старшей линии. Наследовать его Павел Воинович не мог, но автор, вероятно, имеет в виду «ростовскую вотчину», которая перешла к Нащокину после смерти отца (размеров ее мы не знаем). То, что В. В. Толбин сообщает о дружбе молодого кирасира с писателями, артистами и художниками, хорошо согласуется со сведениями о позднейшей жизни Павла Воиновича в Москве.

³⁹ Павел Воинович, вероятно, имел возможность часто бывать в столице, но его полк был расквартирован не в Петербурге, а в пригородных населенных пунктах. В «Истории л.-гв. Кирасирского полка» полковника Маркова (СПб., 1884) нет хронологически привязанных квартир полка в 1820—1825 гг. В тексте упоминаются Красное Село, Ижора, Пелла, Гатчина, позднее — более удаленные Великие Луки, Старая Русса. За эту справку благодарю Л. А. Черейского.

⁴⁰ Здесь, по-видимому, также имеет место (как и в случае, описанном выше) факт смешивания В. Н. Асенковой с какой-то другой артисткой. Асенкова дебютировала на сцене (1835), когда Нащокин уже жил в Москве.

⁴¹ Толбин В. В. Московские оригиналы былых времен, с. 625.

Н. В. Гоголь, близко знавший Нащокина, в обширном письме к Павлу Воиновичу от 20 (8) июля 1842 г. из Гастейна⁴² добавляет новые подробности петербургской жизни бывшего кавалергарда и кирасира, давая ей иное, чем В. В. Толбин, освещение: «Вы провели, по примеру многих, бешено и шумно вашу первую молодость, оставив за собой в свете название повесы. Свет остается навсегда при раз установленном от него же названии. Ему нет нужды, что у повесы была прекрасная душа, что в минуты самых повесничеств сквозили его благородные движения, что ни одного бесчестного дела им не было сделано». Гоголь стремился помочь Павлу Воиновичу, сильно бедствовавшему в 1842 г., по-новому устроить свою жизнь. Он считал в то же время, что сложившееся в свете неблагоприятное мнение о Нащокине «заграждает ему путь к казенным местам».

Гоголь обратился поэтому не к официальным лицам, а к известному петербургскому миллионеру и откупщику Д. Е. Бенардаки, которого он просил предоставить Павлу Воиновичу какое-либо место, где нужен «честнейший и благороднейший человек».

«Я ему рассказал все, ничего не скрывая: что вы промотали все свое состояние, что провели безрасчетно и шумно вашу молодость, что были в обществе знатных повес и игроков и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не изменили ни разу ее благородным движениям, умели приобрести невольное уважение достойных и умных людей и, с тем вместе, самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшего ее к вам преимущественно перед другими до конца жизни».

К немалому удивлению Гоголя петербургский богач, заинтересовавшись личностью Нащокина, предложил ему принять участие в воспитании его сына. Гоголь в свою очередь принял близко к сердцу этот неожиданный проект и в длинном послании старался убедить Павла Воиновича «совершить подвиг, угодный богу», так как молодой Бенардаки сможет, мол, со временем сделать много добра людям. Неизвестно, что Нащокин ответил великому писателю, но воспитателем будущего «прекрасного человека» Павел Воинович так и не стал.

---

⁴² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, с. 72—78.

Давно уже возникло предположение о том, что, создавая образ Хлобуева во II томе «Мертвых душ», Гоголь творчески использовал некоторые стороны личности Нащокина и ряд обстоятельств его жизни.

Сто лет тому назад В. В. Толбин писал о Павле Воиновиче: «Человеку этому Гоголь посвятил несколько лучших глав во втором томе своих „Мертвых душ“». ⁴³ Много позже Алексей Веселовский указывал: «В фигурах богатого откупщика Бенардаки, которого Гоголь очень ценил за деловитость и вместе с тем за гуманность, и бывшего друга Пушкина, промотавшегося вивера ⁴⁴ Нащокина, следует, на наш взгляд, видеть оригиналы Муразова ... и Хлобуева, как в этом убеждает оглашенная теперь переписка Гоголя, сводившего их в надежде спасти Нащокина». ⁴⁵

В настоящее время, когда мы значительно лучше, чем прежде, знаем биографию Павла Воиновича и яснее представляем себе его личность, вряд ли можно усомниться в том, что во многих отношениях он действительно послужил прототипом Хлобуева. Чтобы в этом убедиться, достаточно привести хотя бы несколько цитат из IV главы II тома «Мертвых душ».

«Только на одной Руси можно было существовать таким образом. Не имея ничего, он угощал и хлебосольничал, и даже оказывал покровительство, поощрял всяких артистов, приезжавших в город, давал им у себя приют и квартиру. Если <бы> кто заглянул в дом его, находившийся в городе, он бы никак не узнал, кто в нем хозяин. Сегодня поп в ризах служил там молебен. Завтра давали репетицию французские актеры. В иной день какой-нибудь, неизвестный никому почти в дому, поселялся в самой гостиной с бумагами и заводил там кабинет, и это не смущало и не беспокоило никого в доме, как бы было житейское дело. Иногда по целым дням не бывало крохи в доме. Иногда же задавался в нем такой обед, который удовлетворял бы вкусу утонченнейшего гастронома ... Зато временами бывали такие тяжелые минуты, что другой давно бы, на его месте, повесился или застрелился. Но его спасало религиозное настроение, которое странным обра-

⁴³ Толбин В. В. Московские оригиналы былых времен, с. 624.

⁴⁴ Прожигателя жизни (от франц. *viveur*).

⁴⁵ Веселовский Алексей. Этюды и характеристики, т. II. М., 1912, с. 224.

зом совмещалось в нем с беспутною его жизнью ... И, странное дело! — почти всегда приходила к нему в то время откуда-нибудь неожиданная помощь». ⁴⁶

Гоголевский Хлобуев несомненно живет по образу и подобию Нащокина. «Я человек хоть и дрянной, и картежник, и все, что хотите, — говорит он, — но взятков брать я не стану». ⁴⁷

Хлобуеву было предложено место управляющего, но он отказался, заявив: «Да кто же мне поверит имение: я промотал свое...». Распив с Чичиковым и Платоновым бутылку шампанского, Хлобуев «развязался, стал умен и мил. Остроты и анекдоты сыпались у него беспрерывно. В речах его оказалось столько познания людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи!». ⁴⁸

IV глава «Мертвых душ» писалась, по-видимому, в Москве в 1848—1849 гг., когда Нащокин жил там с семьей в очень тяжелых условиях.

Нельзя, однако, не согласиться с А. Н. Веселовским, который считал, что Хлобуев, конечно, не просто копия Нащокина: «... все эти ссылки имеют значение лишь потому, что могут определить ближайший повод к созданию характера, который затем свободно осложнялся и видоизменялся». ⁴⁹

Есть основания думать, что Павел Воинович был не только прототипом гоголевского Хлобуева, но и одного из героев Пушкина. Яркая и самобытная личность Нащокина, его жизнь, богатая бурными и драматическими событиями, нашли отражение в одном из интереснейших творческих замыслов Пушкина.

Автор первой научной биографии поэта П. В. Анненков посвятил подробную статью задуманному Пушкиным большому роману в прозе. ⁵⁰ Замысел его возник в связи с появившимся в 1828 г. романом английского писателя Э. Бульвера-Литтона «Пельгам, или Приключения одного благородного господина» (*Pelham, or the Adven-*

⁴⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, с. 219—220.

⁴⁷ Там же, с. 240.

⁴⁸ Там же, с. 211, 217.

⁴⁹ Веселовский Алексей. Этюды и характеристики, т. II, с. 224.

⁵⁰ Анненков П. Литературные проекты Пушкина. Планы социального романа и фантастической повести. — Вестник Европы, 1881, № 7, с. 29—60.

tures of gentelman, by Edward Bulver-Lytton). По аналогии с произведением Бульвера Пушкин намеревался назвать свой роман из современной ему жизни «Русский Пелам». Замысел не был осуществлен. Пушкин составил ряд довольно подробных планов этого произведения, но написал лишь короткий набросок первой главы и начало второй. Предполагают, что планы «Русского Пелама» относятся к 1835 г., а возможно, и к 1836 г.⁵¹

П. А. Анненков первый высказал предположение о том, что под именем главного героя Пельмова поэт собирался вывести Нащокина. По мнению Анненкова, в планах пушкинского романа нашли отражение занимавшие поэта рассказы Павла Воиновича «о своей родне и фамильных преданиях своей семьи».

Охарактеризовав бульверовского Пельгама, Анненков замечает: «Конечно, мудрено было Пушкину найти вокруг себя на Руси что-либо подобное этому английскому типу (разве вздумалось бы ему поискать некоторые задатки его в себе самом), но взамен дальнее ослабленное подобие его находилось, так сказать, под рукой у поэта. Более мягкое и даже более понятное отражение честно-шумной, благородно-странной, беспокойной жизни Пельгама представлялось в лице верного друга Пушкина, детски-доброго, доверчивого и впечатлительного П. В. Нащокина, о котором уже упоминали. С него, по нашему мнению, и намеревался Пушкин взять главные, основные черты лица и фигуры „русского Пельгама“. Действительно, по количеству необычных походов, по числу связей, знакомств всякого рода, по ряду неожиданных столкновений с людьми, катастроф и семейных переворотов, испытанных им, — друг Пушкина, насколько можно судить по преданиям и слухам о нем, очень близко подходит к типу „бывалого человека“ Бульвера, уступая ему в стойкости характера, в дельности и полноте внутреннего содержания. Зато он еще лучше отвечал намерению Пушкина — олицетворить идею о человеке, нравственно, так сказать, из чистого золота, который не теряет ценности, куда бы ни попал, где бы ни очутился. Редкие умели бы так сберечь человеческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совесть и неизменную доброту сердца, как этот друг Пушкина в самых критических обстоятельствах

⁵¹ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 485.

жизни, на краю гибели, в омуте слепых страстей и увлечений и под ударами судьбы и несчастий, большею частью им самим и накликаемых на себя». ⁵²

Очень вероятная догадка Анненкова, насколько я знаю, вплоть до последнего времени никем не оспаривалась. Сейчас, однако, П. М. Казанцевым выдвинуто предположение о том, что прототипом Пельмова, возможно, является учредитель близкого к декабристам общества «Зеленая лампа» Никита Всеволодович Всеволожский (1799—1862). ⁵³ По мнению П. М. Казанцева, «нельзя не усмотреть многих точек соприкосновения в судьбе героя пушкинского романа Пельмова и Никиты Всеволожского».

Доводы П. М. Казанцева кажутся убедительными, но, на мой взгляд, давнишней догадке Анненкова они не противоречат. Приходится только признать, что Пушкин, намереваясь создать своего Пельмова, предполагал наделить его некоторыми чертами и ближайшего своего друга — Нащокина, и друга молодости, не столь, правда, близкого, но все же любимого поэтом, — Никиты Всеволожского. Безусловно, было нечто общее в облике этих незаурядных людей.

*
* * *

Пушкин несомненно встречался с Нащокиным в Петербурге после окончания Лицея. Установить, когда именно начались эти петербургские встречи, пока нельзя, — как я уже упомянул, период перед поступлением в гвардию представляет одно из многочисленных «белых пятен» в биографии Нащокина. Юный чиновник Коллегии иностранных дел и уже известный поэт Александр Пушкин во всяком случае мог встречаться с еще более юным подпрапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка, вскоре ставшим юнкером Кавалергардского, начиная с 25 марта 1819 г. Видеть друга в гвардейской форме Пушкин мог в течение года с небольшим — в мае 1820 г. вольнодумного поэта, как известно, сослали служить в Бессарабию. К сожалению, мы не знаем о том, был ли уже в это время Нащокин приобщен к духовной жизни Пушкина.

В молодых же, порой буйных и для строгого моралиста

⁵² Анненков П. Литературные проекты Пушкина, с. 48.

⁵³ Казанцев П. М. К изучению «Русского Пелама» А. С. Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л., 1967, с. 21—33.

огорчительных забавах Павла Воиновича Пушкин несомненно участвовал не раз. М. А. Цявловский говорит о периоде петербургских встреч: «Общение Пушкина с П. В. Нащокиным, живущим очень широко и беспутно. Пушкин в компании приятелей Нащокина принимает участие в драке с немцами в загородном ресторане „Красный кабачок“ и в других развлечениях такого рода».⁵⁴ Много лет спустя, 18 мая 1836 г., поэт писал жене об этой ресторанной баталии: «Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном кабачке, и нам не доставалось, и немцы толочали тычки сложа руки?» (XVI, 117).

«Дней Александровых прекрасное начало» давно сменилось аракчеевщиной, но нравы были еще довольно вольные — при Николае I за подобное времяпрепровождение состоявшие на службе друзья могли бы понести серьезное наказание...

Военная служба Нащокина протекала в преддекабристские годы, когда гвардия была не только средоточием наиболее образованных, прогрессивно мыслящих слоев русского общества, но и центром широкого оппозиционного движения. В ней зарождались и формировались первые тайные общества, закладывались основы декабризма. Трудно представить, что столь характерная для этой эпохи атмосфера горячих политических споров, резкого осуждения аракчеевщины не оказала никакого воздействия на Нащокина. Однако политическая борьба, по-видимому, была ему внутренне чуждой. Во всяком случае у нас нет никаких данных на этот счет. И все же мы вправе предположить, что умный и наблюдательный Нащокин, не разделяя убеждений радикально настроенной части русского офицерства, не остался вполне равнодушным и к политическим вопросам.

Южная и михайловская ссылки на целых шесть лет разлучили поэта с Нащокиным. Долгое время не было оснований не соглашаться с П. И. Бартеневым, считавшим, что «с отъездом Пушкина на юг прекратились их сношения».⁵⁵ Не было действительно никаких указаний на то, что друзья в 1820—1826 гг. переписывались. Однако

⁵⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 199—200.

⁵⁵ См.: Деятнадцатый век, кн. I. М., 1872, с. 383.

в 1929 г. Н. О. Лернер опубликовал отысканный им в одном старинном журнале⁵⁶ отрывок из письма Пушкина к Нащокину из Бессарабии, которое публикатор относит к 1821 г. Привожу полностью этот небольшой отрывок — единственный пока след кишиневской переписки Пушкина с Павлом Воиновичем: «Я живу в стране, в которой долго бродил Назон. Ему бы не должно было так скучать в ней, как говорит предание. Все хорошенькие женщины имеют здесь мужей, кроме мужей — чичисбеев, а кроме их — еще кого-нибудь, чтобы не скучать...».⁵⁷

Редакторы академического издания сочинений Пушкина поместили отрывок в разделе «Dubia» (XIII, 352), но Н. О. Лернер не сомневался в его подлинности. По мнению этого автора, «кроме южной природы, юношу-поэта пленяли и южные женщины. Его остроумная характеристика хорошеньких бессарабок переносит нас в ту атмосферу легких любовных отношений, которая закреплена в его письмах, и его сатирическими стихами, и воспоминаниями современников о тогдашнем Кишиневе и тогдашнем Пушкине».⁵⁸

Анонимный автор заметки, найденной Лернером, упомянув о том, что некий «автографофил» недавно купил за дорогую цену (50 руб. серебром) записку Пушкина, содержащую всего несколько слов, прибавляет затем: «Спрашивается, что же бы после этого дал такой любитель знаменитых автографов за письма, которые покойный поэт писал к Н*** из Бессарабии⁵⁹ и из которых одно начинается так...» (следует текст отрывка). Таким образом, в конце 40-х годов, возможно, где-то хранилось не одно, а несколько кишиневских писем Пушкина к Нащокину. Однако вопрос об этих письмах до сих пор остается неясным.

Друзья встретились лишь через шесть лет, в сентябре 1826 г., в Москве, куда прибыл поэт, вызванный царем из михайловской ссылки. Встретились они много испытавшими, но все же молодыми людьми — Пушкину было 27 лет, Нащокину — 25.

⁵⁶ Северное обозрение, 1849, т. I, отдел «Смесь», с. 867—868.

⁵⁷ Лернер Н. О. Новооткрытые строки Пушкина. — Красная нива, 1929, № 24, 9 июня, с. 14.

⁵⁸ Северное обозрение, 1849, т. I, отдел «Смесь», с. 867.

⁵⁹ В другом месте заметки адресат писем назван определеннее: «короткий приятель Пушкина, П. В. Н***».

О жизни Нащокина в Москве после выхода в отставку, к сожалению, мы знаем очень мало. Пока в нашем распоряжении нет новых документальных данных и сколько-нибудь подробных известий. В сохранившихся воспоминаниях и письмах современников проскальзывают случайные упоминания о «московском существовании» Нащокина. О том, как оно протекало, мы можем во многом лишь догадываться.

По очень вероятному утверждению В. В. Толбина, после гвардейской службы Нащокин оказался в Москве «второе беднее». П. И. Бартенев сообщает, правда, что «мать его Клеопатра Петровна, урожд. Нелидова, умерла в 1828 году, оставив ему богатое наследство». ⁶⁰ Однако Н. Н. Беляничков весьма убедительно доказывает, что Клеопатра Петровна, скончавшаяся 20 августа 1828 г., все свое недвижимое имущество (дом в Москве и имение в Воронежской губернии) оставила дочери Анастасии Воиновне, по мужу Окуловой, и старшему сыну Василию Воиновичу, обойдя по каким-то соображениям младшего — Павла. ⁶¹ Судя по тому, что Павел Воинович уже через несколько месяцев после смерти матери принужден был делать долги, Клеопатра Петровна ему вообще ничего не завещала.

Несмотря на это, Нащокин, по-видимому, продолжал и в Москве вести прежний, широкий образ жизни. «Старожил» В. В. Толбин, причисляя Павла Воиновича к «московским оригиналам», писал: «С ним было близко все, что считалось в двадцатых годах лучшего и замечательного в художественном, артистическом и музыкальном мире». ⁶²

Не доверять в этом отношении мемуаристу нет оснований, хотя надежных данных об общении Нащокина с лучшими представителями образованного московского общества в 20-х годах известно немного. Многочисленные письма самых выдающихся людей России (не говоря уже о Пушкине и Гоголе) к П. В. Нащокину и упоминания о нем в их переписке относятся главным образом к концу 30-х и 40-м годам. Можно все же отметить, например, его знакомство — по-видимому, уже довольно близкое — с П. А. Вяземским. Следует также назвать знаменитого

⁶⁰ Письма П. В. Нащокина к А. С. Пушкину. — Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 433.

⁶¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 8—9.

⁶² Толбин В. В. Московские оригиналы былых времен, с. 625.

художника-портретиста П. Ф. Соколова, который, приезжая в Москву, останавливался у Нащокина и подолгу жил в его доме. Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина хранится акварель 1824 г., на которой художник изобразил комнату, отведенную ему Павлом Воиновичем, и самого себя за письменным столом⁶³ (эта акварель, кстати сказать, свидетельствует о том, что в 1824 г. Нащокин уже жил в Москве).

Во многом случайны и отрывочны и сведения о встречах Нащокина с Пушкиным во второй половине 20-х годов, хотя они несомненно были. Сохранилось лишь одно упоминание — М. П. Погодин записал в своем дневнике 31 декабря 1826 г.: «Утро у Пушкина с Нащокиным».⁶⁴

Это тем более досадно, что именно в московские годы давнее и близкое знакомство Пушкина и Нащокина переходит в теснейшую дружбу, которая кончится лишь со смертью поэта. Отношения их к началу 30-х годов характеризуются предельной дружеской откровенностью, полным взаимопониманием и горячей привязанностью друг к другу. В эти же годы начинается и их интенсивная регулярная переписка, хорошо сохранившаяся, но дошедшая до нас не полностью. В настоящее время известны 26 писем Пушкина к Нащокину (1830—1836) и 23 письма Нащокина к Пушкину (1831—1836). Во время своих ежегодных приездов в Москву Пушкин, как правило, останавливается у Нащокина. К Нащокину же, как к человеку, «больше него опытному в житейском деле»,⁶⁵ Пушкин обращается за советом, собираясь жениться на Наталье Николаевне. В июле 1833 г. Павел Воинович специально приезжает в Петербург крестить старшего сына поэта — Александра.

*

* *

Искренне любя и ценя Нащокина за его редкие душевные качества, бескорыстие, готовность прийти на помощь, Пушкин вместе с тем в ряде писем, относящихся к на-

⁶³ Буевская Т. В. Комната художника П. Ф. Соколова в доме П. В. Нащокина. — В кн.: Пушкин и его время, вып. I. Л., 1962, с. 511—515.

⁶⁴ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. Дневник М. П. Погодина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIX—XX. СПб., 1914, с. 84.

⁶⁵ Рассказы о Пушкине, с. 35.

чалу 30-х годов, выражает глубокое недовольство тем, как протекает жизнь его друга. 16 декабря 1831 г. Пушкин пишет жене из Москвы: ⁶⁶ «Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, оставшие гусары, студенты, стряпчие, цыгане, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, пьет, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет... Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит» (XIV, 249).

25 сентября следующего года Пушкин в письме к Наталье Николаевне говорит, что «Нащокин мил до чрезвычайности», но о его окружении отзывается еще резче, чем год назад, прибавляя: «...не понимаю, как можно жить окруженным такой сволочью» (XIV, 32).

Действительно, что-то неладное делалось с Нащокиным в эти годы. Его издавна неупорядоченная жизнь стала уже совсем беспорядочной. Причин этого переживаемого им душевного срыва мы не знаем. Возможно, их надо искать в печальных событиях 1828 г.

Нащокин в этом году потерял мать, о которой он отзывался как о «женщине необыкновенного ума и способностей». Клеопатра Петровна, живя вместе с сыном в Петербурге в годы его недолгой военной службы, по-видимому, не умела полностью обуздывать его мятущуюся натуру, баловала его свыше всякой меры; но все же присутствие матери, которую не хотелось слишком огорчать, было в известной мере сдерживающим началом.

И в том же 1828 году умерла женщина, которой, быть может, удавалось то, с чем не могла совладать мать. 5 августа этого года П. А. Вяземский пишет своему приятелю Николаю Алексеевичу Муханову: «Я совершенно ничего не знал о несчастье Нащокина. Известие ваше поразило меня нечаянностью и плачевностью. Я почти только раз видел покойницу и очень полюбил ее за миловидность и милое обращение. Расскажите мне, каким случаем умерла она так скоропостижно». ⁶⁷ Тогда же, 24 августа,

⁶⁶ Пушкин в этот приезд прожил у Нащокина около трех недель.

⁶⁷ Письма Петра Андреевича Вяземского братьям Мухановым, 1827 и 1828 гг. — В кн.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина, ч. IX. М., 1901, с. 193.

Александр Алексеевич Муханов пишет брату с театра военных действий: «Кланяйся Нащокину; я вполне разделяю его живое и огромное горе».⁶⁸

Мы ничего не знаем об этой подруге Нащокина, и вряд ли когда-нибудь станет известно, кто она; скорее всего, это была молодая женщина «из простых». Но знакомые Павла Воиновича несомненно знали, что она была ему очень дорога. «Несчастье Нащокина», «его живое и огромное горе»... Для этого доброго и привязчивого человека оно не могло пройти бесследно. Быть может, именно внезапная смерть подруги и была, по крайней мере отчасти, одной из причин, еще больше спутавшей и без того путанную жизнь Нащокина. В начале 30-х годов он, видимо, проживал остатки отцовского наследства. Имелась еще, правда, деревня, быть может та «ростовская вотчина», о которой мы уже упоминали. О ней же, вероятно, Нащокин писал Пушкину 2 сентября 1831 г.: «На будущее лето — предлагаю вам мою деревеньку на житье, которая состоит в 160 верстах от Москвы; я в ней жить не могу, а мог бы приехать дня на три» (XIV, 248). При усадьбе находились дворовые люди «числом до тридцати».⁶⁹ Судя по числу дворни, барский дом был не малый.

Жить можно было бы неплохо, но владельца одолевали долги. Карточные проигрыши (правда, чередовавшиеся с выигрышами) не позволяли как следует наладить жизнь. Но хуже всего было то, что Нащокин, видимо, постепенно отрывался в эти годы от той культурной среды, к которой раньше принадлежал. В письмах Павла Воиновича к Пушкину за 1831—1833 гг. и в воспоминаниях о Нащокине, относящихся к этому времени, мало упоминаний о людях сколько-нибудь выдающихся. Близость с ними либо в прошлом, либо еще в будущем.

У самого Нащокина порой чувствуется сильная неудовлетворенность своим существованием. 26 мая 1831 г. он пишет, например: «Живу я как в чаду и не весело — ты живешь как в деревне, говоришь ты, а я как в городской кузнице» (XIV, 178).

---

⁶⁸ Дневник и письма Александра Алексеевича Муханова. — В кн.: Пушкинский сборник, вып. III. М., 1904, с. 194.

⁶⁹ См. письмо Нащокина к Пушкину, посланное после 3 мая — в июне 1834 г. из Тулы (XV, 168—169).

То же самое сообщает Павел Воинович и 10 января 1833 г., давая очень образную зарисовку царящего в его доме быта: «Народу у меня очень много собираются, со всякими надо заниматься, а для чего, так богу *угодно*: ни читать, ни писать время нет — только и разговору — *здравствуйте, подай трубку, чаю. Прощайте* — очень редко — ибо у меня опять ночуют и по утру, не простясь, уходят» (XV, 41).

Характерно также, что при встречах с таким выдающимся человеком, как П. Я. Чаадаев, у Нащокина, по-видимому, впервые появляется состояние некоторой неуверенности. Павел Воинович с Чаадаевым знаком, часто видит его в клубе, но подойти к нему не отваживается: «... я об нём такого высокого мнения, что не знаю, как спросить или чем начать разговор» (XIV, 210).

Но и в период временного душевного спада Нащокин продолжает горячо интересоваться искусством и литературой, оказывает помощь нуждающимся артистам. В доме его в начале 30-х годов бывает несомненно талантливый композитор, музыкант и дирижер Андрей Петрович Есаулов. Не только бывает, но и подолгу живет в его доме, пользуясь щедрой поддержкой Павла Воиновича. По всей вероятности, он же познакомил Есаулова с Пушкиным. Когда состоялось это знакомство, мы не знаем, но во всяком случае уже 20 июня 1831 г. Нащокин пишет поэту: «Андрей Петрович свидетельствует тебе почтение, он почти столько же тебя знает и любит, как и я, что доказывает, что он не дурак, тебя знать — не безделица» (XIV, 179).

И Пушкин, и Нащокин принимают большое участие в сложной и в общем несчастной судьбе композитора. Фамилия Есаулова не раз встречается в письмах и того, и другого. Поэту нравился его романс «Расставание» (или «Прощание»), написанный на слова пушкинского стихотворения «В последний раз твой образ милый...», обращенного к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой.

В июне 1833 г. Нащокин, отправляясь в Петербург, взял с собой оставшегося без места Есаулова и в июле того же года через своего приятеля, директора театров А. М. Гедеонова, устроил его в оркестр императорских театров. Уезжая в Москву, Нащокин, видимо, поручил Есаулова заботам Пушкина и Соболевского. Однако крайне неуживчивый, неизменно ссорившийся с начальством композитор не удержался и здесь,

В середине марта 1834 г. Пушкин пишет Павлу Воиновичу: «Андрей Петрович в ужасном положении. Он умирал с голоду и сходил с ума. Соболевский и я, мы помогали ему деньгами скупю, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк капельмейстером. Он художник в душе и в привычках, то есть беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен; предпочитает всему независимость; но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример немецких гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба» (XV, 117).

В натуре Есаулова, как кажется, при всей его неуживчивости было много общего с мягким, бесхарактерным Нащокиным. Может быть, поэтому они и сблизились в самый неустроенный период жизни последнего.

*
*   *
*

О личной жизни Павла Воиновича до 1830 г. мы знаем очень мало. Как уже говорилось, в 1828 г. умирает его московская подруга, о которой с таким теплым чувством писал П. А. Вяземский.

Года через два начинается в жизни Павла Воиновича период «цыганский». 26 июня 1831 г. Пушкин пишет ему из Царского Села: «Еще кланяюсь Ольге Андреевне, Татьяне Демьяновне, Матрене Сергеевне и всей компании» (XIV, 181). «Компания» — это знаменитый московский цыганский хор Ильи Соколова, который близко знали оба друга.

В одну из тамошних певиц, Ольгу Андреевну Солдатову, страстный по натуре Нащокин влюбился, можно сказать, неистово. Об этом увлечении в 70-х годах рассказывала писателю Б. М. Маркевичу старушка цыганка Татьяна («Татьяна Демьяновна» пушкинского письма).⁷⁰ Когда-то она сама была знаменитой исполнительницей цыганских песен в том же хоре, что и Солдатова. «Нащокин, — по словам Татьяны, — пропал в ту пору из-за нее, из-за Ольги. Красавица она была и втора чудесная. Только она на любовь с ним не соглашалась, потому у ней

---

⁷⁰ В действительности ее звали Татьяной Дмитриевной Демьяновой (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 129).

свой предмет был — казак гвардейский, Орлов, богатейший человек; от него ребеночек у нее был».

Ольга Андреевна, по-видимому, была достаточно расчетливой особой. На степную Земфиру эта московская цыганка совсем не походила. На уговоры влюбленного Нащокина она не соглашалась, пока дела Павла Воиновича были плохи. «Однако тут он в скорости поправился как-то, и Ольга, так и не дождавшись Орлова, склонилась к нему (Нащокину, — *Н. Р.*) и переехала с ним на Садовую. Жили они там очень хорошо, в довольстве».⁷¹

В общем этот дворянско-цыганский роман Павла Воиновича весьма банален, и, вероятно, он более или менее быстро закончился бы, не стань Солдатовой матерью.

Впервые Пушкин упоминает о ней около 20 мая 1831 г., спрашивая в письме Павла Воиновича: «... что твоя хозяйка?» (XIV, 166), но Ольга Андреевна несомненно стала фактической женой Нащокина много раньше — вероятно, еще в 1829 г. В половине 1831 г. у Солдатовой уже двое детей от Нащокина — сын и дочь, которую крестил Пушкин. В разгар холерной эпидемии, 15 июля этого года, Нащокин дает другу ряд деловых поручений на случай своей смерти: «...а проценты половину на воспитание сына, если не умрет, ибо твоей крестницы уже нет, а другую на содержание матери» (XIV, 132). Пушкин тотчас же (21 июля) отвечает на это письмо: «Бедная моя крестница! вперед не буду крестить у тебя, любезный Павел Воинович; у меня не легка рука» (XIV, 196).

К малютке — сыну Нащокина, которого назвали Павлом, поэт относится внимательно и любовно. 7 октября 1831 г. Пушкин заканчивает письмо словами: «Кланяюсь Ольге Андреевне и твоему наследнику» (XIV, 231). В письмах Пушкин упоминает о нем еще дважды. 2 декабря 1832 г. он пишет: «...целую Павла» (XV, 37); в 10-х числах декабря (после 12) 1833 г. поэт сообщает: «С Плетневым о Павле еще не говорил, потому что дело не к спеху» (XV, 99). По-видимому, Нащокин, у которого в это время намечался жизненный перелом, хотел устроить своего ребенка.

Еще одно упоминание о сыне Павла Воиновича имеется в «Дневнике» Пушкина в записи от 19 июля 1834 г.:

⁷¹ Маркевич Б. М. Полн. собр. соч., т. XI. Спб., 1912, с. 129.

«19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу! слухи о смерти его сына ложны» (XII, 331).

Пушкин не раз передавал в письмах поклоны Ольге Андреевне. Судя по всему, он был к ней внимателен, гостя в Москве, обещал даже по ее просьбе прислать из Петербурга фуляры (шейные платки) и действительно их прислал. Поэт, однако, не скрывал от Павла Воиновича, что желает ему поскорее покончить с этой связью, безусловно, ощущая, что она постепенно стала для Нащокина безрадостной. Страсть к красивой певунье-цыганке прошла. Павел Воинович больше не «пропадал из-за Ольги». Куликов говорит, что «милая, беспечная, добродушная девушка» искренне любила Нащокина.⁷² Может быть, до поры до времени и любила — было за что его любить, но, конечно, не понимала никогда. А Павла Воиновича, видимо, начала тяготить каждодневная близость с совсем малокультурной женщиной (читать она, вероятно, умела, как и некоторые другие цыганки хора, знавшие «цыганскую» поэму Пушкина). Ольга Андреевна к тому же оказалась весьма капризной, о чем Нащокин упоминает в письме к поэту от 9 июня 1831 г. (XIV, 173).

Существовал, видимо, план выдать О. А. Солдатову за муж. 11 июня 1831 г. Пушкин, обращаясь к Павлу Воиновичу, писал: «Ольгу Андреевну сосватай да приезжай к нам без хлопот» (XIV, 174).

Павла Воиновича Нащокина знало в Москве множество людей. Не была, конечно, тайной и его связь с О. А. Солдатовой. П. И. Бартенев сообщает даже, что «в одном водевиле представлена была жизнь его с цыганкой Ольгою, и, сидя в креслах московского театра, Нащокин глядел на собственное изображение».⁷³ Автором этого водевиля был не кто иной, как приятель Павла Воиновича, Н. И. Куликов, о чем он сам рассказывает в своих воспоминаниях: «Ценя милый нрав Оли, я сочинил комедию с пением „Цыганка“ из их жизни, только, по тогдашнему благонаправному времени, женив Поля на предмете его любви».⁷⁴

Я уже упоминал о том, что не только Пушкин горячо любил Нащокина, но и его юная жена (в это время На-

⁷² Русская старина, 1880, декабрь, с. 993.

⁷³ Русский архив, 1878, кн. I, с. 76.

⁷⁴ Русская старина, 1880, декабрь, с. 993.

талье Николаевне еще не было 19 лет) очень хорошо относилась к Павлу Воиновичу. Несомненно знала, что в свое время Нащокин поддержал намерение друга жениться на ней.

Судя по письму Пушкина к жене от 22 сентября 1832 г., цыганка, доставлявшая Павлу Воиновичу столько неприятностей, вдобавок ко всему стала ему изменять. Поэт «нашел его по-прежнему озабоченным домашними обстоятельствами, но уже спокойнее в отношениях со своею Сарою.⁷⁵ Он кою,⁷⁶ и видит, что это состояние приятное и независимое» (XV, 30).

Казалось бы, что у Нащокина полное основание разойтись с Солдатовой, но нудная связь продолжается, и около 25 февраля 1833 г. Пушкин, выразив надежду заработать побольше денег, прибавляет: «Тогда авось разведем тебя с сожительницей» (XV, 50). 24 ноября того же года поэт называет ее имя в последний раз: «Ольге Андреевне мое почтение» (XV, 96).

В этом письме есть, однако, и еще одна фраза, которая, по всей вероятности, относится к той же О. А. Солдатовой, — фраза, для нее весьма нелестная. Рассказав о том, как, возвращаясь из Москвы, он среди дороги ссадил с козел своего пьяного слугу Гаврилу, Пушкин прибавляет: «... я подумал о тебе... Вели-ка своему Гавриле в юбке и в кацавейке слезть с козел — полно ему воевать» (XV, 96).

Итак, несмотря на постоянные советы Пушкина, долгое время ничто не изменялось. Умный, добрый, образованный человек по-прежнему оставался во власти малокультурной, ревливой и взбалмошной женщины, к которой он давно охладел и которая к тому же была ему неверна. Твердости характера у Павла Воиновича не было. Можно, кроме того, думать, что в Солдатовой он видел прежде всего мать своего сына, которого очень любил.

По-видимому, поэт хотел не только «развести» его с Ольгой Андреевной, но и совсем увезти друга из Москвы, подальше от той совершенно недостойной компании, в которую Павел Воинович там втянулся. Характерно, что при

---

⁷⁵ Поэт имеет в виду библейский персонаж — олицетворение ревливой жены.

⁷⁶ От французского слова *sосу* — обманутый муж.

всей своей привязанности к Нащокину он, приехав в Москву в 1832 г., у него не остановился.

И все же дороговому, но порядком беспутному другу Пушкин и в денежных делах доверял как никому другому. 16 февраля 1831 г. он, например, сообщает П. А. Плетневу: «Через несколько дней я женюсь: и представлю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение . . . 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные» (XIV, 152).

Пушкин знает, что делает. Знает, что его безалаберный Войныч — прежде всего человек предельно честный. Будут деньги (а они у Нащокина все же бывают — то неожиданное наследство, то крупный выигрыш) — отдаст непременно. Не только отдаст, но и сам даст займы. 7 октября 1831 г., в письме из Царского Села, поэт просит Павла Воиновича заплатить за него 15 тысяч московским игрокам в счет его 20-тысячного долга. Остальные 5 тысяч обещает уплатить сам в течение трех месяцев.

По совести говоря, трудно решить, кто из двух друзей хуже умел обращаться со своими средствами; кажется, все же Нащокин. Женившись и став отцом семейства, Пушкин, как уже было сказано, по-прежнему любя карты, прекратил все же крупную игру. Огромный проигрыш в 20 с лишним тысяч, с которым так трудно было расквитаться, он имел неосторожность сделать еще будучи холостым. Павел Воинович, как мы знаем, так и не перестал быть игроком.

В этом отношении все осталось по-старому, но только в этом. В остальном его жизнь, мятущаяся, путанная, какая-то ненастоящая, жизнь, в которой до этого, по-видимому, почти не было личного счастья, в конце 1833 г. изменилась светло и радостно.

*

* *

Пришла большая, подлинная любовь. . .

В письме Павла Воиновича к Пушкину от 17—18 ноября 1833 г. впервые названо имя любимой. Описав тяжелую сцену ревности, которую устроила его цыганская подруга, Нащокин продолжает: «На вопрос — пишу ли я к Вере Александровне, я сказал нет — и что пишу

к тебе с твоего отъезда; я более сего слово не сказал» (XV, 95).

Пушкин, только что уехавший из Москвы, где он провёл несколько дней в половине ноября, продолжал и заочно принимать самое близкое участие в сердечных делах друга. Едва вернувшись в Петербург, он пишет ему 24 ноября: «Что, Павел Воинович, каковы домашние обстоятельства? решено ли? мочи нет, хочется узнать развязку: я твой роман оставил на самом занимательном месте. Не смею надеяться, а можно надеяться. *Vous êtes un homme de passion*⁷⁷ — и в страстном состоянии духа ты в состоянии сделать то, о чем и не осмелился бы подумать в трезвом виде; как некогда пьяный переплыл ты реку, не умея плавать. Нынешнее дело на то же похоже — сыми рубашку, перекрестись и бух с берега» (XV, 95).

«Ты человек в высшей степени страстный...» — следующее письмо Павла Воиновича (конец ноября 1833 г.) как нельзя лучше подтверждает это мнение поэта. Страстное, отчаянное, сумбурное письмо: «Ах, любезный Александр Сергеевич, ты не можешь вообразить мое мучение и нет от него спасения... Ей-ей мочи нет, и не знаю, что делать... Хочу отдохнуть — не могу, все у меня кипит, пляшет, мнительность — ревность — досада, жалость — нерешительность — и тут же упрямство — про любовь я не говорю, ибо это все любовь, дух замирает, голова горит, — рассказывать я не в состоянии ни коротко, ни подробно». И далее: «... одним словом вот что я заключил — и как я представляю себя, — оно все мое *сердце*, мое предоброе, премягкое и препламенное, ум мой пренедоверчивый, и преотчетливый, и занятный» (XV, 96—97).

Прочтя эти до предела искренние строки, нетрудно понять, что доброму, очень совестливому человеку трудно разорвать с совершенно неподходящей, надоевшей ему женщиной, матерью его сына.

Но решение все же принято. Как и советовал Пушкин, Павел Воинович сделал над собой усилие и «бух с берега». Не позднее 26 января 1834 г. он пишет из села Тюфили:⁷⁸ «Выехал я из Москвы в Тюфили с тем, чтобы не возвра-

---

⁷⁷ Ты человек в высшей степени страстный (франц.).

⁷⁸ Имение А. Д. Балашова близ Симонова монастыря под Москвой, которое намеревался приобрести Нащокин. Пушкин был посредником в этом деле.

щаться; не знаю, куда и далеко ли заеду. Олинька не знает, что я ее оставляю, — и воображение мое насчет ее в грустном положении; возок уже заложенный, и еду я в одну подмосковну (так! — Н. Р.), где думаю жениться — на ком, тебе известно, но не знаю еще, как удастся, ибо покуда, кроме будущей и ее матери, никто не знает о моем решительном намерении» (XV, 105).

Почему-то Павел Воинович не сообщил Пушкину название подмосковной, в которую он ехал с надеждой жениться. Быть может, хотел оставить все в тайне на случай, если надежда не осуществится.

Сейчас мы можем сказать, что речь идет о селе Воскресенском,⁷⁹ которое располагалось в 46 верстах к югу от Москвы по Подольскому тракту (ныне часть шоссе Москва—Симферополь). Село это принадлежало тогда князю Ивану Алексеевичу Трубецкому.

Благодаря любезному содействию московского исследователя Юрия Борисовича Шмарова я получил копию чрезвычайно интересного документа о венчании Павла Воиновича, который включен в «Дело Московского дворянского депутатского собрания о дворянстве поручика П. В. Нащокина». Привожу текст документа полностью:

В ы п и с к а

из метрических книг Воскресенской церкви Богородицкого у.
за 1834 год

л. д. 1

Книга, данная из Московской Духовной консистории,
Бронницкой округи, церкви Воскресения Христова,
что в селе Воскресенском, причту для записи родившихся,
браком сочетавшихся и умерших

Часть вторая

Когда и кто именно венчаны	Кто были поручители
Число	В Генваре
2. По учинении надлежащего обыска венчан Лейб-Гвардии Кирасирского Его	Поручителями были по женихе: князь Иван Алексеевич Трубецкой и отставной

⁷⁹ При первой публикации моей работы о Нащокиных я ошибочно принял это село за современный город Воскресенск (Простор, 1969, № 4, с. 82).

Величества полка⁸⁰ отставной поручик Павел Воинович Нащокин, первым браком с московской мещанской дочерью девицей Верой Александровой Нагаевой.

копиист Лев Александрович Нарской.

По невесте: тайный советник, действительный камергер и разных орденов кавалер Александр Петрович Нащокин.

Венчал села Воскресенского, Воскресенской церкви священник Иван Васильевич Крылов.

При бракосочетании был той же церкви дьячок Михаил Иванов Людмилов, пономарь Леонтий Иванов Рождественский.

(ГИАМО, ф. 203, оп. 745, № 1390, 1834 г.).

Итак, свадьба Павла Воиновича Нащокина состоялась 2 января 1834 г.⁸¹ К сожалению, как мне сообщил Ю. Б. Шмаров, «книги обысков», в которых подробно указывались подтвержденные документами сведения о происхождении невесты и жениха, по Воскресенской церкви не сохранились. Из метрической выписки мы узнаем лишь, что невеста принадлежала к мещанскому сословию и что ее девичья фамилия — Нагаева. Что касается поручителей (шаферов), то князь И. А. Трубецкой, вероятно, был одним из близких знакомых Павла Воиновича, Александр Петрович Нащокин — его троюродный брат, о котором, так же как и об отставном копиисте Л. А. Нарском, речь пойдет ниже.

В подлинности документа о венчании сомневаться не приходится, но в не менее подлинной «копии о дворянстве», к которой мы уже много раз обращались, упомянуто о том, что, согласно «Списку о семействе и состоянии», представленному в Московское дворянское депу-

---

⁸⁰ Почему-то в церковном документе неправильно указано название полка, в котором служил до отставки жених. Лейб-гвардии Кирасирский его и. в. полк действительно существовал и был причислен к составу гвардии еще в 1813 г., но Павел Воинович, как видно из указа об отставке, служил в другом полку — Лейб-Кирасирском ее и. в. В тексте записи есть еще одна неточность — Лев Александрович, как и его брат, писался Нарский, а не Нарской.

⁸¹ Если в выписке, приобщенной к делу о дворянстве П. В. Нащокина, нет описки в дате венчания, приходится считать, что в академическом издании (XV, 105) письмо Нащокина из села Тюфили датировано неправильно («Январь (не позднее 26) 1834»; нужно: «конец декабря 1833»).

татское собрание в 1848 г., «Павел Воинович Нащокин был женат тогда на Вере Александровне Нарской».

В чем же причина разногласия официальных источников?

Жена ближайшего друга Пушкина, Вера Александровна Нащокина, ставшая таким же другом поэта и пронесшая память о нем через всю свою жизнь, уже давно привлекала внимание мемуаристов и исследователей. Написано о ней немало. Немало строк посвящено и не столь уж важному вопросу о ее происхождении, но в этом отношении сведения крайне противоречивы. Ясно лишь одно: Вера Александровна — внебрачная дочь, но кто ее отец, это оставалось невыясненным вплоть до нашего времени.

Почти сто лет тому назад Н. И. Куликов писал: «В это время Павел Воинович влюбился в прехорошенькую барышню однофамилицу — Веру Александровну Нащокину, женился на ней и на некоторое время исчез из Москвы: жил в деревне у тестя, потом, кажется, в Туле».⁸²

Этим сведениям позднейшие авторы, по-видимому, не придали веры.

А. Б. Лобанов-Ростовский наряду с Нарской⁸³ приводит и иную девичью фамилию Веры Александровны — Нашева.⁸⁴

По свидетельству П. И. Бартенева, который познакомился с Верой Александровной в 1851 г., она — незаконная дочь Петра Александровича Нащокина;⁸⁵ девичья же фамилия жены Павла Воиновича — Нарская. Таким образом, Бартенев полагал, что Нащокин женился на дочери своего троюродного племянника.

В. В. Вересаев считал, что девичья фамилия Веры Александровны — Снарская.⁸⁶

---

⁸² Куликов Н. И. Александр Сергеевич Пушкин и Павел Воинович Нащокин. Очерки и воспоминания. — Русская старина, 1880, декабрь, с. 993.

⁸³ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1895, с. 27.

⁸⁴ Там же, с. 465.

⁸⁵ Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 446. Внебрачные дети в дореволюционное время носили, как общее правило, фамилию матери. Отчество им присваивалось по крестному, а не по фактическому отцу.

⁸⁶ Вересаев В. В. Спутники Пушкина, т. 2. М., 1937, с. 246.

В наши дни Н. Н. Белянчиков, возвращаясь к вопросу об отце Нащокиной, упоминает о том, что, «по некоторым сведениям, это был священник Покровской церкви на Кудринской улице. Он умер в Москве и был похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с могилой Нащокина». Приведя эту версию, автор в дальнейшем утверждает, однако, что отцом Веры Александровны является «какой-то богатый домовладелец Александр Нарский, имевший дом под № 100 по Б. Покровской улице».⁸⁷

Не будем утомлять читателя дальнейшими поисками отца В. А. Нащокиной. В настоящее время благодаря сведениям, сообщенным В. А. Нащокиной-Зызиной, со всей этой путаницей можно навсегда покончить. В письме от 8 декабря 1966 г. она сообщает: «По рассказам матери и старших сестер, Вера Александровна была внебрачной дочерью Александра Петровича Нащокина и крепостной крестьянки. Она родилась в имении Рай-Семеновское, на реке Наре, и потому получила она и ее два брата, Федор и Лев, фамилию Нарских, по названию реки».

Скептики, конечно, могут усомниться в достоверности семейного предания,⁸⁸ особенно когда речь идет о таком запутанном вопросе, как происхождение Веры Александровны. К счастью, помимо предания, есть и документы — два письма Александра Петровича к дочери от 13 марта и 16 апреля 1834 г., фотокопии которых лежат в моей папке.

Первое из них обстоятельно и занимает более трех страниц. В конце его длинная собственноручная приписка матери Нащокиной. Александр Петрович в это время, видимо, уже очень больной человек. Сам он писать почти не мог. Только обращение, один абзац и подпись собственноручные, весь же остальной текст написан несомненно под диктовку аккуратным писарским почерком.

«Друг мой милый, родной, сердечный, бесценное мое сокровище Верочка», — обращается старик к дочери. «... я самый несчастный и тяжело больной человек», — диктует он через несколько строк.

Последняя страница почти деликом занята очень трудно читаемой припиской матери. Вера Александровна,

---

⁸⁷ Белянчиков Н. Литературная загадка. — Вопросы литературы, 1965, № 2, с. 256.

⁸⁸ В. А. Нащокина-Зызина родилась уже после смерти своей бабушки.

III
от моего друга Фридриха Вальтера Прасера
и Нонне Дюшана Прасера, старшей дочери
и Фридриха Дюшана Прасера - а также
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына

Фридрих Дюшан Прасер, старший сын
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына
Фридриха Дюшана Прасера, старшего сына

Фрагмент письма А. П. Нащокина к дочери В. А. Нащокиной от 13 марта 1834 г.
(Архив В. А. Нащокиной-Зызиной).

можно думать, хорошо разбирала эти малопонятные каракули крестьянки, родившейся в XVIII в. Я с ними справиться не смог. Благодарю писательницу и палеографа Анну Борисовну Никольскую за прочтение этой страницы (ряд слов все же разобрать не удалось).

Приведу выдержку из приписки с сохранением орфографии.⁸⁹ «Милая моя родная сокровища Верочка прекрасная дочка моя дай бог штоба ты с своим мужем были здоровы с почты письмо твое получила ищо с каким-то барином как мы были рады особена тому што в милова друга (т. е. А. П. Нащокина, — *Н. Р.*) рожденья письмо твое пришло... Мы все вас к себе ждали к ехтому дни молодые вы люди а сюрпризов неумеити делать... Парашку к тебе пришло непримена... Прощай родная моя поцалуй Павла Воиноча очень жилеим што он все нездоров».

Письмо, по-видимому, послано из Москвы. Мать Нащокиной упоминает о том, что некой княгине Трубецкой, заболевшей тяжелой водянкой, врачи советуют ехать в Москву. Князя сейчас здесь нет, и его жена, «теперь... прискачет верно к нам». Кроме того, Александр Петрович упоминает в своем письме о том, что они с новобрачными «в 2-х стах верстах» живут «друг от друга». Двести верст — это примерно расстояние по грунтовой дороге от Москвы до Тулы, где в это время жили Вера Александровна с Павлом Воиновичем, и почти вдвое больше, чем от столицы до Рай-Семеновского.

*

*   *

Итак, мы знаем теперь, кто были родители Веры Александровны. Скажем несколько подробнее о ее отце — А. П. Нащокине (1758—1838), московском знакомом Пушкина.

Отец Александра Петровича, почетный опекун Московского воспитательного дома, скончавшийся в 1809 г., и отец Павла Воиновича были двоюродными братьями, а их сыновья, следовательно, троюродными. Знатный и в начале XIX в. очень богатый барин, А. П. Нащокин при Павле I имел придворное звание гофмаршала; в 1822 г. он тайный советник и действительный камергер. В тор-

---

⁸⁹ Знаки препинания в приписке отсутствуют.

жественных случаях ему полагалось надевать расшитый золотом мундир с укрепленным на нем камергерским ключом. Женат он был на Елизавете Семеновне Хвостовой, от которой имел пятерых детей — четырех сыновей и одну дочь. Нам придется говорить более подробно о его сыновьях Петре и Павле. Павлу Воиновичу они приходились троюродными племянниками.

По словам Д. Н. Свербеева, о жене А. П. Нащокина рассказывали, что она «была одною из первых петербургских красавиц, необыкновенно любезная и умная».⁹⁰ Тот же автор говорит, что Александр Петрович овдовел в начале царствования Александра I. В «копии о дворянстве» он показан вдовым в 1822 г. Более ранних упоминаний о его семейном положении в этом документе нет, но Е. С. Нащокина скончалась, по-видимому, до 1810 г. (в родословных книгах год ее смерти не указан).

Как старшему представителю старшей линии Нащокиных ему принадлежало великолепное родовое имение Рай-Семеновское,⁹¹ расположенное на реке Наре в 103 км к югу от Москвы (б. Серпуховский уезд Московской губернии).

Рай-Семеновское — одно из самых живописных подмосковных имений. Александр Петрович, поселившийся там после смерти жены, очень его любил. В архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР хранится написанный его рукой листок со стихотворением одного из его гостей — вероятно, Ф. Ф. Кошкина, известного театрального деятеля, драматурга и поэта:

Семеновское Рай! Ты Райское селенье,
Хозяин — друг добра, приветный хлебосол.
Источники твои — источники целенья,
Здоровый и больной здесь верпо рай нашел.

Под этими стихами А. П. Нащокин написал собственные вирши:

Когда здесь гости дорогие, тогда Семеновское Рай,
Тогда хозяин рад и счастливым себя считает,
Когда же он гостей, друзей из Рая провожает,
Тогда ему уныл и скучен здешний край.⁹²

⁹⁰ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1826), т. II. М., 1899, с. 131.

⁹¹ Ильин М. А. Подмосковье. М., 1966, с. 141, 143—144.

⁹² Архив Д. П. Ознобишина — ИРЛИ, ф. 213, № 182.

Д. Н. Свербеев, бывавший в Рай-Семеновском и лично знавший его владельца, сообщает, что «архитектура барского дома была подражанием одной из итальянских вилл. Впоследствии были пристроены к главному дому две огромные залы для балов и спектаклей. Пристройка не нарушала симметрии, но в этом доме негде было жить удобно самому хозяину, который, впрочем, и жил только напоказ, для эффекта. Чего только у него не было? И очень порядочный оркестр из крепостных, с капельмейстером из немцев, понимавшим музыку, и домашняя капелла с удивительными певчими, целая труппа своих же актеров с двумя очень красивыми и талантливыми актрисами и примадоннами».⁹³

Судя по сохранившимся изображениям дома Нащокиных в его первоначальном виде, обширное трехэтажное строение, увенчанное башенкой (бельведером), действительно напоминало старинную итальянскую виллу. По обеим сторонам входа в ограду находились статуи вздыбленных коней без всадников. Впоследствии дом был перестроен, и в настоящее время он имеет совершенно иной вид (сейчас в нем помещается детский санаторий).

На высоком, но пологом холме над рекой Нарой и поныне стоит великолепная, хотя сейчас и обветшавшая, усадебная церковь, творение зодчего М. Ф. Казакова, который, по некоторым сведениям, построил и дом владельца поместья. Постройка церкви была начата в 1765 г., очевидно еще при отце Александра Петровича, и закончена лишь в 1783 г.⁹⁴

Рай-семеновские «источники целенья», о которых упомянул в своем стихотворении Ф. Ф. Кокосикин, это железистый ключ в соседнем овраге, открытый в 1810—1811 гг. По словам Свербеева, «московский профессор химик Рейс подверг эту воду химическому анализу, а некоторые из врачей определили <ее> минеральную целебность». На время село стало модным подмосковным курортом, в который съезжались окрестные помещики и жители столицы. В изданной в 1817 г. (без указания имени автора) брошюре «Чудесное исцеление, или Путешествие к водам спасителя в село Рай-Семеновское, принадлежащее г. тайному советнику, действительному ка-

⁹³ Записки Д. Н. Свербеева, с. 133.

⁹⁴ Ильин М. А. Подмосковье, с. 141—144.

мергеру и кавалеру А. П. Нащокину», написанной цветистым языком XVIII в., содержится подробное описание этого своеобразного, отлично организованного курорта. Владельцем вод в нем были построены многочисленные отдельные дома для приезжающих, гостиница, трактир, театр (летний), больница для неимущих на 25 кроватей, аптека, роскошно обставленное ванное заведение.

Конечно, создание такого курорта оказалось очень убыточным. Поездки в «райское селение», кажется, вообще были зачастую лишь предлогом для того, чтобы повеселиться в доме гостеприимного помещика и побывать в его театре. На посетителей вод владелец Рай-Семеновского смотрел как на своих личных гостей и старался всячески их развлекать. Не приходится сомневаться в том, что это обходилось ему очень дорого.

Автор брошюры 1817 г. подробно описывает театральные представления, о которых упоминает и Свербеев, всевозможные праздники, многочисленные барские затей, на которые А. П. Нащокин, видимо, в самом деле был большой мастер.

Не приходится удивляться тому, что все эти барские причуды сильно подорвали состояние А. П. Нащокина. В начале 20-х годов Рай-семеновские воды навсегда прекратили свое существование. В год свадьбы дочери с Павлом Воиновичем Александр Петрович — 76-летний немощный разорившийся старик, вероятно состоявший под опекой. Он прожил все же еще четыре года и скончался в 1838 г.

Можно было ожидать, что место захоронения этого носителя старинной дворянской фамилии, имевшего к тому же высокий чин и придворное звание, будет указано в одном из изданных вел. кн. Николаем Михайловичем «Некрополей» — «Московском» или «Провинциальном». В действительности же имя А. П. Нащокина в этих справочниках не упоминается. До последнего времени считалось, что местонахождение его могилы остается неизвестным. Однако местный старожил краевед Н. Столяров в ответ на мой запрос сообщил мне, что «Александр Петрович Нащокин похоронен в своем семейном склепе», который был пристроен с двух сторон... церкви в селе Рай-Семеновском». До 1930 г. надгробные плиты на могилах Александра Петровича и его близких находились на своих местах, но затем, с закрытием церкви, они по-

степенно исчезли. Сообщение Н. Столярова никаких сомнений не вызывает.

Мать Веры Александровны Нащокиной — бывшая крепостная Дарья Нестеровна Нагаева, получившая до этого вольную и в год рождения дочери состоявшая, как видно из записи в метрической книге, в мещанском сословии.⁹⁵ Трудно сказать, была ли она русской или принадлежала к какой-либо восточной народности. Как видно из ее приписки, эта добрая женщина, полюбившая, видимо, и зятя, уже несколько приобщилась к дворянской культуре. Она знает и даже пишет правильно совсем не крестьянское слово «сюрприз». По-крестьянски называет человека, доставившего ей письмо; «баринном», но о княгине Трубецкой пишет как о знакомой. «Парашку к тебе пришла» — тоже звучит вполне по-господски. Мы не можем сказать, сколько лет было этой барыне-крестьянке, но, вероятно, мать Веры Александровны была гораздо моложе «милова друга», как она звала Александра Петровича.

Прожила она, однако, недолго и скончалась раньше старика мужа — вероятно, не позже 1836 г. «Как мне рассказывала сестра, мать Веры Александровны рано умерла, и ее сестра Груня (Агриппина, — *Н. Р.*), замечательно красивая девушка, заменила двум братьям мать. И как я помню, в письмах только и было разговору о Левиньке и Фединьке, и подписаны они были большею частью не отцом, а этой Груней», — сообщила В. А. Нащокина-Зызина в письме от 22 апреля 1968 г.

И по происхождению, и по образованию родители Веры Александровны — люди очень разные, но любили они друг друга нежно. Бывшая крепостная называет своего бывшего барина другом, и то же хорошее, теплое слово мы читаем в письме Александра Петровича. Он сообщает дочери, что после пасхи, когда просохнут дороги, надеется навестить ее с Дарьей Нестеровной («...с другом моим, а с твоею маменькой»).

*

* *

Веру Александровну — скажем теперь же, одну из самых душевно привлекательных женщин, которых знал

⁹⁵ Н. Н. Белянчиков первый установил ее имя и отчество (ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 85).

Пушкин, — можно думать, с детства окружала дружная любовь родителей.

Дата ее свадьбы нам теперь известна. Сколько же ей было лет в 1834 г.?

Год рождения жены Павла Воиновича в литературе о Пушкине нигде не приводится. По сообщению В. А. Нащокиной-Зызиной, он не указан и в имеющихся у нее материалах. Приходится поэтому, едва упомянув о свадьбе Веры Александровны, сразу же обратиться к документу о ее смерти. Дата кончины известна давно, но возраст умершей исследователи называют по-разному.

И здесь нам окажет помощь все та же «копия о дворянстве». На 6-й странице старинного документа имеется позднейшая запись: «Означенная в сем документе вдова поручика из дворян Вера Александровна Нащокина сего 1900 г. ноября 16 дня скончалась от роду 89 лет. В оном удостоверяю, с приложением казенной печати, рождественский, на Бутырках протоиерей Михаил Невский. 1900 года, ноября 17 дня».

На основании этой церковной справки можно, таким образом, считать, что Вера Александровна родилась скорее всего в 1811 г., во всяком случае не ранее конца 1810 г.

Она вышла замуж в возрасте около 23 лет — по понятиям того времени, относительно поздно. Павлу Воиновичу было тогда 32 года.

Пока нельзя с уверенностью сказать, почему венчание происходило именно в селе Воскресенском. Из Москвы Павел Воинович уехал по необходимости — скрылся от своей ревливой подруги, оставив ей все, что было в квартире, и, кроме того, некоторую сумму денег. С молодым князем И. А. Трубецким (ему было тогда 29 лет) Нащокин, надо думать, сговорился заранее.

Предполагать, что родители невесты в это время жили в поместье князя — селе Воскресенском, оснований нет. С другой стороны, если бы Александр Петрович по-прежнему проживал в своем родовом гнезде, Рай-Семеновском, то венчание дочери, наверное, состоялось бы не в церкви чужого села, а в усадебном храме, построенном Казаковым.

В церковной книге Вера Александровна, как мы знаем, записана под фамилией Нагаевой, — очевидно, на основании метрического свидетельства, выданного при ее

крещении. По всей вероятности, в 1834 г. у нее не было на руках документа, удостоверяющего право именоваться Нарской.⁹⁶ Такой документ все же должен был существовать, так как внебрачным детям А. П. Нащокина эта фамилия, которую они носили на законном основании, могла быть присвоена лишь официальным путем.

Вряд ли Павла Воиновича особенно интересовали бумаги девушки, которую он полюбил так, что у него «дух захватывает, голова горит». Есть документ, на основании которого можно обвенчаться, и хорошо... Сословные чувства жениха, можно думать, покорно замолчали, когда заговорила любовь. Отставному поручику Лейб-Кирасирского полка к тому же ничего разрешения на сословно неравный, но совершенно законный брак не требовалось.

Какие-то знакомые (или, быть может, родные) все же отговаривали его «на разные манеры», но Павел Воинович в конце декабря 1833 г. сообщил Пушкину: «... мне кажется, коли что я захочу, того бог хочет» (XV, 105).

Как уже отмечалось, Н. И. Куликов писал, что «Павел Воинович влюбился в прехорошенькую барышню». Да, она была прелестна, эта «барышня-крестьянка» по происхождению, не походившая ни на «девушку из народа», ни на молодую поповну. На сохранившихся портретах мы видим изящную барышню, каких немало было в дворянских культурных семьях пушкинского времени. Нельзя назвать ее блестящей красавицей, но тонкие, очень правильные черты лица полны скромной, одухотворенной прелести.

Мы воспроизводим (к сожалению, не в красках) акварель, идентифицированную и описанную Анной Лазаревой Вейнберг.⁹⁷ В настоящее время она экспонирована на стене 27-го зала во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. По мнению Вейнберг, «такой, должно быть, видел ее Пушкин в последний свой приезд в Москву в мае 1836 года». Портрет не датирован, но нарисован он во всяком случае в самые первые годы замужества В. А. Нащокиной.

---

⁹⁶ Иначе бы ее брат, Лев Александрович Нарский, не мог бы быть по церковным установлениям поручителем на ее свадьбе (А. П. Нащокин формально являлся посторонним лицом).

⁹⁷ Вейнберг А. О портретах П. В. и В. А. Нащокиных. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 756—757.

Приходится согласиться с автором статьи, что «Вера Александровна юная, цветущая». Она вышла замуж, как мы знаем, около 23 лет, но выглядит моложе. Портрет несомненно сделан в один из материально благополучных периодов жизни Павла Воиновича. Он одел молодую жену, можно сказать, роскошно. А. Л. Вейнберг так описывает ее убор: «Вокруг головы золотой, украшенный аметистами обруч, или фероньера, как это украшение тогда называлось во Франции. Ее пунцовая бархатная капавейка богато украшена собольим мехом. Поверх нее большой кружевной белый воротник, заколотый брошью из гранатов, которые тогда сильно были в моде. Из таких же камней длинные висячие серьги. Красный цвет, по-видимому, любимый цвет Веры Александровны, так как на других известных нам портретах повсюду встречается красное пятно...».

В молодости, как это видно на портретах, у Веры Александровны были прекрасные черные волосы. Забегая вперед, упомянем о том, что в 1835 г. Наталья Николаевна заказала ей в Петербурге шляпу. Сообщая об этом Нащокину (20 января этого года), Пушкин прибавляет: «Жена говорит, что *comme M-me Нащокина est brune et qu'elle a un beau teint*,⁹⁸ то выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого. Впрочем, это дело дамское» (XVI, 6). Мы не знаем, на каком цвете остановилась жена поэта, но красный, наверное, очень шел к брюнетке восточного типа. Вейнберг находит у нее «тонкие, строгие черты с едва уловимым восточным оттенком». На мой взгляд, судя по акварели, этот ориентальный оттенок был выражен очень явственно. У Веры Александровны лицо скорее красивой тюркской, чем русской женщины.

Быть может, ее мать, Нагаева, действительно была обрусевшей татаркой или турчанкой, как мать Жуковского. Возможно также, что своим явно восточным обликом Нащокина обязана какой-нибудь далекой бабушке со стороны отца, о которой мы ничего не знаем.

О том, как проходила жизнь Нащокиной до замужества, сведений в литературе до настоящего времени не

⁹⁸ «... так как г-жа Нащокина брюнетка и у нее прекрасный цвет лица» (франц.). «Прекрасный», вероятно, надо понимать как нежно-розовый. Нередкий у брюнеток (особенно восточного происхождения) смуглый цвет кожи в то время красивым не считался.

было. Ее внучка сообщила мне, что Вера Александровна была «обожаемой» дочерью. Отец «дал ей прекрасное воспитание и образование, она совершенно грамотно писала по-русски, что было редкостью среди дворянских женщин» (письмо от 8 декабря 1966 г.).

Ознакомившись с подлинниками нескольких писем Веры Александровны, я могу в полной мере подтвердить сообщение ее внучки: не только вполне грамотные, но и стилистически выдержанные, написанные хорошим слогом письма.

Жена Нащокина в свое время несомненно училась и музыке. Т. Г. Цявловская сообщила мне, что на полях книги «Рассказы о Пушкине» рядом со словами П. И. Бартенева, что Вера Александровна «часто играла на гитаре, пела», М. А. Цявловский записал карандашом: «Сын Нащокина, Андрей Павлович Нащокин, говорил мне, что мать его никогда не играла на гитаре. Она была ученица Фильда⁹⁹ и играла на рояле».¹⁰⁰ Возможно, что Андрей Павлович, помнивший свою мать уже немолодой женщиной (в год его рождения В. А. Нащокиной было 43—44 года), не ошибался, говоря М. А. Цявловскому, что она никогда не играла на гитаре, а только на рояле. В молодости же она, скорее всего, играла, как и многие барышни того времени. По воспоминаниям современников, Вера Александровна, пользуясь тонкими палочками или вязальными спицами, играла и на крошечном рояле высотой в 18 сантиметров, который и сейчас стоит в знаменитом «Нащокинском домике».¹⁰¹ Анонимный автор, по-видимому лично знавший В. А. Нащокину в последние годы ее жизни, утверждает, что «она исполняла камерную музыку с знаменитейшими артистами того времени».¹⁰²

О горячей любви Александра Петровича к дочери говорит и его письмо от 13 марта 1834 г., начало которого я уже привел. В нем жалобы на свое горестное состояние, на будто бы очень обидное отношение родственников и знакомых, резкие слова по адресу «законных» сыновей

---

⁹⁹ Джон Фильд (1782—1837) — знаменитый ирландский пианист, композитор и музыкальный педагог, с 1802 г. и до конца жизни живший в России.

¹⁰⁰ Рассказы о Пушкине, с. 46.

¹⁰¹ Назарова Г. И. Нащокинский домик. Л., 1971, с. 13.

¹⁰² Друг Пушкина Вера Александровна Нащокина. — Семья, 1899, № 24, с. 7.

чередуются с полными нежности строками, обращенными к «незаконной»: «Ах! мой друг, пожалей обо мне, несчастнейшем старике. На свете одна ты, моя прелестная красавица, обо мне несчастном вспомнила¹⁰³... Затем прости, моя душа, прелестное сокровище. Господь с тобою, ангел хранитель. Несчетно раз тебя целую и пребуду по гроб мой вернейший друг твой».

Во втором (очень коротком) письме от 16 апреля 1834 г., где Александр Петрович поздравляет живущих в Туле молодоженов с наступающим праздником пасхи, он находит теплые слова для них обоих: «Затем прощайте, друзья мои родные... Несчетно раз вас обоих целую. Что вы зажились в Туле, бог вас знает. Какая разница бы была и для вас и для меня, если бы мы были вместе... Прощайте, друзья мои милые, родные».

Все сказанное позволяет думать, что от своего положения внебрачной, незаконной дочери Вера Александровна вряд ли страдала. Александр Петрович свою любимую дочь в обиду, конечно, никому не давал. Я уже упоминал о том, что А. П. Нащокин, по словам Д. Н. Свербеева, овдовел в начале царствования Александра I. Если это сообщение верно, то Вера Александровна появилась на свет уже после смерти его жены. Во всяком случае, Елизаветы Семеновны не было в живых в 1817 г., когда девочке было лет 6—7.

Мы не знаем, когда Александр Петрович окончательно заболел и перестал распоряжаться своим имуществом, но из письма А. Я. Булгакова к брату от 14 ноября 1831 г.¹⁰⁴ видно, что в конце этого года он еще состоял уездным предводителем дворянства и иногда, на правах камергера, появлялся при дворе. Вера Александровна несомненно успела получить к этому времени хорошее домашнее образование — она совершенно взрослая барышня лет двадцати.

К сожалению, Александр Петрович вовремя ее достаточно не обеспечил. В 1834 г. его возможности были уже крайне ограничены. Даже послать в Тулу карету за молодоженами для него затруднительно. «Дорого просят — 75 рублей. Однако как-нибудь да постараюсь отпра-

¹⁰³ Речь идет о дне рождения Александра Петровича, с которым многие, в том числе и Павел Войнович, забыли его поздравить.

¹⁰⁴ Русский архив, 1902, кн. I, с. 140.

вить», — пишет Александр Петрович дочери 16 апреля 1834 г. Своих лошадей у бывшего богатого помещика, очевидно, уже нет.

Все же совсем небольшое имение для Веры Александровны он приобрел заранее, но, видимо, в 1834 г. не мог уже полноправно им распорядиться. 13 марта он диктует: «Купленное мною имение в Тверской губернии, в Новоторжском уезде, сельцо Глебово, назначенное мною тебе в приданое, я требовал от детей моих, чтобы они сие имение вам отдали, состоящие по 7-ой ревизии 22 души, а что по 8-ой налицо окажется, неизвестно.¹⁰⁵ Петр Александрович хотел к вам писать, чтобы вы сие имение, сельцо Глебово, им продали. Итак, я спешу вас предостеречь: 1-е, лучше всего не продавать, ибо деревенька прекрасная, мужики, покамест я владел, были в самом лучшем состоянии, лесу и земли очень довольно, то остережитесь, бога ради, не торопитесь продавать, а если вздумаете, то просите 20-ть тысяч, меньше 14-ти тысяч ни под каким видом не отдавайте, без чего вы большую ошибку сделаете. Впрочем, если станете продавать, то переписитесь со мною, я по сущей совести души и сердца моего дурного совета вам не дам; пожалуйста, остережитесь и спишитесь со мною».

К сожалению, настоятельный совет Александра Петровича не продавать сельцо Глебово оказался бесполезным. Старик не предвидел того, что случилось после его смерти. Сводные братья, унаследовавшие Рай-Семеновское поместье, как сообщает Нащокина-Зызина в письме от 8 мая 1967 г., оттягали у ее бабушки по суду деревеньку с 22 ревизскими душами.

Нащокин не только уговаривает дочь и зятя остерегаться своих сыновей. Его чувства по отношению к ним, и особенно к старшему, Петру Александровичу, исполнены болезненной ненависти. Обидевшись на сына, не приехавшего поздравить его с днем рождения, отец диктует писарю предельно злые, сумбурные слова, называет сына «разбойником» и «злодеем».

---

¹⁰⁵ Ревизия — перепись крепостных крестьян мужского пола; 7-я ревизия была объявлена в 1815 г., 8-я производилась в 1833 г. Перепись шла, как и при предыдущих ревизиях, весьма медленно, и весной 1834 г. результаты, видимо, еще не были известны.

Надо, однако, сказать, что у Петра Александровича (1793—1864), так разгневавшего отца, была репутация действительно очень незавидная. Он служил в гвардии, в Отечественную войну 1812 г. был адъютантом генерала Д. С. Дохтурова. Из л.-гв. Кирасирского полка корнета Нащокина исключили за карточную игру, что в те времена случалось не часто. Хотя обстоятельства этого исключения из гвардии неизвестны, сам факт все же заставляет усомниться в порядочности Петра Александровича. Некоторое время он прослужил на Кавказе и вышел в отставку в том же чине. Современники знали Петра Нащокина как гуляку, дуэлянта, участника скандальных походов графа Ф. И. Толстого, прозванного «Американцем». Некая г-жа Новосильцева рассказывает о безобразном поведении обоих друзей: «В продолжение многих лет они жили почти неразлучно, кутили вместе, попадали вместе в тюрьму и устраивали охоты, о которых их близкие и дальние соседи хранили долго воспоминание. Друзья в сопровождении сотни охотников и огромной стаи собак являлись к незнакомым помещикам, разбивали палатки в саду или среди двора, и начинался шумный, хмельной пир. Хозяева дома и их прислуга молили бога о помощи и не смели поглядеть на глаза непрощенным гостям».¹⁰⁶

Тяжба с сестрой из-за ее маленького именища тоже никак не говорит в пользу обоих законных сыновей Александра Петровича. Вероятно, жестоко ругая их в письме, отец в немалой степени был прав.

К этому следует прибавить, что, по сообщению краеведа Н. Столярова, в Рай-Семеновском среди потомков бывших крепостных Петра Александровича и сейчас бытуют о нем крайне мрачные предания, несомненно основанные на каких-то подлинных фактах. По их рассказам, это был изверг и садист, зачастую собственноручно поровний своих крепостных, как мужчин, так и женщин. Некоторые из его жертв умирали. В свое время он присвоил себе право первой ночи с выходившими замуж крестьянскими девушками и широко им пользовался. Отправляясь ночью на свидание с одной из своих подневольных любовниц, Петр Александрович упал в погреб

---

¹⁰⁶ Рассказы из прошлого. Сообщила г-жа Новосильцева. — Русская старина, 1878, март, с. 538—540.

и сломал ногу, после чего его прозвали «хромым барином». Ярый крепостник, П. А. Нащокин, по-видимому, продолжал эти истязания до самой отмены крепостного права. Реформа 19 февраля 1861 г. повергла его в отчаяние, и он разразился проклятиями и угрозами по адресу царя.

Младший брат, Павел Александрович (1798—1843), вероятно, был менее отталкивающей личностью, не вызывавшей столько негодования со стороны окружающих. В «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского о нем сказано: «...адъютант вел. кн. Михаила Павловича, гвардии полковник, потом действительный статский советник».¹⁰⁷

Братья Нащокины интересуют нас не только в силу своих родственных связей с Верой Александровной, но еще и потому, что входят в число лиц, несомненно знакомых Пушкину. В письме к поэту от второй половины (после 16 декабря) 1836 г. Павел Воинович спрашивает: «Я к тебе писал с П. А. Нащокиным; не знаю, получил ли ты мое письмо или нет» (XVI, 212). Комментаторы безоговорочно относят инициалы «П. А.» к Петру Александровичу.

Младший брат в литературе о Пушкине до последнего времени не упоминался (или упоминание сопровождалось вопросительным знаком — XVII, 297). Однако знакомство с послужными списками обоих братьев позволяет внести ясность в этот вопрос. Долгое время считалось бесспорным, что Пушкин, советуя брату Льву в письме от 1—10 ноября 1824 г. из Тригорского отвыкнуть «со временем от Нащокина, от Сабурова, от вина и от Воейковой» (XIII, 119), имеет в виду Павла Воиновича.

Сейчас же, когда мы знаем, что последний вышел «по домашним обстоятельствам» в отставку из Лейб-Кирасирского полка 29 ноября 1823 г., а в 1824 г. несомненно жил в Москве, где у него гостил художник П. Ф. Соколов,¹⁰⁸ можно считать доказанным, что в данном случае речь может идти только о Павле Александровиче Нащокине, служившем в л.-гв. Гусарском полку. Именно

---

¹⁰⁷ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1895, с. 27.

¹⁰⁸ Бувевская Т. В. Комната художника П. Ф. Соколова в доме П. В. Нащокина, с. 511—515.

о Павле Александровиче писал, по-видимому, и М. В. Юзефович в своих воспоминаниях, отмечая, что Пушкин еще в Лицее «попал в среду стоявшей в Царском Селе лейб-гусарской молодежи. Там бывали и философы, вроде Чаадаева, и эпикурейцы, вроде Нащокина».¹⁰⁹

В Государственном Историческом музее в Москве хранятся портреты Петра и Павла Нащокиных, а также их старшего брата Федора, скончавшегося в Дрездене в 1813 г.¹¹⁰

Облик Петра Александровича вполне соответствует его репутации: у него лицо жестокого, своевольного человека. Он изображен в белой расстегнутой рубашке, поверх которой выпущен большой нательный крест на необычно длинной цепочке. Судя по преданиям, сохранившимся в Рай-Семеновском, жестокий «хромой барин» был в то же время ханжой. Рассказывают, например, что однажды он, стоя на коленях, молился у гроба запоротой им девушки. Совсем не похож на него любезный, подтянутый гвардии полковник Павел Александрович, нарисованный П. Ф. Соколовым (?).

*
* * *

Вера Александровна Нащокина родилась, как было уже указано, в Рай-Семеновском, когда Александр Петрович обладал еще очень крупными средствами. Нужды его любимая дочь во всяком случае не знала. Вряд ли она знала ее и тогда, когда отец, как я думаю, попал под опеку. Опекуны все же были обязаны приличным образом его содержать, а Александр Петрович, конечно, делал, что мог, для своей любимицы.

Но вот она замужем за помещиком, еще молодым, у которого есть и вотчина, и «души». Есть у В. А. Нащокиной пока и собственная деревенька. По закону дворянство мужа «сообщено» и жене. Казалось бы, все обстоит благополучно...

Если не ошибается Н. И. Куликов, Павел Воинович

¹⁰⁹ Юзефович М. В. Памяти Пушкина. — Русский архив, 1880, III, с. 433.

¹¹⁰ Всего у А. П. Нащокина было пятеро законных детей — четверо сыновей (Федор, Петр, Семен и Павел) и одна дочь, Дарья Александровна, в замужестве Бахметьева.

после свадьбы некоторое время прожил с женой в деревне у тестя. Прибавим только — не в Рай-Семеновском, а, вероятно, в одной из принадлежавших А. П. Нащокину деревень поблизости от этого села. Затем молодые уехали в Тулу. Последнее не подлежит сомнению: уже 13 марта, через шесть недель после свадьбы, их нет у Александра Петровича, а в письме от 16 апреля он спрашивает дочь: «Что вы зажились в Туле, бог вас знает».

Причина задержки, о которой отец, очевидно, не догадывался, была простая — не на что было выехать, не на что жить... Павел Воинович надеялся, что Пушкин вот-вот вышлет ему долг, и тогда можно будет отправиться в свою деревню. Из Тулы он написал другу шесть писем. Пять из них сохранились и давно опубликованы. К сожалению, до нас не дошло первое и самое интересное, в котором Павел Воинович извещал Пушкина о женитьбе. Поэт отозвался на него длинным письмом из Петербурга, посланным между 23 и 30 марта. В нем он сообщает: «Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму. Во-первых, получаю от тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствие, и охота со мною болтать. С первых строк вижу, что ты спокоен и счастлив. Каждое слово уничтожает сплетни, половине коих я не верил, но коих другая половина сильно меня тревожила... Нат.<алья> Ник.<олаевна> нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною, и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет... Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно, мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своею — и надеюсь, что Вера Ал.<ександровна> будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна» (XV, 117).

Должно быть, эти задушевные строки своего друга Павел Воинович читал с теплым и радостным чувством. Зато деловая часть письма его, наверное, огорчила. Поэт напомнил Нащокину: «Когда ты отправил меня из Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; от того-то я моих распоряжений и не сделал». Пушкин предупредил друга: «До октября денег у меня не будет — но твои 3000 доставлю тебе в непро-

должительном времени, по срокам, которые назначу, сообразуясь с моими обстоятельствами» (XV, 116—117).

Обстоятельства были трудные. Недавно найденное письмо Пушкина к брату жены, Дмитрию Николаевичу Гончарову, который после смерти деда, Афанасия Николаевича, и в связи с душевным заболеванием отца, Николая Афанасьевича, стал главой семьи Гончаровых, показывает, что уже в первой половине 1833 г. материальное положение Пушкина было крайне тяжелым. Тревожные мысли о будущем семьи лишали поэта душевного покоя и радости творчества.

«Я не богат, — писал он своему шурину, — а мои перешенные дела не позволяют мне заниматься литературным трудом, который давал мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние».¹¹¹

Вероятно, с очень тяжелым чувством Пушкин был вынужден откладывать уплату своего долга Павлу Воиновичу. Лишь частично он смог его погасить в январе 1835 г.

По-видимому, остальных пяти тульских писем поэт вовремя не получил,¹¹² а они — поскольку речь шла о деньгах — были одно отчаяннее другого. Молодожены испытывали в незнакомом городе жестокую нужду. Уже 24 марта Нащокин пишет: «Ради бога, займи да пришли, у меня всего 5 рублей» (XV, 120). Вскоре после 22 апреля он уверяет друга: «...жена моя ничего не знает — и не замечает — ибо я наружно очень весел и спокоен». В конце письма Павел Воинович прибавляет: «...хотя мне и очень плохо — но все лучше того, что бы было — если бы не жена моя ... Она ей-ей премилая, и прекроткая — только бы не сглазить» (XV, 131).

В следующем письме (конец апреля 1834 г.) Нащокин, продолжая описывать свое горестное положение, сообщает: «Жена моя брюхата, — без причуд, только не

---

¹¹¹ Дементьев М., Ободовская И. Редчайшая находка — неизвестное письмо Пушкина. — Литературная газета, 1970, № 50, 9 декабря.

¹¹² Нащокин, вероятно, не знал нового адреса Пушкина, переехавшего на другую квартиру, и посылал их на имя известного книгопродавца и издателя А. Ф. Смирдина, который, по словам поэта, «держит... письма по целым месяцам, а иногда, вероятно, их и затеривает» (XVI, 4; письмо написано не позднее 8 января 1835 г.).

любит табаку, — знать, будет старовер. Я желаю дочь — она будет сестрою Павлу Павловичу. Сын же — того и гляди — вместо брата делается ему барином, чего я не хочу. Что мне приятно, что жена моя в большой дружбе с моим сыном» (XV, 135).

«Премилой и прекроткой» Вера Александровна оставалась на протяжении всей своей долгой и трудной жизни. Очень трогательным было отношение этой молодой женщины, дворянской барышни по воспитанию, к внебрачному ребенку мужа, и к тому же сыну цыганки. То же самое надо сказать и о взглядах самого Павла Воиновича, старинного дворянина и бывшего кирасира. И муж, и жена прежде всего люди без предрассудков...

Полюбив Веру Александровну, но, видимо, еще мало ее зная, Нащокин, правда, подумывал, как я уже упоминал, о том, что сына придется куда-то пристроить. Боялся, очевидно, что ребенок может помешать задуманной женитьбе. Был рад тому, что ошибся.

Судьба этого мальчика, которого знал Пушкин, после 1834 г. неизвестна. Она остается неясной и сейчас, но все же В. А. Нащокина-Зызина со слов старшей сестры смогла сообщить (в письме от 15 февраля 1967 г.), что Павел вырос и, будучи взрослым, посещал Веру Александровну. В свою очередь П. И. Бартенев указывает, что сын Павла Воиновича пережил отца.¹¹³ Сведения о нем, по всей вероятности, рано или поздно отыщутся, но фамилии Нащокина он, не будучи, насколько известно, усыновленным, носить не мог.

Во время пребывания молодых супругов в Туле Вера Александровна вряд ли не догадывалась о том, что у мужа денег нет и он достает их с великим трудом. Скорее, не хотела огорчать Павла Воиновича и делала вид, что не замечает... Во всяком случае, уже ко времени отправления шестого письма Нащокина Пушкину (после 3 мая — в июне) отчаянное положение мужа не могло оставаться для нее тайной. «По пятому уже я все продал, что только можно продать, вчетверо дешевле настоящей цены, должен слишком тысячу рублей, и вниз не смею сходить — как в комнатах не душно, потому что хозяин по-

---

¹¹³ Письма П. В. Нащокина к А. С. Пушкину. — Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 438.

прежнему суров — и вдобавок и пьян», — писал Нащокин (XV, 169).

Итак, только что выйдя замуж, Вера Александровна, вероятно, впервые в жизни испытала хотя и временную, но жестокую и обидную нужду. Милая и кроткая женщина, как видим, сносила ее терпеливо.

Почему же, однако, Павел Воинович не попросил помочь тестя? Ведь как ни стеснен был в средствах Александр Петрович, а несколько сот рублей для любимой дочери он бы, вероятно, достал. «Мне совестно перед тобой, мне совестно перед Тулою, — и совестно перед собою описывать нужду, которую я терплю, мне оскорбительно, я никак не могу», — писал Павел Воинович Пушкину 3 мая (XV, 139). Об обращении к тестю, конечно, и речи быть не могло, мешал стыд. Приходилось терпеть...

Из петербургского письма Пушкина, посланного Нащокину около (не позднее) 8 января 1835 г., мы узнаем, что Павлу Воиновичу пришлось покинуть Тулу из-за пожаров. Отъезд стал возможен, вероятно, благодаря тому, что Пушкин, несмотря на свое тяжелое материальное положение в это время, все же послал, как уже было упомянуто, Павлу Воиновичу тысячу рублей в счет своего долга. Деньги, отправленные из Петербурга 19 июня, были получены в Туле в последних числах этого месяца. Лето 1834 г. Нащокин, видимо, как и хотел раньше, провел в своей деревне, а затем, вероятно в ноябре, вместе с женой вернулся наконец в Москву.

Около (не позднее) 12 декабря он пишет Пушкину уже из столицы: «Теперь я в Москве ... Слава богу, здоров, но все не так, как в деревне» (XV, 202—203).

Для нас существенно вспомнить, когда же Вера Александровна, выйдя замуж, могла видеться с Пушкиным. Она познакомилась с ним в ноябре 1833 г., в Москве, будучи еще невестой Нащокина. Как мы знаем, свадьба их состоялась в январе 1834 г. Поэт в это время жил в Петербурге. В цитированном письме от 8 января 1835 г. он сетует: «Все лето рыскал я по России и нигде тебя не застал; из Тулы выгнан ты был пожарами; в Москве не застал я тебя неделю; в Торжке никто не мог о тебе мне дать известия ... Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил» (XVI, 4).

В 1834 г. Вере Александровне встретиться с поэтом несомненно не пришлось. Не видела она его и в 1835 г., так как Пушкин против обыкновения весь этот год не был в Москве. Таким образом, будучи замужем, Вера Александровна виделась с Пушкиным лишь в 1836 г., когда он, приехав в Москву в последний раз, провел у Нащокиных восемнадцать дней.

Не видя воочию поженившихся Нащокиных, Пушкин очень интересовался тем, как же складывается семейная жизнь друга. «С любопытством взглянул бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь, — писал он Нащокину в начале января 1835 г. — Я знал тебя всегда под бурю и в качке. Какое действие имеет на тебя спокойствие? видал ли ты лошадей, выгруженных на Петербургской бирже? Они шатаются и не могут ходить. Не то ли и с тобою?» (XVI, 4).

Переписка друзей в это время становится более интенсивной. Они спешат поделиться друг с другом последними семейными новостями, сообщают о рождении детей, здоровье членов семьи. Так, около (не позднее) 12 декабря 1834 г. Нащокин писал Пушкину: «Теперь я в Москве. Жена моя родила мне дочь Катерину» (XV, 202). Поэт ответил ему около (не позднее) 8 января 1835 г.: «Поздравляю тебя с дочкою Катериной Павловной; желаю роженице здоровья. (Ты не пищешь, когда она родила)» (XVI, 4).¹⁴

Из членов семейства Нащокиных в число пушкинских «знакомых» следует ввести и вторую дочь Павла Воиновича — Софию Павловну, родившуюся, как это следует из «копии», 12 января 1836 г. В работах о Нащокине,

---

¹⁴ Дата рождения этой девочки — 19 ноября 1834 г. — не всегда приводится комментаторами писем Пушкина или дается неправильно (неверно указана она, например, в издании: Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. X. М.—Л., 1962, с. 456). В письме от 22 апреля 1968 г. В. А. Нащокина-Зыкина сообщила: «О ее рождении и крещении у меня есть бумага, где указывается, что она родилась на Знаменке в доме Дорошевича и крестили ее генерал-майор Федор Федорович Гагарин и привилегированная бабка Пелагея Ивановна». Согласно этому документу, Екатерина Павловна родилась не 19-го, а 2 ноября. К сожалению, никаких сведений о дальнейшей судьбе Екатерины Павловны в архиве В. А. Нащокиной-Зыкиной нет. Неизвестен даже год ее смерти, но около 1893 г., она, по-видимому, была еще жива.

насколько я знаю, нет вообще указаний, что у него была такая дочь. Между тем поэт ее несомненно знал. В мае 1836 г., приехав в Москву и остановившись в доме Нащокиных; Пушкин должен был видеть ее и слышать ее плач: «знакомой» было четыре месяца.¹¹⁵

В конце октября—начале ноября 1836 г. Павел Воинович сообщил Пушкину о новой беременности жены (XVI, 181), но поэт уже не увидел родившегося ребенка. Наталья Павловна Нащокина родилась 2 мая 1837 г., уже после смерти Пушкина.

Теплое, сердечное отношение Пушкина к Вере Александровне, с которой, по его совету, соединил свою жизнь Нащокин, ощущается во многих письмах поэта, не забывавшего передавать ласковые приветы жене друга: «... целую ручки у твоей роженицы» (около 8 января 1835 г.); «Жена кланяется сердечно твоей Вере Александровне»; «...обняв тебя от всего сердца и поцеловав ручку Вере Александровне, отправляюсь на почту» (20 января 1835) (XVI, 4, 6).

В свою очередь Нащокины посылали поклоны Наталье Николаевне. Около 12 декабря 1834 г. Павел Воинович, сообщая поэту, что Вера Александровна просит Наталью Николаевну «купить ... для выезда шляпку и модной материи на платья четыре — всего рублей на 400» (в счет долга Пушкина), прибавляет в шутку: «Жена же моя и я будем век бога молить — за Наталью Николаевну» (XV, 202—203). 21 января 1835 г. он пишет: «Наше с женой почтение Наталье Николаевне, а ты будь здоров и весел» (XVI, 6).

Однако вскоре в интенсивной переписке друзей произошел некоторый перерыв. За весь 1835 год нам вообще известно одно лишь письмо Нащокина к поэту. Вероятно, кое-что до нас не дошло, но в 10-х числах января 1836 г. Павел Воинович сообщает: «...долго я тебе не писал — давно и от тебя ничего не получал» (XVI, 74). Он прав — Пушкин прислал два письма в январе 1835 г., а затем, по-видимому, прервал на время переписку. В первом из этих писем (около

¹¹⁵ Согласно имеющемуся у В. А. Нащокиной-Зызиной свидетельству, которое подписано священником Петропавловской церкви при Павловском женском институте в Петербурге, Софья Павловна скончалась 28 марта 1859 г., в возрасте 23 лет, от острого ревматизма.

8 января) он предупреждает: «О себе говорить я тебе не хочу, потому что не намерен в наперсники брать московскую почту, которая нынешний год делала со мной удивительные свинства; буду писать тебе по okazji» (XVI, 4). Через год (в 10-х числах января 1836 г.) Пушкин еще раз объясняет причину долгого молчания: «Я не писал к тебе потому, что в ссоре с московскою почтою» (XVI, 73).

Из-за бесцеремонной перлюстрации писем поэт был «в ссоре» не только с почтой. Еще 10 мая 1834 г. он записал в дневнике: «Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене¹¹⁶ и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока¹¹⁷ и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным» (XII, 329).

Переписка друзей сошла почти на нет, но Пушкину и Нащокину очень хотелось повидаться.

Поздней осенью 1835 г. Павел Воинович совсем было собрался навестить поэта в Михайловском. Поездка не состоялась, так как, судя по письму Нащокина от 10-х чисел января 1836 г. (XVI, 74), полиция взяла с него подписку о невыезде из Москвы. Эта неприятность произошла в связи с крупным выигрышем Павла Воиновича, когда враги этого честнейшего человека распустили порочащие его слухи. Эти слухи дошли и до Пушкина, который сообщал другу в письме: «... все в голос оправдывали тебя, и тебя одного» (10-е числа января 1836 г.). О предполагавшейся поездке Нащокина в Михайловское он тогда же писал: «Радуюсь, что не собрался, потому что там меня бы ты не застал. Болезнь матери моей заставила меня воротиться в город» (XVI, 73).

Несмотря на препятствия, друзья все же надеялись вскоре свидеться. Нащокин рассчитывал приехать к Пушкину весной 1836 г., а поэт в свою очередь писал ему

---

¹¹⁶ Московским почт-директором А. Я. Булгаковым было перехвачено письмо Пушкина к жене от 20 и 22 апреля, в котором поэт между прочим писал: «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать» (XV, 129).

¹¹⁷ Начальник парижской сыскной полиции, бывший уголовный преступник.

в 10-х числах января этого года: «Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтались! а здесь не с кем ... Желал бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни» (XVI, 73).

Сейчас мы читаем эти письма с тяжелым чувством. Готовилось последнее свидание... Конечно, ни Пушкин, ни Нащокин об этом не думали, но невольно ощущаешь какое-то мрачное предчувствие в шуточных словах поэта о смерти: «...коли не околею на дороге».

29 марта 1836 г., проболев несколько месяцев, скончалась мать Пушкина Надежда Осиповна. Поэт отвез ее тело в Святогорский монастырь. Похороны состоялись 13 апреля. 29 апреля Пушкин выехал из Петербурга в Москву и 2 мая ночью постучался к Нащокиным.

Когда-то, в 1831 г., поэт жаловался жене, что в квартире Павла Воиновича постоянно «толкуются разные народы» и там «угла свободного нет». Теперь все по-иному. Едва приехав, Пушкин пишет Наталье Николаевне 4 мая 1836 г.: «Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse»¹¹⁸ (XVI, 110).

Поэт гостил у друга в один из его благополучных периодов. Тульских злоключений словно и не было. Нащокин квартировал тогда против одной из московских церквей — «противу Старого Пимена», занимая дом «г-жи Ивановой». Дом сохранился до нашего времени и, по-видимому, не был капитально перестроен (ныне Воротниковский переулок, д. 12). Дом этот двухэтажный, непритязательной архитектуры, довольно большой — по фасаду в нем девять окон. Господские комнаты, должно быть, находились в бельэтаже, в первом этаже помещались слуги.

Вся «щегольская квартира», надо думать, была обставлена с необыкновенным изяществом. Павел Воинович обладал отличным художественным вкусом.¹¹⁹

Одну из комнат в квартире Нащокина — гостиную — мы видим на картине художника Н. И. Подклюшникова,

¹¹⁸ Он обставился щегольски (франц.; *petite maîtresse* — франтиха, щеголиха).

¹¹⁹ О глубоком понимании искусства свидетельствует, например, его письмо к Пушкину от 10-х чисел января 1836 г., почти целиком посвященное К. П. Брюллову (XVI, 74—75).

тщательно выписавшего всю ее обстановку. Большая светлая комната с двумя окнами; много несомненно дорогих, умело расставленных вещей. Мебель александровских времен. Рояль с раскрытыми нотами. По углам гостиной парные, вероятно фарфоровые, вазы под стеклянными колпаками, на круглых колоннообразных постаментах. На консоли большие, скорее всего бронзовые часы с какой-то мифологической группой. Огромный ковер с вытканными на нем по углам гирляндами цветов занимает почти половину пола. На боковых стенах гостиной висят друг против друга большие парные портреты в широких рамах. Кто изображен на левом из них, не видно; справа же портрет какой-то дамы в нарядном туалете тридцатых годов.

Рядом с роялем высокая массивная этажерка для книг; на ней бюст Пушкина в лавровом венке, который после смерти поэта изваял под наблюдением Павла Воиновича известный скульптор И. П. Витали.¹²⁰

Картина Подклюшникова впервые была воспроизведена по случаю столетия со дня рождения Пушкина с подписью «П. В. Нащокин с семьей (в начале 40-х годов)».¹²¹ Время ее написания можно, однако, установить значительно точнее. Художник изобразил в гостиной Павла Воиновича, Веру Александровну и двух их маленьких девочек. Одна из них играет на ковре с какой-то взрослой особой,¹²² другая сидит на диване между матерью и отцом. Возраст девочек можно определить только приблизительно. Дверь в соседнюю комнату открыта. Мы видим там женщину в традиционном кокошнике русских кормилиц. На коленях у нее сидит ребенок, в возрасте примерно девяти месяцев. Это несомненно третий ребе-

¹²⁰ Беляев М., Рейнбот П. Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., 1928, с. 202.

¹²¹ Альбом Пушкинской выставки в Москве. 29 мая—13 июня 1899 г. М., 1899, табл. 86.

¹²² В первоначальном тексте работы о Нащокиных (Простор, 1969, № 4, с. 90—91) я допустил ошибку: считая, что на ковре играют две девочки, я принял грудного ребенка в соседней комнате за сына Нащокиных Александра, родившегося, согласно «копии о дворянстве» и сообщению В. А. Нащокиной-Зызиной, 2 февраля 1839 г., и отнес картину к концу 1839 г. Свою ошибку я обнаружил, ознакомившись с неопубликованной работой Н. Н. Белянчикова «Пушкин, Гоголь, Великий и Нащокин» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 99—100).

нок Нащокиных — дочь Наталья, родившаяся 2 мая 1837 г. Зная ее возраст, мы можем с уверенностью сказать, что Н. И. Подклюшников написал свою картину или эскиз для нее в первой половине 1838 г. Она несомненно изображает гостиную в доме Ивановой, так как Нащокины, поселившись в нем не ранее ноября 1834 г., прожили там, по словам Веры Александровны, семь лет.¹²³

Таким образом, Пушкин, гостя у Нащокиных в мае 1836 г., сживал именно в этой уютной гостиной, которую вполне можно назвать «щегольской».

Неспособности Павла Воиновича Нащокина беречь деньги, его любви к вещам и отличному вкусу мы обязаны тем, что сейчас посетители Всесоюзного музея А. С. Пушкина видят перед собой сильно уменьшенную, но воспроизведенную с величайшей точностью копию внутреннего убранства барской квартиры тридцатых годов прошлого столетия, известную под условным названием «нащокинского домика». Подлинная архитектурная модель дома (прямоугольный футляр красного дерева с раздвижными стеклами), которую видел Пушкин, до нас не дошла. Судя по описанию «старожила» В. Толбина,¹²⁴ она была двухэтажной, причем в первом этаже помещались роскошно обставленные жилые комнаты, а верхний был целиком занят танцевальным залом, посредине которого стоял стол, сервированный на шестьдесят кувертов. Имелся, кроме того, подвальный этаж со всевозможными хозяйственными помещениями.

Если мемуарист не ошибается, то Павел Воинович начал создавать «домик» еще в петербургский период своей жизни. По его словам, «на этот домик... съезжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество, впрочем, и было чем полюбоваться».

Никакими описаниями нельзя заменить эти крошечные предметы, сделанные замечательными мастерами того времени. Все тут есть — мебель от Гамбса, того самого мебельщика, который посылал Пушкину в Петербурге свои дорогие счета, обеденный стол-сороконожка, картонные столики с зеленым сукном, рояль красного дерева, о котором я уже упоминал. Уцелела, однако, лишь часть

---

¹²³ Пушкин в воспоминаниях современников, т. II. М., 1974, с. 198.

¹²⁴ Исбра, 1866, № 47, с. 625.

первоначально имевшейся обстановки, которая насчитывала около 600 миниатюрных предметов. До нашего времени дошло более половины этих уникальных экспонатов, дающих наглядное представление об обстановке, в которой друзья встречались в Москве.

«Нащокинскому домику», занимающему особое место среди реликвий, хранящих черты пушкинской эпохи, посвящен ряд работ. Наиболее ценными из них являются современные исследования Г. И. Назаровой.

Пушкин не раз видел «домик» во время своих приездов в Москву, и его весьма забавляла эта очаровательная игрушка, на которую Павел Воинович затратил очень большие деньги — по словам хорошо осведомленного П. И. Бартенева, «несколько тысяч рублей».¹²⁵ В опубликованном отрывке письма Нащокина к профессору М. П. Погодину, которое относится, по-видимому, к началу 40-х годов, названа гораздо бóльшая цифра.¹²⁶ Павел Воинович сообщает, что на «маленький домик», предлагаемый Погодину в залог, он истратил 40 тысяч (ассигнациями) — сумма, за которую можно было в то время купить порядочную деревню вместе с крестьянами. Судя по описаниям «нащокинского домика» и по частично сохранившимся предметам обстановки, Нащокин не преувеличил его стоимости.

Еще 8 декабря 1831 г. поэт писал жене: «Дом его (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку» (XIV, 245).

Около 30 сентября 1832 г. Пушкин снова возвращается к нащокинской модели: «У него в домике был пир: подали на стол мышенка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домик этот отказывает он тебе» (XV, 33). Однако Н. Н. Пушкина этого посмертного подарка Павла Воиновича не получила, так как домик был заложен и не выкуплен. Как справедливо писал П. И. Бартенев, «жизнь Нащокина состояла из переходов от „разливанного моря“ (с постройкою кукольного домика в несколько тысяч рублей)

¹²⁵ Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 433.

¹²⁶ Назарова Г. И. Нащокинский домик. — В кн.: Пушкин и его время, вып. I, Л., 1962, с. 502.

к полной скудости, доходившей до того, что приходилось топить печи мебелью красного дерева. Он прожил несколько больших наследств».¹²⁷

*
*   *
*

Еще раз упоминает Пушкин «нащокинский домик» во время своего последнего свидания с Нащокиным. В 1836 г. поэт, как мы знаем, приехал в Москву вскоре после похорон матери. Всю жизнь она с непонятной холодностью относилась к гениальному сыну и только в последние месяцы поняла и оценила его, впервые стала по-настоящему близкой. Смерть ее была тяжелым горем, а, кроме него, было и в 1836 г., и в предыдущем немало неприятностей, тревог и огорчений. В свете заговорили онастойчивых ухаживаниях Дантеса за Натальей Николаевной. Одолевали долги, притесняла цензура, много было хлопот и неприятностей в связи с изданием «Современника». Пушкин нервничал, терял терпение. Одна за другой назревали (к счастью, не состоявшиеся) дуэли — с С. С. Хлюстиным, с графом В. А. Соллогубом, с князем Н. Г. Репниным (из-за оды «На выздоровление Лукулла»).

И все же, когда поэт очутился в доме дорогого ему Павла Воиновича, он сразу душевно оттаял. Захотелось поболтать с женой и о любимой затее друга: «Домик Нащокина доведен до совершенства — не достает только живых человечиков. Как бы Маша им радовалась!» (XVI, 111), — сообщает он в первом же письме, от 4 мая. Маше, старшей дочери поэта, в это время было уже четыре года.

Итак, поэт в гостях у Нащокиных. Мы знаем теперь и его душевное состояние, и тот уютный «угол», в котором на этот раз принял друга Павел Воинович.

Как же провел Пушкин свои последние восемнадцать московских дней? Много лет спустя о них подробно поведала Вера Александровна, но, прежде чем обратиться к ее рассказам, послушаем, что же говорит об этом времени сам поэт.

Из Москвы Пушкин послал Наталье Николаевне целых шесть писем — 4, 6, 10, 11, 14—16 и 18 мая. Жена ему

¹²⁷ Письма П. В. Нащокина к А. С. Пушкину. — Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 433.

ответила двумя, которых мы не знаем, так же как и других ее писем к мужу.

Как известно, поэт очень хотел взглянуть на «семейственную жизнь» Павла Воиновича «и ею порадоваться». Гостя в Москве, он, конечно, пристально присматривался к отношениям супругов, которых в этом качестве видел впервые. Впервые он встретился с Верой Александровной как женой и молодой матерью, как хозяйкой недавно свитого гнезда. Можно было думать, что и в письмах к жене Пушкин подробно расскажет о том, что он нашел и узнал в квартире «у Старого Пимена». Однако в шести письмах поэта мы находим лишь одно, да и то очень краткое, упоминание о жене друга: «Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали бог знает о чем» (письмо от 4 мая — XVI, 111).

Пушкин ведет в письмах серьезную беседу с женой о занимающих и волнующих его делах — о своем журнале «Современник», который, как надеялся поэт, будет давать 80 тысяч прибыли (6 мая),¹²⁸ о будущей работе в московских архивах, где придется «зарыться» месяцев на шесть (14 мая), о делах домашних — маленьких, но важных. . .

Он шутливо бранит жену за кокетство с царем, о котором сплетничают в Москве (6 мая): «И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола» (XVI, 112—113).

Возможно, он намекает на кавалергарда Жоржа Дантеса, когда пишет Наталье Николаевне 18 мая: «По мне драка Киреева¹²⁹ гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов и благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком, смекая, что если выдет история, так их в Аничков не позовут» (XVI, 117).

¹²⁸ В действительности издание этого журнала оказалось убыточным и еще более ухудшило материальное положение Пушкина.

¹²⁹ Гусарский офицер, побивший в пьяном виде хозяина известного ресторана «Ар».

И вполне серьезно поэт предупреждает жену, сообщая ей о своем намерении полгода проработать в московских архивах (14 мая): «А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму» (XVI, 116).

Горько и желчно Пушкин жалуется жене на невыносимое положение литератора, зависящего от полиции. Последнее письмо (18 мая) заканчивается скорбным выкриком: «...чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!» (XVI, 117—118). Можно было бы думать, что камер-юнкер Пушкин послал это письмо с оказией, но это не так. На подлиннике имеются почтовые штемпеля: «Москва 1836 мая 18» и «Получено 1836 май 21 утро» (XVI, 320).

Но наряду с беспокойными, грустными, трагическими мыслями в этих шести письмах мы находим немало забавных историй, московских сплетен, как называет их Пушкин. Тут и Александр Карамзин, сын историка, который будто бы стрелялся из-за несчастной любви, но пуля только выбила передний зуб; тут и дочь «свата нашего Толстого»,¹³⁰ которая «почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона и лечится омеопатически» (XVI, 111); здесь же и веселые рассказы о ряде других московских женщин.

Пушкин, видимо, хочет развлечь Наталью Николаевну, которая со дня на день должна родить.

Почему же о жене любимого друга, женщине, на которой он недавно советовал Павлу Воиновичу жениться, он не сообщает почти ничего?

Возможно, что Пушкин не решился писать подробнее о молодой и красивой женщине, чтобы не вызывать ревности Натальи Николаевны, упоминания о которой встречаются в воспоминаниях современников. По этой же причине он вообще избегал писать жене о своих приятельницах-женщинах, а иногда писал не то, что думал.

И лишь в единственной строке, посвященной Вере Александровне, поэт запечатлел ее основное качество: «... очень мила». Да, прежде всего милый, добрый человек была жена Павла Воиновича.

---

¹³⁰ Речь идет о юной поэтессе Сарре Толстой, дочери графа Федора Ивановича Толстого, прозванного «Американцем».

О самом Нащокине поэт говорит много подробнее, и в его словах, как всегда, чувствуется теплая, дружеская привязанность. Только распорядок дня Павла Воиновича огорчает гостя: «Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел» (6 мая); «Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света» (11 мая); «Любит меня один Нащокин. Но тинтере¹³¹ мой соперник, и меня приносят ему в жертву» (14 мая) (XVI, 112, 114, 116).

Читая эти строки, мы невольно думаем: мог бы Павел Воинович и не ездить в «клуб» (Английский клуб), пока у него гостит друг. Но это мы знаем, что поэту остается жить восемь месяцев, для Нащокина же этот приезд Пушкина — лишь очередная встреча. Много раз виделись и еще много раз увидятся. Обоим нет и сорока...

Дни Пушкина в Москве проходили по-разному. То он пишет, конечно шутя (11 мая): «Жизнь моя беспеспутная. Дома не сижу — в Архиве не роюсь... Вчера ужинал у кн.<язя> Фед.<ора> Гагарина и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении, как бы с бала» (XVI, 114). Через три дня он описывает свое времяпрепровождение иначе: «Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужеск пол» (XVI, 116).

Судя по письмам Пушкина, было и то, и другое. Жил он, конечно, не «беспутно» — кроме ужина у Гагарина, затянувшегося до утра, других «всенощных бдений», вероятно, не было. Гостя в семейном доме, поэт, наверное, возвращался вовремя, но уходил он из дому часто.

Пушкин упоминает об очень многих лицах, у которых успел побывать за неполных три недели, проведенных в Москве. Кого тут только нет... Тетка поэта Елизавета Львовна Сонцова. Старинный друг — опальный философ, бывший лейб-гусар П. Я. Чаадаев, о котором Пушкин пишет: «Чаадаева видел всего раз» (11 мая). Отставной генерал-майор М. Ф. Орлов, декабрист, избежавший суда благодаря заступничеству брата — графа Алексея Федоровича, чьи конногвардейские эскадроны атаковали восставших 14 декабря. У него поэт был на обеде. Бывший друг, а потом, скорее, недруг Александр Ни-

¹³¹ Карточная игра.

колаевич Раевский. С ним Пушкин виделся, но, кажется, его не навещил. Посетил знаменитого художника К. П. Брюллова, прославленного актера М. С. Щепкина, старого поэта И. И. Дмитриева, писателя А. А. Перовского (Антония Погорельского). Обедал у историка и археолога А. Д. Черткова, дважды был у начальника московского архива Министерства иностранных дел А. Ф. Малиновского.

О Ф. И. Толстом — «Американце» и князе Ф. Ф. Ггарине уже упоминалось. Был поэт и у родственника Нащокина — Матвея Алексеевича Окулова, мужа его сестры Анастасии Воиновны. Сидя у него, Пушкин написал 7 мая записку Вяземскому. Ездил хлопотать по делам «Современника». Возможно также, что поэт виделся и с кем-либо из родных Веры Александровны.

Словом, дни его в Москве были очень загружены — значительно больше, чем в Петербурге. Недаром Пушкин пишет жене 11 мая: «Письмо мое похоже на тургеневское». Наталья Николаевна, очевидно, читала письма Александра Ивановича Тургенева, которые издатель «Современника» напечатал в первом томе своего журнала под названием «Хроника русского в Париже». Неутомимый путешественник и наблюдатель, Тургенев сообщает там о великом множестве лиц и событий. Сам Пушкин обычно так не писал.

Но как ни много ездил и ходил Пушкин по Москве в свой последний приезд, все же он проводил долгие часы с Павлом Воиновичем и его женой. Вероятно, бывали дни, когда поэт, утомленный сумятицей московского времяпрепровождения, и совсем не выходил из дома «у Старого Пимена». Ведь он стремился в Москву и для того, чтобы повидаться с Нащокиным и посмотреть, как наладилась его жизнь.

В один из этих московских дней Павел Воинович оказал поэту последнюю свою услугу. В доме Нащокина и при его участии, как секунданта, была улажена тянувшаяся несколько месяцев дуэльная история с графом В. А. Соллогубом, которого Пушкин вызвал за якобы неуважительное обращение к Наталье Николаевне. Вызов был послан по почте, но письмо затерялось (или было перехвачено), и Соллогуб узнал о нем, уже уехав из Петербурга. По ряду причин ему долго не удавалось встретиться с Пушкиным. В конце концов, опасаясь подозрений

в трусости, он поспешил в Москву и рано утром явился к Нащокину, зная, что поэт остановился у него.

В своих «Воспоминаниях» Соллогуб описывает весьма необычное объяснение между дуэлянтами, которые почти сразу начали говорить... об издании пушкинского журнала «Современник».

«Павел Воинович явился в свою очередь заспанный, с взъерошенными волосами, и, глядя на мирный его лик, я невольно пришел к заключению, что никто из нас не ищет кровавой развязки и что дело в том, как бы всем выпутаться из глухой истории, не уронив своего достоинства. Павел Воинович тотчас приступил к роли примирителя».¹³²

На этот раз очередная дуэльная история поэта была улажена легко. В следующей, предпоследней, В. А. Соллогуб участвовал уже в качестве секунданта Пушкина. Как известно, ее уладили с большим трудом. Последняя же оказалась роковой.

20 мая ночью Пушкин простился с Нащокиным и его женой, простился, как оказалось, навеки. Уехал обратно, в Петербург.

29 января 1837 г. их великого друга не стало.

В начале следующего года Павел Воинович писал С. А. Соболевскому, вернувшемуся в Петербург из Швейцарии и сетовавшему на Нащокина за то, что тот не написал ему о смерти поэта: «Смерть Пушкина — для меня — уморила всех — я всех забыл — и тебя — и мои дела и все — я должен был опомниться, имея жену и детей, — без них я бы вполне предался с наслаждением печали — и к моему плохому здоровью, вероятно, отправился туда же, куда и всем путь — неперемный. Ты не знаешь, что я потерял с его смертью и судить не можешь — о моей потере. По смерти его и сам растерялся — упал духом, расслаб телом. Я все время болен».¹³³

---

¹³² Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний» — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 311.

¹³³ Пушкин по документам архива С. А. Соболевского. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 754.

Годы шли. Многое пришлось испытать семейству Нащокиных после смерти поэта. Благодаря карточной игре Павел Воинович постепенно разорялся. Уже в его воспоминаниях 1836 г. ростовская вотчина значится проданной — вероятно, для покрытия сделанных долгов. Однако первые послепушкинские годы, по-видимому, были еще относительно благополучными в материальном отношении. Жили Нащокины по-прежнему в доме «у Старого Пимена». В 1839 г. шведский художник Карл Петер Мазер (К. Р. Mazer) пишет для Павла Воиновича портрет Пушкина в красном с зелеными клетками архалуке (халате). Долгое время этот портрет считался прижизненным,¹³⁴ однако в действительности художник никогда не видел Пушкина и писал его лицо по сохранившимся изображениям; позировал же ему Нащокин в архалуке поэта, подаренном Натальей Николаевной после смерти мужа. Тогда же Мазером был написан очень удачный портрет самого Павла Воиновича, который ныне хранится в шведском городе Гетеборге. В своих рукописных воспоминаниях художник упоминает о том, что он гостил в доме Нащокина «в течение двух лет и был связан с ним тесными дружескими отношениями».¹³⁵ Как видим, Нащокин по-прежнему продолжает оказывать помощь и гостеприимство начинающим художникам.

Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина имеется еще одна картина Н. И. Подклюшниковой, изображающая семейство Нащокиных на фоне летнего сельского пейзажа. Три девочки (Наталья, Екатерина и Софья) занимают вместе с родителями первый план. В глубине картины видна фигурка кормилицы или няни с ребенком на руках. Это несомненно Александр Павлович Нащокин, родившийся, согласно «копии о дворянстве» и сообщению В. А. Нащокиной-Зызиной, 2 февраля 1839 г. Лобанов-Ростовский приводит более позднюю дату — 3 февраля 1841 г., но она, по-видимому, неверна. Таким образом, картину приходится отнести к лету 1839 или 1840 г. Последнее мне кажется более вероятным, так как и в этом случае изо-

¹³⁴ Пушкин. Летописи Государственного Литературного музея, кн. I. М., 1936, с. 565—566.

¹³⁵ Назарова Г. И. Из иконографии Нащокиных. — В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы. Л., 1962, с. 419.

браженной в центре картины девочке Екатерине нет еще 7 лет (родилась, как говорилось, 2 ноября 1834 г.), а выглядя она значительно старше.

Прекрасный мраморный бюст Пушкина работы И. П. Витали,¹³⁶ по-видимому приобретенный Нащокиным у этого скульптора, картины Н. И. Подклюшников — все это несомненно вызывало крупные расходы.

Однако дела Павла Воиновича все ухудшались. В 1848 г., согласно «копии о дворянстве», «имения за ним никакого не числилось». Когда настало окончательное, как можно было думать, разорение, мы не знаем, но в 1851 г. Нащокин снимал уже бедную квартиру у церкви Неопалимой Купины, близ Девичьего Поля.¹³⁷

В этом именно году, осенью, с ним, вероятно через профессора и писателя М. П. Погодина, познакомился один из зачинателей науки о Пушкине — Петр Иванович Бартенев. Молодому энтузиасту, еще состоявшему студентом историко-филологического факультета Московского университета, было едва 22 года. Биография Пушкина в то время была совершенно не изучена. Имя Павла Воиновича вовсе не появлялось в печати, и, познакомившись с ним, Бартенев «имел весьма неясное представление о том, с кем он беседует». Не знал он, конечно, ничего и о Вере Александровне Нащокиной. В ноябре и декабре 1851 г. начинающий исследователь посетил супругов Нащокиных восемь раз. В 1852 г. он был у них дважды. Последнее свидание, во время которого производились записи, состоялось в марте 1853 г.

П. И. Бартенев вскоре понял, что на его долю выпало большое счастье — записывать никому еще неизвестные рассказы ближайшего друга Пушкина, и притом человека, который ничего не выдумывает. 8 октября 1851 г. он отметил в своей рабочей тетради: «Вообще степень доверия к показаниям Нащокина во мне все увеличивается, и теперь доверие мое переходит в уверенность. Он дорожит священной памятью и сообщает свои сведения осторожно, боясь ошибиться, всегда оговариваясь, если он нетвердо помнит что-либо».¹³⁸

---

¹³⁶ Беляев М. и Рейнбот П. Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга, с. 202—204.

¹³⁷ Рассказы о Пушкине, с. 9.

¹³⁸ Там же, с. 35.

Надо сказать, что и Павел Воинович, вообще отлично разбирающийся в людях, видимо, сразу же оценил добро-совестность совсем еще юного исследователя, которого к нему направили. Делился с ним своими драгоценными сведениями охотно и, по-видимому, ничего от него не утаил из того, что осталось в слабеющей уже памяти.

Впоследствии многие из сделанных им записей Бар-тенева использовал в своих работах — многие, но далеко не все. Уже в советское время Л. Э. Бухгейм, тогдашний владелец его рабочей тетради, содержащей в общем за-писи рассказов 21 лица, лично знавших Пушкина, предо-ставил ее в распоряжение Мстислава Александровича Цявловского. Последний, изучив эти ценнейшие матери-алы, снабдил их подробными комментариями и опублико-вал в 1925 г. в виде отдельной книги — «Рассказы о Пушкине», на которую я уже много раз ссылаюсь. Сейчас она является библиографической редкостью, недоступной большинству читателей.

Хотя Вера Александровна присутствовала почти при всех беседах мужа с Бартеневым, последний обращался к ней лишь изредка. Бартенева интересовал — и это вполне понятно — прежде всего сам Павел Воинович, близкий друг Пушкина, знавший его в течение многих лет. Тем не менее несколько записей со слов его жены также существенны и за одним-единственным исклю-чением вполне достоверны.

Для нас они особенно интересны тем, что это наиболее ранние и потому, надо думать, наиболее точные рассказы В. А. Нащокиной о Пушкине. Ведь Бартенева расспраши-вал о нем не ветхую старушку, к которой ездили журна-листы конца столетия, а сорокалетнюю женщину, хорошо помнившую свои относительно недавние встречи с поэтом.

В своих записях Бартенева отметил совместный рас-сказ супругов Нащокиных: «Нащокин и жена его с во-сторгом вспоминают о том удовольствии, какое они испы-тывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора. Они вспоминают, как любил домоседничать, проводил целые часы на диване между ними; как они учили его играть в вист и как просиживали за вистом по целым дням; четвертым партнером была одна родственница Нащокина, невзрачная собою; над ней Пушкин любил подшучивать».¹³⁹

¹³⁹ Там же, с. 33.

С горьким чувством Вера Александровна и ее муж рассказывали Бартеневу о том, как небрежно они относились к письмам Пушкина: «...много писем у них распорпало, раздарено и пр. Одно письмо она даже раз встретила на сальной свечке». Эта беседа происходила 8 октября 1851 г. Тогда же Бартенев отметил: «Она же говорит, что недавно в одном журнале было напечатано известие: некто продал письмо Пушкина к Нащокину за 50 рублей серебром и содержание письма тоже напечатано».¹⁴⁰

Бартенев записал также довольно подробно совместные рассказы Нащокиных о суеверии поэта: «По словам Нащокина и жены его, Пушкин был исполнен предрассудков суеверия, исполнен веры в разные приметы. Засветить три свечки, пролить прованское масло (что раз он и сделал за обедом у Нащокина и сам смутился этою дурною приметой) и проч. — для него предвещало несчастье».¹⁴¹

Непосредственно со слов Веры Александровны Бартенев записал слышанный ею от Данзаса рассказ о том, как последний ехал с Пушкиным к месту дуэли: «Отправляясь на дуэль за Новой Деревней на Черную речку, Пушкин встретил на Каменном мосту Данзаса, посадил его к себе в экипаж и на вопрос: куда? зачем? отвечал, что после узнает. Данзас догадался. Он хотел как-нибудь дать знать проходящим о цели их поездки (выронял пули, чтобы увидали и остановили). Дорогою они встретили Наталью Николаевну, которая возвращалась с гулянья. Всю дорогу Пушкин молчал».¹⁴²

По поводу этой записи М. А. Цявловский замечает: «Рассказ К. К. Данзаса здесь неточно передан: спутаны две поездки Данзаса с Пушкиным. Встретившись 27 января с Данзасом на Пантелеймоновской улице, Пушкин повез его не на место дуэли, а во французское посольство к секунданту Д'антеса д'Аршиаку, где и были выработаны условия поединка. На дуэль Пушкин с Данзасом поехали из кондитерской Вульфа».¹⁴³

В данном случае несомненна ошибка памяти Веры Александровны — Данзас ее сделать не мог. В рассказе,

¹⁴⁰ Там же, с. 34.

¹⁴¹ Там же, с. 40.

¹⁴² Там же, с. 41.

¹⁴³ Там же, с. 109.

записанном со слов Нащокиной, есть еще одна совершенно неправдоподобная деталь, на которую, если я не ошибаюсь, комментаторы до сих пор не обращали внимания. Какой смысл был Данзасу «выронять» в снег пистолетные пули? Если даже кое-где снега и не было, кто бы обратил внимание на маленький шарик, обрonnenный проезжающим офицером? Пули к тому же надо было сначала вынуть из ящика с дуэльными пистолетами, в котором помещался весь набор, а на глазах у Пушкина этого сделать было нельзя. Вероятно, не зная обращения с пистолетами, Вера Александровна позднее не точно передала (без умысла, конечно) рассказ секунданта.

Вторая часть той же записи содержит продолжение рассказа Данзаса о дуэли Пушкина: «Когда потом он был привезен в карете раненый, Данзас тотчас прямо пошел в спальню к жене. Та удивилась, что он зашел к ней в эту комнату. „Александр Сергеевич нездоров!“ — отвечал он. Жена вскрикнула: „Верно, он умер!“ — и бросилась к нему».¹⁴⁴

Еще одна запись со слов жены Павла Воиновича содержит незначительные, но милые подробности жизни поэта в доме «у Старого Пимена»: «Когда Пушкин жил у них (в последний приезд его в Москву), она часто играла на гитаре, пела. К ним ходил тогда шут Еким Кириллович Загряцкий. Он пел песню, которая начиналась так:

Двое сани с подрезами,
Одни писанные;
Дай балалайку, дай гудок.

Пушкину очень понравилась эта песня; он переписал ее всю для себя своею рукою, и хотя вообще мало пел, но эту песню тянул с утра до вечера».¹⁴⁵

Приведем еще одну, последнюю запись, сделанную несомненно со слов Веры Александровны. Она интересна и тем, что позволит нам сравнить ее рассказ 8 марта 1853 г. с тем, что она говорила 45 лет спустя.

«Весною 1836 года Пушкин приехал в Москву из деревни.¹⁴⁶ Нащокина не было дома. Дорогого гостя приняла жена его. Рассказывая ей о недавней потере своей, Пуш-

¹⁴⁴ Там же, с. 41.

¹⁴⁵ Там же, с. 46.

¹⁴⁶ В действительности из Петербурга, куда он ненадолго вернулся после похорон матери.

кин, между прочим, сказал, что, когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре, он смотрел на работу могильщиков и, любуясь песчаным, сухим грунтом, вспомнил о Войныче (так он звал его иногда): „Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать“. — Жена Нащокина очень опечалилась этим рассказом, так что сам Пушкин встревожился и всячески старался ее успокоить, подавал воды и проч.».¹⁴⁷

Таким образом, П. И. Бартеневу в 1851—1853 гг. Вера Александровна, кроме своего разговора с Данзасом о дуэли, сообщала главным образом бытовые подробности, относящиеся к Пушкину. Творчества поэта она не касалась. Предоставляла говорить о нем мужу.

*
*   *

Жизнь Павла Воиновича клонилась к преждевременному концу, но Нащокин не был бы Нащокиным, если бы так и умер в бедности.

Все тот же П. И. Бартенев, который продолжал с ним видеться и по окончании биографических записей, сообщает: «Пишущий эти строки довольно близко знал Нащокина, бывал у него в бедной его обстановке (у Неопалимой Купины) и потом в богатом доме на Плющихе, где происходили крестины последнего сына его, крестным отцом которого был позван попечитель учебного округа Назимов».¹⁴⁸

Последний сын Нащокина, Андрей Павлович, согласно сообщению Веры Андреевны Нащокиной-Зызиной, родился 2 февраля 1854 г. Таким образом, Павел Воинович еще раз разбогател, можно думать, во второй половине 1853 г.¹⁴⁹ Н. Н. Белянчиков выяснил, что он получил значительное наследство после смерти своей родной сестры — бездетной помещицы Александры Воиновны, по мужу Статковской, которая скончалась 18 мая 1852 г. Автор

¹⁴⁷ Рассказы о Пушкине, с. 49.

¹⁴⁸ Письма П. В. Нащокина к А. С. Пушкину. — Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 433.

¹⁴⁹ В марте этого года он вместе с семьей жил еще в очень стесненных условиях.

объясняет поздний переезд Нащокина в дом на Плющихе тем, что оформление прав на наследство носило тогда вообще затяжной характер.¹⁵⁰

С этими данными хорошо согласуются и сведения, сообщенные мне В. А. Нащокиной-Зызиной. В письме от 8 июля 1967 г. она излагает по памяти содержание несохранившегося письма¹⁵¹ Веры Александровны к Павлу Воиновичу из Петербурга, «куда она ездила навещать детей: сын Александр был в Пажеском корпусе, дочери в институте. Как она писала, остановились у Демута, вечером был Данзас, который целый вечер рассказывал какие-то истории».

Внучка Александра Павловича — Елена Алексеевна Нащокина (Ленинград) внесла в это сообщение небольшую поправку. По ее словам, дед учился не в Пажеском корпусе, а в Училище правоведения, что, по ряду соображений, представляется мне более вероятным.

В Училище правоведения мальчиков принимали с 14 лет. Александр Павлович Нащокин родился 2 февраля 1839 г. Таким образом, поездка Веры Александровны могла состояться не ранее 1853 г. и не позже следующего, когда Павел Воинович скончался. Более вероятна вторая половина 1853 г., так как 2 февраля 1854 г. у Веры Александровны родился последний ребенок, и вряд ли бы она оставила младенца на попечение мамки.

Петербургский адрес Нащокиной свидетельствует о тогдашнем достатке семьи. Гостиница Демута («Демутотрактир», как его именует Пушкин) долгое время считалась лучшей в Петербурге. Наряду с апартаментами, в которых останавливались прибывавшие в столицу посланники и другие знатные иностранцы, там имелись, правда, и недорогие номера, но все же люди бедные у Демута не жили.

В Петербург Вера Александровна приехала не одна («остановились»). Может быть, ее сопровождала старшая дочь, 19-летняя Екатерина. В одном из институтов благородных девиц учились, по всей вероятности, Наталья и

---

¹⁵⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 82.

¹⁵¹ По словам В. А. Нащокиной-Зызиной, ее мать незадолго до своей смерти в 1937 г. продала это письмо Государственному Историческому музею в Москве. В настоящее время письма Веры Александровны такого содержания там нет.

Анастасия, впоследствии вышедшая замуж за князя Трубецкого. Первой из них в 1853 г. было 16 лет, второй — 12.

Бывший секундант Пушкина, боевой офицер Константин Карлович Данзас (1801—1871) мог о многом рассказать Вере Александровне. В 1838—1839 гг. он участвовал в военных операциях на Черноморском побережье Кавказа, причем его начальником был друг Пушкина, генерал-майор Николай Николаевич Раевский-младший.

К сожалению, мы вряд ли когда-либо узнаем, какие именно истории Данзас рассказывал целый вечер Вере Александровне Нащокиной в гостинице Демута...

Павел Воинович, как видно, не напрасно заботился о внесении своих детей в дворянскую родословную. Недаром хлопотал и о том, чтобы род его был перенесен из четвертой в шестую, наиболее почетную ее часть.

По всей вероятности, ему удалось, пользуясь родственными связями и знакомствами, устроить детей на казенные вакансии, так как плата за учение в привилегированных учебных заведениях для своекоштных воспитанников и воспитанниц была очень высокой. В отношении одной из его дочерей мы можем сказать это с уверенностью. В письме от 3/15 марта (год не проставлен) композитор граф М. Ю. Виельгорский, очень близкий к придворным кругам, сообщает Нащокину: «С удовольствием извещаю вас, любезнейший Павел Воинович, что дочь ваша помещена пенсионеркою е. и. в.»¹⁵² В тексте упоминается далее о важных событиях во Франции, которые уже отражаются в Германии, что позволяет с уверенностью отнести письмо к революционному 1848 году. По-видимому, в письме идет речь о зачислении в подготовительный класс одного из институтов дочери Нащокиных Анастасии, будущей княгини Трубецкой, которой в это время шел восьмой год. Те же лица, можно думать, помогли Павлу Воиновичу определить сына в Училище правоведения, также привилегированное и для своекоштных воспитанников дорогое учебное заведение.

*

* * *

Я уже не раз упоминал о том, что Павел Воинович Нащокин, кроме двух гениев — Пушкина и Гоголя, знал очень многих выдающихся людей своего времени — поз-

¹⁵² ИРЛИ, ф. 18 (коллекция П. И. Бартенева), № 12, л. 22.

тов, писателей, литераторов, ученых, а с некоторыми из них был и в близких дружеских отношениях. С ним в разное время встречались, а частью и переписывались В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, В. Г. Белинский, А. Ф. Вельтман, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, С. А. Соболевский и многие другие. Он знал композитора А. Н. Верстовского, музыкантов и композиторов — графа М. Ю. Виельгорского и А. П. Есаулова, знаменитого художника К. П. Брюллова, великого актера М. С. Щепкина. К сожалению, письменных свидетельств о его знакомствах 20-х и 30-х годов почти не сохранилось. Своей переписки, пока его жизнь в 1834 г., после женитьбы, не упорядочилась, Нащокин, по-видимому, не сохранял. Мы не знаем, например, ни одного письма его матери, а они, конечно, существовали.

Хотя в невнимательном отношении к письмам Пушкина и других лиц повинны были оба супруга, Вера Александровна все же сберегла многое, хорошо понимая значение оставшихся у нее после смерти мужа бумаг. Достаточно сказать, что, посылая впоследствии Л. И. Поливанову записку Н. В. Гоголя, Вера Александровна писала: «Разбирая на днях старые письма, которых у меня масса, я случайно нашла посылаемую при этом письме записку Н. В. Гоголя к моему покойному мужу. Как не пустячно ее содержание, но я думаю, что и подобная мелочь, раз она касается такого гения, как Гоголь, может иметь известный интерес».¹⁵³

Большая часть сохранившихся писем Нащокина и к Нащокину относится (переписку Павла Воиновича с Пушкиным мы теперь оставляем в стороне) к 40-м и 50-м годам. Поэта уже давно нет в живых, но круг знакомых его друга, по-видимому, состоит главным образом из тех же лиц, что и при жизни Пушкина (о «народах», когда-то наполнявших холостую квартиру Нащокина, давно, конечно, нет и речи).

В архиве журнала «Русская старина» сохранилась рукописная «Заметка о Павле Воиновиче Нащокине», составленная Ф. Б. Миллером и датированная 8 декабря

---

¹⁵³ Поливанов Ив. Автографы из собрания Л. И. Полыванова. — Искусство, 1923, № 1, с. 330.

1880 г.¹⁵⁴ Автор пишет: «Я мало знал П. В. Нащокина, но часто видел его в сороковых годах у Ф. Н. Глинки,¹⁵⁵ на вечерах его по понедельникам, где обыкновенно собирались московские литераторы, ученые, артисты и художники... Я в течение пяти лет не пропускал почти ни одного из них и вспоминаю о них с удовольствием. Чаще других бывали у Глинки М. А. Дмитриев, С. Е. Раич, К. И. Рабус, Садовский, Федотов, Лихонин, Чаадаев, Завьялов (академик), Вельтман, Н. В. Берг (тогда еще студент), С. А. Юрьев и многие другие. Нащокин в то время, как видно, очень нуждался».

Сведений о всех этих гостях Ф. Н. Глинки не приводим — они заняли бы слишком много места. Скажем лишь, что в доме, где своими людьми были философ П. Я. Чаадаев, литературный критик М. А. Дмитриев, поэт и критик С. Е. Раич, писатель и археолог А. Ф. Вельтман, художник, академик живописи К. И. Рабус, — в этом доме, очевидно, и Павел Воинович был «своим».

Прошло еще несколько лет. Нащокин совершенно обеднел, потом, совсем незадолго до смерти, снова разбогател, но, бедный или богатый, он по-прежнему общался с наиболее выдающимися людьми тогдашней культурной Москвы.

10 мая 1853 г. в саду при доме приятеля Пушкина и Нащокина, профессора М. П. Погодина чествовали парадным обедом прославленного актера М. С. Щепкина, уезжавшего за границу. Журнал «Москвитянин» поместил подробное сообщение об этом торжестве, в котором перечислены некоторые участники чествования.¹⁵⁶ П. В. Нащокин назван здесь наряду с А. Ф. Вельтманом, П. Я. Чаадаевым, А. Н. Островским, А. С. Хомяковым, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, С. А. Соболевским, С. П. Шевыревым, Т. Н. Грановским и многими другими. Среди гостей есть люди, известные всей читающей России того времени, стоящие во главе ее духовной жизни, есть и лица менее заметные, но в целом это собрание наиболее культурных

¹⁵⁴ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1756.

¹⁵⁵ Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — участник Отечественной войны, декабрист, поэт и публицист. Пушкин, хотя и относился к части его стихов иронически, ценил гражданскую позицию его творчества, восхищался самобытностью некоторых произведений.

¹⁵⁶ Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966, с. 492.

люддей тогдашней Москвы, и для них, повторим еще раз, Павел Воинович — издавна свой.

Проследить отношения Нащокина со всеми лицами, которые упоминают о нем в своих воспоминаниях, изучить подробно их письма к Павлу Воиновичу (его собственных писем, кроме обращенных к Пушкину, известно очень немного) в этой книге нет возможности. Для этого потребовалось бы специальное обширное исследование.

Я приведу лишь несколько примеров общения Нащокина с выдающимися, а частью и знаменитыми людьми тогдашней России. Остановлюсь главным образом на материалах или вовсе неопубликованных, или помещенных в труднодоступных в настоящее время изданиях.

Хотя с перепиской Павла Воиновича с Гоголем ознакомиться легко, широко известно, однако, лишь цитированное уже мною длиннейшее, «программное» и правоучительное письмо великого писателя от 20(8) июля 1842 г. из Гастейна. Совсем короткую недатированную записку Гоголя к Нащокину, сохраненную Верой Александровной, знают сравнительно немногие, хотя она лучше отображает взаимные отношения корреспондентов, чем послание из Германии. Приведу поэтому полностью текст записки: «Не знаю, как Мих<аил> Петрович <Погодин>, который еще спит, а что до меня с сестрами, то буду непременно. Только просьба прежняя и старая: ради бога, не обкармливайте. Закажите равиоли,¹⁵⁷ да и только, дабы после обеда мы были хоть сколько-нибудь похожи на двуногих. А до того времени обнимаю вас заочно. Ваш Г.»¹⁵⁸ Комментаторы записки датируют ее периодом между второй половиной декабря 1839 г. и началом мая 1840 г., основываясь на том, что обе сестры Гоголя находились в это время в Москве.

Вера Александровна, конечно, права, называя ее содержание «пустяковым». Для нас интересен, однако, приятельский тон Гоголя — так пишут только близко знакомому человеку, которого можно попросить заказать своему повару любимое блюдо.

---

¹⁵⁷ Любимое Гоголем итальянское блюдо.

¹⁵⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд. АН СССР, 1952, с. 268.

Не менее характерен в этом отношении и черновик письма Нащокина к Гоголю, которое, по мнению публикатора, возможно, относится к тому же времени, что и записка. Содержание черновика сейчас мало понятно. Речь в нем идет о 25 рублях, присланных Гоголем Нащокину неизвестно для кого и для чего. Интересны вступительные, дружески фамильярные строки, которые я приведу, замедив зачеркнутые слова многоточием: «Если вы птица,¹⁵⁹ Николай Васильевич, — то точно небесная... Если и я тоже птица..., то земноводная, обжорливая утка, чем бы мне га! га! не хотелось быть относительно вас».¹⁶⁰

Познакомившись с Гоголем у Аксаковых еще до первого отъезда писателя за границу (июнь 1836 г.), Павел Воинович несомненно не раз потом встречался с ним в Москве, на что есть намек и в записке («просьба прежняя и старая»). Об одной знаменательной встрече мы знаем благодаря письму Константина Сергеевича Аксакова к его братьям Г. С. и И. С. Аксаковым (Москва, 24—25 октября 1839 г.): «У нас обедало несколько гостей, в том числе Панаев. Вечером приезжала Е. В. Погодина, которая сказала нам, что Гоголь у Нащокина. „Не будет ли он читать у него?“ — спросил я. — „Нет, <но> не будет ли он здесь читать?“ — отвечала Е. В. — Я почти закричал. Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин и М. С. <Щепкин>. Через несколько времени все уселись в гостиной, и Гоголь начал читать нам. — Я и все прерывали его часто хохотом».¹⁶¹

Павел Воинович, таким образом, присутствовал при чтении Гоголем отрывков из «Мертвых душ» по рукописи, привезенной из-за границы. Пользуясь своими знакомствами, Нащокин в свою очередь старался доставить удовольствие матери Николая Васильевича, гостившей в Москве. 4 января 1840 г. Надежда Сергеевна Аксакова пишет матери: «Верстовский отдал ложу Нащокину, который хочет повести мать Гоголя в театр».¹⁶²

¹⁵⁹ Нащокин имеет в виду народное название одного из видов дикой утки — нырка — «гоголь».

¹⁶⁰ Поливанов в Ив. Автографы из собрания Л. И. Поливанова. — Искусство, 1923, № 1, с. 330.

¹⁶¹ Гоголь в неизданной переписке современников. — Литературное наследство, т. 58, М., 1952, с. 570.

¹⁶² Там же, с. 582.

Интересные сведения о знакомстве Нащокиных с матерью и сестрами Гоголя есть в поздних воспоминаниях Веры Александровны, записанных в 1898 г.:¹⁶³ «У Гоголя была прекрасная семья. Мать кроткая, чудная и в молодости, вероятно, была красавица собой. Гоголь относился к ней с глубокой почтительностью и любовью. Я это знаю потому, что мать и две его сестры прожили у меня в доме около года.¹⁶⁴ Старшая из сестер была очень недурна собой, и Николай Васильевич был с ней особенно дружен; меньшая, Анна Васильевна, лицом поразительно походила на брата. Гоголь, обожавший музыку, очень хотел, чтобы хоть одна из его сестер играла на фортепьяно, и, желая ему сделать приятное, мы пригласили для Анны Васильевны учителя музыки — знаменитого тогда Гурилева.¹⁶⁵ Но Анна Васильевна не отличалась музыкальными способностями, уроки шли неуспешно и вскоре прекратились».

«Мне очень хотелось повеселить девочек, а для этого надо было повезти их в Благородное собрание на бал. В те времена доступ туда имели исключительно бары, членских билетов было весьма ограниченное количество, да и стояли они довольно дорого. Тогда я устроила такую штуку: из картона вырезала два билета такой величины и формы, как настоящий, и каждой из сестер Гоголя приколола по одному на грудь, а свой настоящий билет взяла с собой. Швейцар знал меня в лицо, как постоянного члена, и вместе со мной пропустили мнимых новых членов».

«Гоголь, когда мы собирались на бал, говорил моему мужу: „Посадят твою жену, Павел Воинович, непременно посадят с фальшивыми билетами-то!“. И на самом деле

---

¹⁶³ Воспоминания о Пушкине и Гоголе. (Рассказы В. А. Нащокиной, записаны И. Р.) — Иллюстрированное приложение к «Новому времени», 1898, № 8129, 11 октября.

¹⁶⁴ В действительности около пяти месяцев — одна из ошибок памяти В. А. Нащокиной.

¹⁶⁵ Вероятно, речь идет не об известном композиторе и скрипаче Александре Львовиче Гурилеве (1803—1853), а, скорее, о его отце Льве Степановиче (1770—1844), московском преподавателе музыки. Бытующее среди потомков Нащокиной предание о том, что Вера Александровна давала уроки музыки одной из сестер Гоголя, вряд ли достоверно. Быть может, она помогала Анне Васильевне готовить уроки, задаваемые Гурилевым.

наши мужчины были несколько в тревожном настроении, ожидая нас дома с чаем... — Молодец, Вера Александровна, вот молодец-то! — говорил довольный Гоголь, когда мы, натанцевавшись, возвратились из Собрания».

Рассказ об этой забавной проделке, имевшей место зимой 1839—1840 г., в памяти потомков Нащокиной сохранился в несколько иной версии, но это, конечно, дела не меняет.

Воспоминания В. А. Нащокиной лишней раз свидетельствуют о том, что отношения Нащокина и Гоголя были дружескими. К сожалению, они остаются и малоизвестными, и недостаточно изученными. Не опубликовано пока и хранящееся в архиве М. П. Погодина письмо Павла Воиновича с откликами на статью последнего «Кончина Гоголя».¹⁶⁶

В. А. Жуковский не принадлежал к числу друзей или хотя бы близких знакомых Нащокина, но все же они изредка встречались, и знаменитый поэт дружелюбно относился к другу Пушкина. О начале знакомства рассказывает сам Павел Воинович в письме к Жуковскому из Москвы от 16 ноября 1849 г.:¹⁶⁷ «Частые мои воспоминания об единственном и истинном друге моем Александре Сергеевиче Пушкине необходимо сливаются с воспоминанием первого нашего знакомства, когда вы, вскоре после его смерти, вместе с графом Михайлом Юрьевичем Виельгорским с высоких степеней ваших снизошли в мой темный угол к неизвестному для вас дотоле человеку. Посещение ваше и в то время меня не удивило: оно свойственно высокой вашей душе и даже достойно назначения, тогда вами выполняемого. Цель посещения вашего была тоже христиански достигнута, ибо ничего не может быть утешительнее, как находиться с теми, которые равно делят скорбь и одинаково чувст-

¹⁶⁶ Гоголь в нецданной переписке современников, с. 752.

¹⁶⁷ ИРЛИ, собр. А. Ф. Онегина-Отто 28171. ССЛПб. 71. Встречи Нащокина с Жуковским, о которых он пишет в этом письме, состоялись во время пребывания поэта в Москве летом 1837 г. в составе свиты наследника Александра Николаевича, совершавшего путешествие по России. Точную дату знакомства Нащокина с Жуковским (3 августа 1837 г.) позволяют установить «Дневники Жуковского» (СПб., 1903, с. 346). Через несколько дней (6 августа) Жуковский побывал у Нащокина дома (там же, с. 347).

вуют важность потери ... Впоследствии, при каждом свидании (что случалось редко, ибо вы с нами не живете), вы всегда оказывали особенное внимание и даже душевное участие ко мне — все приписываю памяти Пушкина и радуюсь тому, и смело убеждаюсь, что имеем его путь к вашему сердцу открыт».

Далее Нащокин очень подробно излагает свое ходатайство за А. Ф. Рахманова, которому грозило совершенное разорение в связи с требованиями заимодавцев немедленно уплатить долги его сына, поручика кавалергардского полка. Чтобы спасти от разорения Рахманова, являвшегося в свое время доверенным лицом Пушкина и Нащокина в различных денежных делах, Павел Воинович и обращается к бывшему воспитателю наследника с неожиданной просьбой: «... надобно испросить у <великого> князя наследника милости принять Рахманова (сына, — Н. Р.) в свою свиту».

Это письмо Нащокина, по всей вероятности, продиктовано им Вере Александровне, которая привела виткеватые фразы мужа в соответствие с синтаксическими правилами. Торжественный стиль Павлу Воиновичу не очень удавался. Нельзя, например, не заметить, что название «мой темный угол» совсем не приложимо к щегольской квартире в доме «у Старого Пимена», где, как видно из содержания письма, Жуковский и Виельгорский побывали вскоре после смерти Пушкина.

Как и следовало ожидать, Жуковский ответил вежливым, но категорическим отказом. 6—18 декабря 1849 г. он пишет Нащокину из Баден-Бадена:¹⁶⁸ «Для меня было и весьма приятно, и весьма огорчительно получить письмо ваше, любезнейший Павел Воинович. Приятно потому, что из него я увидел, что вы сохранили мне ваше дружеское благоволение. Огорчительно же, и очень огорчительно тем, что я не вижу никакой возможности исполнить просьбу вашу, которую бы я исполнил с двойным усердием, во-первых, потому, что мне было бы весьма радостно вас порадовать, во-вторых, и потому, что ваше письмо возбудило во мне живое участие к судьбе Рахманова». Жуковский терпеливо и наставительно объясняет затем, почему он не может исполнить просьбы Павла

¹⁶⁸ Письмо В. А. Жуковского см.: П. Загарин. Жуковский и его произведения. Изд. 2-е. М., 1883, Прил. VIII, с. LXVIII—LXX.

Воиновича, которая, можно думать, его и удивила, и раздосадовала.

Через три месяца (22 февраля—5 марта 1850 г.) Жуковский снова пишет из того же Баден-Бадена:¹⁶⁹ «... мне было тяжело приняться за перо для ответа, дабы только сказать в этом ответе человеку, мне любезному и которому мне так бы приятно было оказать услугу, что я не могу исполнить его желания».

Что касается новых просьб Павла Воиновича, Жуковский обещает содействие только в отношении одной (содержания ее мы не знаем), но свое письмо он заканчивает строками, которые несомненно были приятны Нащокину: «Но вы обяжете меня много, если по времени будете ко мне писать; мне весело будет слушать на чуже ваш дружеский отечественный голос. С истинным уважением преданный вам Жуковский».¹⁷⁰

Нет основания сомневаться в том, что Жуковский действительно искренне уважал Павла Воиновича, зная, какова была его роль в жизни Пушкина.

В неопубликованной записке Нащокина к Жуковскому от 12 января 1850 г. по поводу недавно вышедшего его перевода «Одиссеи» говорится: «... скажу вам теперь вкратце, с надеждою впредь о нем более распространяться, что сколько есть у нас в Москве образованных и мыслящих людей, у всех он лежит открытый на столе, из числа их мне известны многие бедные люди».¹⁷¹

Подробный отзыв о знаменитом переводе гомеровской поэмы, если он и был послан Жуковскому, до нас не дошел, но записка во всяком случае показывает, что и в это очень тяжелое для него время Павел Воинович не переставал интересоваться литературными новостями. Как видим, к Жуковскому он обращался не только с бытовыми просьбами.

П. А. Вяземский — давнишний, хотя и не близкий знакомый Нащокина. 25 августа 1829 г. Петр Андреевич упоминает в своем дневнике о дружеской встрече, состоявшейся за несколько дней до этого в Москве: «Одно

¹⁶⁹ Искусство, 1923, № 1, с. 333—334.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Отдел рукописей ГПБ (не зашифровано),

утро собрались у нас с Пушкиным: Бартенев-Костромской, Сергей Глинка, Сибилев, Нащокин Павел Воинович». ¹⁷² Это, однако, не начало знакомства. Из письма Вяземского к Н. А. Муханову от 5 августа 1828 г., которое я цитировал, упоминая о смерти тогдашней подруги Павла Воиновича, видно, что Петр Андреевич в это время (по крайней мере один раз) побывал у Нащокина.

Опубликованные в «Литературном наследстве» отрывки писем Вяземского к Нащокину малозначительны, но все же свидетельствуют о том, что их знакомство не прервалось и со смертью Пушкина. 24 мая 1837 г. Петр Андреевич пишет: «Вы, говорят, имеете прекрасный бюст незабвенного нашего друга. Если поступили уже в продажу слепки с него, то пришлите сюда их несколько, а в особенности один на мое имя». ¹⁷³

30 декабря 1841 г. Вяземский сообщает: «Н. Н. Пушкина сказала мне, что на днях писала к вам. Она вам сердечно предана, и часто с нею говорим об вас». ¹⁷⁴

В этом письме Наталья Николаевна между прочим сообщает: «Князь Вяземский усердно взялся за ваше дело. Общая ваша дружба к Пушкину, не говоря уже о собственных ваших достоинствах, побуждает его употребить все старания к успешному исполнению вашего желания». ¹⁷⁵

Тем не менее о сколько-нибудь близком общении Вяземского и Нащокина во время наездов Петра Андреевича в Москву в 40—50-х годах вряд ли можно говорить. Круг знакомых Павла Воиновича мы знаем; это верхи московской интеллигенции, за малыми исключениями далекой от придворного и бюрократического мира. Вяземский, аристократ по происхождению, чем дальше, тем больше сближался с кругами официальными. Он еще не занимает больших государственных и придворных должностей — пока жив Николай I, князь Петр Андреевич по-прежнему не в чести. Товарищем министра народного просвещения, сенатором, членом Государственного Совета, обер-шенком двора он становится уже позднее,

¹⁷² Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 193.

¹⁷³ Пушкин в неизданной переписке современников. — Литературное наследство, т. 58, с. 146.

¹⁷⁴ Там же, с. 154.

¹⁷⁵ Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 602.

после смерти Нащокина, при Александре II. Однако в московских домах, где друг Пушкина Нащокин был своим человеком, другой близкий друг поэта, Вяземский, в 40—50-х годах, по-видимому, не бывал вовсе.

К числу друзей Нащокина принадлежал также выдающийся поэт пушкинской плеяды Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844). Павел Воинович называет его одним из друзей их «беспечной и добросовестной молодости». Вероятно, совсем еще юный Нащокин встречался с начинающим поэтом (Баратынский впервые выступил в печати в 1818 г.) в тот период, когда Баратынский, исключенный в 1816 г. из Пажеского корпуса за мальчишескую проделку, жил в Петербурге и через только что окончившего Лицей Дельвига познакомился с Пушкиным, Кюхельбекером и П. А. Плетневым. В 1819 г. он поступил рядовым в один из гвардейских полков. Как мы знаем, в это же время подпрапорщик Нащокин начал свою службу в Измайловском полку и вскоре перешел в Кавалергардский. В 1820 г. произведенный в унтер-офицеры Баратынский был отправлен в Финляндию, оставался там пять долгих лет и только в 1825 г., получив первый офицерский чин, вышел в отставку.

Таким образом, Нащокин и Баратынский были хорошо знакомы, будучи еще совсем молодыми людьми. Павел Воинович вел в это время очень рассеянный образ жизни и, как я уже упоминал, своих бумаг, видимо, не сохранял. Единственным опубликованным свидетельством его отношений с Баратынским является письмо к поэту и переводчику, бывшему артиллерийскому офицеру, Николаю Михайловичу Коншину.¹⁷⁶ Письмо это, датированное 21 августа 1844 г., опубликовано давно,¹⁷⁷ но оно настолько характерно для тогдашнего умонастроения Нащокина, что я приведу из него большую выдержку, опустив только малоинтересные религиозные размышления Павла Воиновича: «Истинно добрый и почтенный Николай Михайлович, прежде чем тебя благодарить за твоё

¹⁷⁶ По ходатайству Пушкина и Жуковского Н. М. Коншин был назначен директором тверской гимназии и училищ Тверской губернии.

¹⁷⁷ Письмо П. В. Нащокина к Н. М. Коншину о смерти Баратынского. — Русская старина, 1908, декабрь, с. 762—763.

ко мне внимание, погорюем о Баратынском — и его не стало. Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: „Ну, Войныч, держись: в наши ряды постреливать стали“. Многих из товарищей твоих и обших наших уже нет на свете, о которых не говорят и говорить не будут; *слава же, известность и некрология* не умолкнут повторять имен Пушкина, Дельвига и Баратынского в дальнейшее время потомства; но много ли людей осталось, которые бы могли помянуть их как товарищей и друзей по сердцу и по душе; все трое были нам близки, но ты был ближе всех к Баратынскому, и, можно сказать, в единственную интереснейшую эпоху его жизни. Итак, любезный друг Коншин, оставим журналистам, газетчикам и лексиконистам славословить или поминать их лихом ... а мы с тобою помянем их, во-первых, как христиане ... а во-вторых, помянем их как друзей и товарищей нашей беспечной и добросовестной молодости: спасибо им, что пожили с нами и любили нас. Станем, любезный Николай Михайлович, доживать век наш в суетах и заботах и помогать друг другу».

По всей вероятности, и это письмо было продиктовано Вере Александровне или же она отредактировала составленный Нащокиным текст. Сам Нащокин так гладко писать не умел.

Друзья Павла Воиновича, по всей вероятности, знали, что в его переписке немалое участие принимает жена. С. А. Соболевский писал, например, Нащокину из Цюриха 11 декабря 1836 г.: «Намарай мне побольше сплетен, а если тебе лень держать перо в руках, то заставь жену».¹⁷⁸

Среди выдающихся людей, которых Нащокин знал более или менее близко, был и революционный демократ, великий критик Виссарион Григорьевич Белинский.

Когда Нащокин с ним познакомился, мы не знаем. Белинский прожил в Москве 10 лет (1829—1839). Вероятно, знакомство состоялось после того, как молодой Виссарион Григорьевич напечатал в 1834 г. свою первую большую статью — «Литературные мечтания».

---

¹⁷⁸ ИРЛИ, ф. 18 (коллекция П. И. Бартенева), № 56, л. 1 об.

Весной 1836 г. Павел Воинович уже несомненно знаком с Белинским, причем знаком не «шапочно». Об этом свидетельствует письмо Пушкина к Нащокину от 27 мая 1836 г. Отправляясь в Москву, поэт предполагал увидеться и с Белинским, но встреча почему-то не состоялась, и, едва вернувшись в Петербург, он пишет: «Теперь поговорим о деле. Я оставил у тебя два порожних экземпляра „Современника“. Один отдай князю Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей¹⁷⁹ NB) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться». Поручение, таким образом, является конфиденциальным, и Пушкину, очевидно, известно, что Нащокин достаточно знаком с Белинским, чтобы его выполнить.

По-видимому, поэт поручал другу и более существенные переговоры.

В конце октября—начале ноября 1836 г. Павел Воинович пишет: «Любезный друг Александр Сергеевич, много бы было об чем писать, да некогда. Что ты не аккуратен, это дело известное. Несмотря что известно — надо тебе это сказать и, коли можно, и помочь. Белинский получал от Надеждина, чей журнал уже запрещен, 3 тьсячи». Наблюдатель предлагал ему 5. — Греч тоже его звал. — Теперь, коли хочешь, он к твоим услугам — я его не видал — но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать. — Ты мне отпиши, и я его к тебе пришлю» (XVI, 181).

И. В. Сергиевский, посвятивший свою кандидатскую диссертацию несостоявшейся встрече Пушкина с Белинским в Москве, считает, что письмо Нащокина свидетельствует о намерении Пушкина привлечь Белинского к работе в «Современнике».¹⁸⁰ Мнение Сергиевского разделяют и другие исследователи.

Прибавлю от себя, что слова Нащокина: «Ты мне отпиши, и я его к тебе пришлю» — позволяют думать, что в конце 1836 г. Павел Воинович был уже близко знаком с Белинским.

---

¹⁷⁹ Пушкин имеет в виду редакцию и сотрудников журнала «Московский наблюдатель».

¹⁸⁰ Сергиевский И. Пушкин и Белинский. — В кн.: Сергиевский И. Избранные работы. М., 1961, с. 215—216.

19 февраля 1840 г. Белинский в письме к В. П. Боткину поручает своему родственнику Д. И. Иванову получить от московского книгопродавца и издателя Ширяева 1300 руб. ассигнациями и из этой суммы вернуть 200 рублей П. В. Нащокину.¹⁸¹

Нащокину, не забудем, самому живется не легко. Он часто нуждается в деньгах. Все же Павел Воинович помог этим небольшим займом Белинскому, который в 1839 г. временно остался без заработка. 21 февраля 1840 г. последний снова пишет непосредственно Д. И. Иванову: «О жительстве Нащокина узнай через Щепкиных и деньги (200 руб.) сам отнеси. Скажи ему, что прошу у него извинения за просрочку и что как скоро узнаю от тебя о получении денег, то буду сейчас же писать к нему. Да скажи ему, что я жду от него сочинений графини Сарры Толстой. Нельзя ли тебе их переслать? Нащокин добрый и прекрасный человек, он примет тебя ласково».¹⁸²

Книга юной, одаренной поэтессы Сарры Толстой, дочери Ф. И. Толстого — «Американца», отпечатанная в очень ограниченном числе экземпляров и не поступившая в продажу, продолжает интересовать Белинского. В письме к В. П. Боткину от 15 января 1841 г. он снова упоминает о Павле Воиновиче: «Нащокин, говорят, передал для меня экземпляр Константину Аксакову, а тот, бог знает, что сделал с ним. Не можешь ли ты похлопотать об этом деле?».¹⁸³

Пушкина нет... Нет больше и его просьб и поручений, но умный и отзывчивый Павел Воинович оказывает помощь другим, — думается, не одному только Белинскому. Вероятно, до конца жизни он остается советником и помощником литераторов. Мы мало об этом знаем, потому что очень мало сохранилось документов.

Как уже говорилось, Нащокин был дружен со многими деятелями искусств.

Близким знакомым Нащокина был выдающийся композитор и театральный деятель Алексей Николаевич Верстовский (1799—1862). Почти сорок лет его жизни про-

---

¹⁸¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд. АН СССР, 1956, с. 459—460.

¹⁸² Там же, т. XII, с. 11.

¹⁸³ Там же.

шли в Москве, куда он был переведен на службу в 1823 г. Верстовский последовательно занимал ряд руководящих должностей в Московской конторе императорских театров и с 1848 по 1860 г. состоял управляющим этой конторой. Он был талантливым композитором, автором многих музыкальных произведений, но наибольшим успехом пользовалась его опера «Аскольдова могила» (1835), которая не только удержалась в репертуаре провинциальных театров до начала нашего столетия, но в эти годы шла и на сцене Народного дома в Петербурге.¹⁸⁴

Подобно Евгению Онегину, Нащокин был «почетным гражданином кулис» и, вероятно, еще в 20-х годах познакомился с А. Н. Верстовским, который с 1825 г. состоял инспектором музыки, а с 1830 г. — инспектором репертуара. Отношения Павла Воиновича с Верстовским, видимо, были дружескими. Биограф композитора Н. Финдейзен приводит любопытную цитату из «Театральных воспоминаний» Н. И. Куликова:¹⁸⁵ «Недаром П. В. Нащокин, смеясь, говорил артистам: „У вас, в театре, ламповщик и лампы не зажжет без дозволения Алексея Николаевича“». ¹⁸⁶ От себя Н. Финдейзен прибавляет, что это воспоминание ни в коем случае «не включает в себе ничего позорящего тень покойного автора „Аскольдовой могилы“; оно только подтверждает его близкие отношения к семейству Нащокиных».¹⁸⁷

О том же говорит и единственное известное письмо Пушкина к Верстовскому. Давнишний знакомый композитора, Пушкин был с ним на «ты». Во второй половине ноября 1830 г., во время холеры, поэт пишет ему из Болдина в Москву: «Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому, что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен; 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, то есть умного и дружеского» (XIV, 129).

Н. Финдейзен опубликовал четыре недатированных коротких письма, вернее, записки, Верстовского к супругам Нащокиным. Две из них адресованы Павлу Воино-

---

¹⁸⁴ Очерки истории Ленинграда, т. III. М.—Л., 1956, с. 809.

¹⁸⁵ Искусство, 1883, № 5, с. 55.

¹⁸⁶ Финдейзен Н. Алексей Николаевич Верстовский. — Ежегодник имп. театров, сезон 1896—1897 гг., Приложения, кн. 2, с. 98.

¹⁸⁷ Там же, с. 101.

вичу, две других — Вере Александровне (мы рассмотрим последние в дальнейшем).

В одной из записок Верстовский объясняет, почему Павлу Воиновичу не могли предоставить ложи (очевидно, бесплатной): «Мне самому хотелось и хочется вас видеть и поговорить, почему и прошу вас нынче вечером заехать ко мне, в ложу № 11. Дома я не бывал, потому что я на несколько минут приезжал в Москву из деревни, а домой приезжаю только переночевать. В теперешнее время из Петербурга приехали ревизующие, почему и в конторе не смел никого принять; а ложи особенной потому не отпускали, чтобы эти господа не подумали, что дирекция раздает места даром по произволу. Надеюсь, что скоро ревизия сия окончится и я буду свободен. До свидания. Весь ваш В.».¹⁸⁸

В письмах Нащокина к Пушкину есть упоминания о встречах с Верстовским у родственников и знакомых. В 10-х числах января 1836 г. он сообщает, например, о том, что на обеде у мужа сестры Павла Воиновича, М. А. Окулова, вместе с знаменитым художником К. П. Брюлловым присутствовали писатель М. Н. Загоскин, А. Н. Верстовский и др. (XVI, 75).

До настоящего времени мы знали очень мало о знакомстве Нащокина с композитором и музыкальным деятелем графом Михаилом Юрьевичем Виельгорским (1788—1856). Его отец, польский аристократ, посланник при дворе Екатерины II, перешел впоследствии на русскую службу и был назначен сенатором. Виельгорский — близкий приятель ряда русских писателей, в том числе Карамзина, Жуковского, Вяземского и Пушкина.

Три года (с 1823 по 1826) он прожил в Москве на положении опального, а большую часть взрослой жизни (тридцать лет) провел в Петербурге. В пору знакомства с Нащокиным Виельгорский имел чин действительного статского советника и придворное звание гофмейстера. Общеизвестна его роль как организатора музыкальных собраний, происходивших в течение трех десятилетий в его гостеприимном петербургском доме (ныне пл. Искусств, д. 3); участвовал в них и его брат — знаменитый виолончелист, граф Матвей Юрьевич.

¹⁸⁸ Там же, с. 101—102.

Талантливый, широко образованный человек, Виельгорский был хорошо известен и на Западе. Композитор Россини отзывался о нем как о первом музыкальном знаменителе мира.

Из письма Нащокина к Жуковскому от 16 ноября 1849 г. мы знаем, что вскоре после смерти Пушкина Виельгорский побывал у Павла Воиновича вместе с Жуковским.¹⁸⁹ Это единственное упоминание о композиторе в дошедших до нас письмах Нащокина.

Их отношения тем не менее несомненно были длительными и близкими. Об этом свидетельствуют многочисленные, большей частью краткие, письма Виельгорского, которые хранятся в Институте русской литературы АН СССР (12 писем) и Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (6 писем). Всего в рукописных отделах этих учреждений зарегистрировано, таким образом, 18 писем (среди писем есть и краткие записки). К сожалению, ни в одном из них не проставлен год, что во многих случаях делает невозможным сколько-нибудь точную датировку. Содержание писем зачастую (но не всегда) малозначительное, чем, вероятно, и объясняется тот факт, что до сих пор они не были опубликованы, хотя об их существовании литературоведы знали давно.

Тем не менее одно лишь наличие 18 обращений графа Виельгорского к Нащокину говорит о том, что они были по меньшей мере хорошими знакомыми. Возможно, со временем эти письма будут полностью опубликованы и основательно изучены; я дам лишь краткий их обзор и приведу несколько цитат.

Судя по содержанию, письма Виельгорского относятся к концу 40-х—началу 50-х годов. Все они целиком написаны по-русски и лишь в одном приведены французские названия медицинских терминов.

При первом же ознакомлении с поблекшими листками, хранящимися в архивных папках, нельзя не обратить внимания на сердечный тон обращений Виельгорского. В одном из писем (без даты) он высказывает, например, сожаление о том, что, приехав в Москву по поводу опе-

¹⁸⁹ И В. А. Жуковский, и М. Ю. Виельгорский были членами опекуна над детьми и имуществом Пушкина. Возможно, что их совместный визит к Нащокину был связан с литературным наследием поэта.

рации брата, «не мог доселе» «обнять» «любезнейшего Павла Воиновича».¹⁹⁰

6 февраля 1853 г. скончалась жена Виельгорского Луиза Карловна. Видимо, в связи с ее смертью Михаил Юрьевич пишет 29 марта того же года: «Угодно было господу посетить меня. Крест для меня тяжкий — с помощью пославшего несу его с терпением... Не увидим ли вас к празднику? т. е. не приедете ли за сыном? ¹⁹¹... Мысленно вас обнимаю. Скажите усердный и дружественный поклон вашим дамам.¹⁹² Дети мои благодаря богу здоровы и служат мне большим утешением».¹⁹³

Следующее письмо того же фонда на бумаге с траурной каймой, вероятно, также связано с недавней семейной утратой и может быть отнесено к 1853 г. Оно датировано «мая 26». «Вы вчера, мой любезнейший, — пишет Виельгорский, — ушли, не простившись со мной: хоть и не охотник я до проводов, но сожалею, что не могу приехать на чугунку ¹⁹⁴ еще раз вас обнять».¹⁹⁵

В одном из писем Виельгорский обращается к Нащокину с деликатной просьбой (перед текстом подчеркнутая надпись «секретно»): «Любезнейший Павел Воинович, пишу вам по делу, близкому моему сердцу и которое приводит наш семейный круг в немалое смущение: у моего брата оказался камень — несмотря на огромную репутацию *Пирогова*, наши друзья (по *медицинской* части) советуют ехать в Москву для операции».¹⁹⁶ Виельгорский просит узнать, кто лучший хирург в Москве и какова смертность по каждому из двух практиковавшихся тогда хирургических методов.

Композитор не только обращается с просьбами к своему приятелю Нащокину (думается, что адресата 18 дошедших до нас писем мы вправе так называть), но и сам

¹⁹⁰ ГПБ, ф. 142, № 39, л. 5.

¹⁹¹ Александру Павловичу Нащокину в это время было 14 лет. Он, как мы знаем, был принят в Училище правоведения.

¹⁹² Виельгорский, кроме Веры Александровны, вероятно, имеет в виду двух старших дочерей Нащокина — Екатерину и Софью, которые в 50-х годах были уже взрослыми барышнями.

¹⁹³ ГПБ, ф. 142, № 39, л. 7.

¹⁹⁴ Николаевская (ныне Октябрьская) железная дорога была открыта в 1851 г. Нащокин, видимо, побывал в Петербурге, навещал Виельгорского и возвращался в Москву.

¹⁹⁵ ГПБ, ф. 142, № 39, л. 9—10.

¹⁹⁶ ИРЛИ, ф. 18, № 12, л. 20.

готов оказать ему существенную услугу — советует Павлу Воиновичу устроиться управляющим домом князя Воронцова в Петербурге. «Управляющий, — по словам Виельгорского, — получает 1000 рублей серебром и квартиру в доме. Мне кажется, что это место для вас клад».¹⁹⁷

Ни одного ответного письма Нащокина к Виельгорскому не известно, но, очевидно, он, зная себя еще лучше, чем благожелательный приятель, отказался от управления графским домом, так же как, несмотря на совет Гоголя, не пожелал заняться образованием сына откупщика Бернадаки.

Я уже упомянул о том, что очень близкий к придворным кругам Виельгорский, судя по его письму, помог определить дочь Нащокина Анастасию в один из институтов в качестве пансионерки императрицы. В том же письме обсуждается, как уже было упомянуто, наиболее злободневная тема тех дней — революция 1848 г., начавшаяся во Франции 22 февраля: «Здесь все исчезает при важных событиях во Франции и уже в Германии отражающихся. Только об этом и толкуют от почты до почты. Как будто замирает внимание и все живут и дышат одним ожиданием новостей». Отметки Виельгорского на полях: «Получены известия о том, что начинают уже нападать на (нрзб) правление Франции»; «Каждая почта приносит изменение в состоянии гражданском западных государств. Одна Россия как бы благословенный оазис, где можно еще найти спокойное прибежище — надолго ли? — о сем следует подумать каждому истинному русскому».¹⁹⁸

К сожалению, мы не знаем, как отнесся Павел Воинович к рассуждениям просвещенного европейца и богатого российского помещика относительно спокойствия «благословенного оазиса». Виельгорский, впрочем, как видно из его письма, не очень верит в надежность оазиса. Опасаясь «любопытства почты», Нащокин, возможно, вообще не ответил или же воспользовался для ответа оказией (письмо самого Виельгорского было переслано в Москву именно таким путем).

В одном из писем граф обращается к другу Пушкина с интересной литературной просьбой: «Напишите мне об Онегине в отношении историческом. Недавно был спор,

---

¹⁹⁷ Там же, л. 18.

¹⁹⁸ Там же, л. 22.

после рассказа или сцен Татьянинных и пр. — при дворе». ¹⁹⁹ Излишне говорить о том, насколько было бы интересно прочесть ответ Павла Воиновича «об Онегине в отношении историческом».

В каком году П. В. Нащокин познакомился с реформатором русского драматического искусства, великим актером Михаилом Семеновичем Щепкиным, мы также не знаем. Щепкин переселился из Тулы в Москву в конце февраля или в начале марта 1823 г. Нащокин, выйдя в отставку в ноябре этого года, в следующем уже несомненно жил в Москве. Очень вероятно, что, любя театр, он сразу же начал бывать в Малом, а с января 1825 г. — во вновь построенном императорском Большом театре. Репертуар государственных театров в то время был по преимуществу развлекательным. Щепкину приходилось играть главным образом в переделках французских комедий, таких как «Воспитание, или Вот приданое!», «Игнаша-дурачок, или Нечаянное сумасшествие», «Бот, или Английский купец» и т. д. ²⁰⁰ Ставились на императорской сцене и многочисленные «оперы-водевили», как переведенные с французского, так и отечественные, например опера-водевиль в одном действии «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме» (текст П. Н. Семенова, музыка Ю. Э. Леонгарда). А. А. Шаховской, переделавший множество французских комедий, а также Мольера и Шекспира, тоже сочинил в свое время довольно популярную оперу-водевиль «Казак-стихотворец» (музыка К. А. Кавоса).

М. С. Щепкину приходилось зачастую выступать в подобных водевилях с пением, а порой и в настоящих операх, таких как «Москаль-Чаривник», малороссийская опера в одном действии И. П. Котляревского. Артист тщетно доказывал, что петь он не умеет, нот не знает, да и голос у него не оперный. Директор театров назначал специального музыканта, который приходил к Щепкину

---

¹⁹⁹ Там же, л. 6 об. («ноября 14/26»).

²⁰⁰ Сведения о репертуаре Щепкина заимствованы мною из кн.: Грядц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966.

на дом и проигрывал ему нужные партии. Благодаря хорошему слуху, природной музыкальности и большой настойчивости Михаил Семенович справлялся и с пением. Голос у него был небольшого диапазона, но приятный.

Просмотр огромного репертуара М. С. Щепкина показывает, что в комедии с пением «Цыганка», где Н. И. Куликов вывел Павла Воиновича Нащокина и его подругу Ольгу Солдатову, великий актер не участвовал.

Но постепенно репертуар Щепкина становится содержательнее и серьезнее. Уже в 20-х годах наряду со множеством чисто развлекательных спектаклей он выступал в «Ябеде» В. В. Капниста и «Модной лавке» И. А. Крылова.

На сцене московских театров ставились тогда и некоторые пьесы Мольера («Мизантроп», «Мещанин во дворянстве», «Скапировны обманы»). Первое время Мольера уродовали, переделывая его комедии применительно «к русскому быту». Постепенно их сменили более или менее тщательные и полные переводы. Всего за московский период своей жизни Щепкин выступал в семи пьесах Мольера.

В начале 30-х годов Нащокин мог видеть его в «Скупом» (перевод С. Т. Аксакова), «Школе женщин» (перевод Н. И. Хмельницкого), а также в «Горе от ума» (Фамусов был одной из лучших и любимейших ролей Щепкина). Но наряду с этими пьесами прославленному артисту по-прежнему приходилось выступать и в незначительных, малохудожественных произведениях.

В 30-х годах М. С. Щепкину было уже сорок с лишним лет (он родился в 1788 г.). Бывший крепостной графа Г. С. Волькенштейна стал одним из лучших актеров России. Своего происхождения Щепкин не стыдился, оставался демократом по духу. Тот образ жизни, который Нащокин вел в Москве в начале 30-х годов, до женитьбы на Вере Александровне, несомненно был ему глубоко чужд. Бывал ли в эти годы Щепкин у Нащокина, мы не знаем, но трудно представить себе этого степенного человека среди «народов», наполнявших тогда квартиру Павла Воиновича. Однако сохранившееся одно весьма интересное свидетельство (Н. И. Куликова) об их беседе позволяет, на мой взгляд, думать, что разговаривали люди, уже близко знавшие друг друга.

В апреле (?) 1835 г. М. С. Щепкин и П. В. Нащокин вели спор о двух трагиках — В. А. Каратыгине и П. С. Мочалове. Нащокин отдавал предпочтение первому из них, Щепкин — второму. Павел Воинович считал, что Мочалов, не обращающий внимания на свою пластику, «за пренебрежение дарами природы — достоин осуждения, а Каратыгин за старание и усердные труды — уважения».

«Ваш взгляд, Павел Воинович, — снова возразил он (Щепкин, — *Н. Р.*), — взгляд барина из английского клуба... Вы, вероятно, случайно видели Мочалова в какой-нибудь неважной роли и не видали его в лучших ролях, когда он, как говорится у нас, был в ударе! Вот что я вам скажу, чтобы покончить спор: кто раз в жизни увидит истинно гениальную игру нашего трагика, тот уж никогда ее не забудет и простит ему все!».²⁰¹

В этом споре нас интересует довольно резкая реплика вообще очень деликатного Щепкина. Назвать «баринном из английского клуба» можно было только хорошо знакомого собеседника.

О долголетнем знакомстве Павла Воиновича с Щепкиным говорят и другие сведения, приведенные в труде Т. С. Грица.

Во время последнего пребывания Пушкина в Москве, в мае 1836 г., Щепкин встречался (по-видимому, несколько раз) с поэтом в известном нам доме Нащокина «у Старого Пимена». Об одной из этих встреч артист рассказывал в 1858 г. Д. А. Смирнову.²⁰²

Во второй половине (после 16) декабря 1836 г. Павел Воинович пишет Пушкину: «Еще попрошу у тебя для Щепкина — он тоже человек хороший и с семейством, и тоже небогатый — и нужны деньги. В феврале месяце у него бенефис — и Гоголь ему обещал пьесу. — Но Гоголя нет — и может статься и пьесы не будет — ему же нужен сбор и потому нужна такого рода пьеса, которая бы привлекла публику» (XVI, 212; в дальнейшей части письма Павел Воинович просит Пушкина помочь преодолеть цен-

---

²⁰¹ П. С. Мочалов. Заметки о театре, письма, стихи, пьесы. Современники о П. С. Мочалове. М., 1953, с. 355.

²⁰² Два утра у Щепкина. Из неизданных материалов Д. А. Смирнова. — Ежегодник имп. театров, сезон 1907—1908 гг., с. 173—180.

зурные препятствия, связанные с постановкой пьесы, которую Щепкин выбрал для своего бенефиса).

Н. И. Куликов в своих воспоминаниях рассказывает: «...когда в начале февраля дошла до Москвы роковая весть о дуэли Пушкина, мы в ту же минуту с М. С. Щепкиным бросились к Павлу Воиновичу! Нащокин был в отчаянии».²⁰³

Есть сведения о встречах Нащокина со Щепкиным и в позднейшие годы. 9 мая 1842 г. оба они, по-видимому, присутствовали на именинах Гоголя в саду при доме М. П. Погодина.²⁰⁴

10 мая 1853 г. Павел Воинович, как я уже упоминал, был участником торжественного обеда, устроенного в том же саду в честь уезжавшего за границу Щепкина.²⁰⁵

Наши сведения о знакомстве Павла Воиновича с знаменитым актером немногочисленны, но не приходится сомневаться в том, что оно продолжалось много лет и было довольно близким, а может быть, и очень близким.

В числе приятелей Нащокина был и профессор истории Московского университета, литератор и журналист М. П. Погодин (1800—1875). 31 августа 1827 г. Пушкин писал ему: «Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, вы, честный литератор между лавочниками литературы»; «Вестник Московский по моему беспристрастному, совестному мнению — лучший из русских журналов» (XIII, 340—341).

В 40-х годах взгляды Погодина, однако, в корне изменились. Он стал видным деятелем правого крыла славянофильства. Эта политическая эволюция Погодина на его отношениях с Нащокиным не отразилась — они продолжали оставаться приятелями. В 50-х годах у друга Пушкина и ученого-историка появилось к тому же общее, весьма распространенное в те времена увлечение.

Павел Воинович и при жизни поэта, несмотря на весь свой здравый ум, был, как известно, весьма суеверен.

---

²⁰³ Русская старина, 1881, август, с. 615.

²⁰⁴ Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества, с. 291 и 729.

²⁰⁵ Там же, с. 492—494.

В конце жизни, уже тяжело больной, он стал к тому же страстным спиритом. Увлечение мужа захватило и Веру Александровну. Она также принимала участие в столоверчении и вызывании духов. Это было своего рода морозное поветрие, пришедшее с Запада и захватившее тогда значительную часть московской (и не только московской) интеллигенции. В числе «заразившихся» были не одни супруги Нащокины, но и ряд ученых, в том числе профессор Погодин и известный автор ценнейшего «Толкового словаря живого великорусского языка», врач по образованию, Владимир Иванович Даль (1801—1872).

Погодин, по-видимому, не перестал увлекаться спиритизмом до конца своих дней. За год до его смерти, в 1874 г., вышла вторым изданием сейчас совершенно забытая книга, в которой он собрал обширную коллекцию всевозможных таинственных случаев.²⁰⁶ Имеется там и описание малозначительных, но, по мнению автора, необъяснимых случаев, которые в разное время приключались с Павлом Воиновичем и были им рассказаны Погодину.

Спиритическим увлечениям Даля и Нащокина посвящена статья Н. В. Берга.²⁰⁷ Автор описывает в ней «опыты», производившиеся в доме Павла Воиновича «в эпоху общего верчения столов», в том числе один из сеансов, в апреле 1854 г., когда собравшиеся ожидали появления тени Пушкина.

Сейчас нам трудно себе представить это нелепое и кощунственное сборище культурных москвичей. Однако здравый ум взял верх у Павла Воиновича и, осознав всю нелепость спиритических сеансов, он в конце концов навсегда их прекратил и вместе с женой сжег все написанное во время этих сеансов.

*
* * *

В конце жизни Нащокин, раньше не отличавшийся особой религиозностью, по-видимому, стал набожным. «В это последнее мое посещение, — пишет Н. И. Кули-

---

²⁰⁶ Погодин М. Простая речь о мудреных вещах. Изд. 2-е. М., 1874.

²⁰⁷ Берг Н. В. В. И. Даль и П. В. Нащокин. — Русская старина, 1880, июль, с. 613—616.

ков, — я заметил — не замечаемое мною прежде — религиозное направление Павла Воиновича. В углу спальной комнаты, за занавеской, большая картина, писанная масляными красками, изображающая Христа распятого, по сторонам образа и все принадлежности молитвы.²⁰⁸

По всей вероятности, Нащокин думал в это время о приближающейся смерти. Он далеко не был стар (приходится повторять — по крайней мере по понятиям нашего времени), но издавна некрепкое здоровье все более и более сдавало. Бессонные ночи за карточным столом несомненно подрывали его много лет подряд. На портрете Мазера Нащокин, которому в это время было 38 лет, выглядит уже не совсем здоровым человеком: у него болезненное, отечное лицо.

Еще более показателен портрет маслом работы Э. А. Дмитриева-Мамонова, хранящийся в Государственном Историческом музее в Москве. Он датируется концом 40-х — началом 50-х годов. По словам Г. И. Назаровой, «нельзя не заметить разницы в выражении лица Нащокина. На ранних портретах — очень пристальный, живой взгляд; на портрете Дмитриева-Мамонова Нащокин — человек, уже во многом изменившийся не только внешне, но и внутренне. В задумчивом взгляде его умиротворенность и печаль».²⁰⁹

Прибавлю от себя — у Павла Воиновича на этом портрете лицо преждевременно состарившегося, понурого, несомненно больного человека...

6 ноября 1854 г. Веру Александровну и ее детей постигло тяжкое горе — Павел Воинович скончался, по словам П. И. Бартенева, «колениопреклоненный, стоя на молитве».²¹⁰

Просмотрев московские газеты того времени («Московские ведомости» и «Ведомости Московской городской полиции»), я не нашел в них откликов на смерть П. В. Нащокина. Отсутствуют и траурные объявления — в царствование Николая I они еще не были в обычае.

Павел Воинович не дожил и до 53 лет...

---

²⁰⁸ Русская старина, 1881, август, с. 621.

²⁰⁹ Назарова Г. И. Из иконографии Нащокиных. — В кн.: Пушкин и его время, вып. I. Л., 1962, с. 420.

²¹⁰ Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 433.

Жена Нащокина осталась 43—44-летней вдовой. Две старшие дочери — Екатерина и София были уже взрослыми барышнями (20 и 18 лет). Жили они, по-видимому, с матерью. Младшие дочери, как и сын, учились в Петербурге. Младший Андрей остался на руках у матери.

Вера Александровна была совсем еще не стара, могла иначе устроить свою нелегкую жизнь.

Внучка ее сообщает (8 декабря 1966 г.): «Мои старшие сестры,²¹¹ а также моя мать много рассказывали в свое время о ней. Это была добрая, чуткая женщина, с большой стойкостью переносившая раннее вдовство и всевозможные материальные лишения. Она была верна памяти Павла Воиновича и решительно отвергла предложение Данзаса, о чем рассказывала моя мать. Всю остальную свою жизнь после смерти Павла Воиновича она посвятила своему младшему сыну Андрею, оставшемуся после отца десятимесячным ребенком».

На мою просьбу сообщить подробнее о сватовстве Данзаса к вдове П. В. Нащокина моя корреспондентка ответила 8 июля 1967 г.: «Все, что я вам сообщала о Нащокиных, я старалась при этом быть как можно более достоверной и подтверждать документами. Единственно, что я не могу подтвердить документально, это в отношении Данзаса, о чем рассказывала моя мать. Холост ли он был, вдов ли».

Будучи вдовой, Вера Александровна, по-видимому, сохраняла дружеские отношения с давнишним знакомым К. К. Данзасом. В недатированном письме к Вере Александровне композитор А. Н. Верстовский просит ее разговестись у них в первый же день праздника «с милейшим Костюшкой». Судя по тому, что о Павле Воиновиче в письме не упоминается, его уже не было в живых. «Милейший Костюшка» — вероятно, Константин Карлович Данзас, которого Верстовский, друживший с Нащокиным, не считал неудобным пригласить вместе с Верой Александровной.²¹²

---

²¹¹ Из трех старших сестер В. А. Нащокиной-Зызиной бабушку несомненно помнили Валентина Андреевна (1886—1959) и Екатерина Андреевна (1889—1962).

²¹² Ежегодник имп. театров, сезон 1896—1897 гг., Приложения, кн. 2, с. 101.

Генеральшей Данзас²¹³ вдова Нащокина, однако, не стала.

Жилось ей очень трудно. После мужа остались, вероятно, большие долги, сводившие на нет доход от наследства. Материальное благополучие семьи в последние месяцы жизни Нащокина было скорее кажущимся... Можно думать, что родные Павла Воиновича, когда его не стало, мало или вовсе не интересовались делами его жены. Петр Александрович Нащокин (его брат Павел скончался в 1849 г.), владелец Рай-Семеновского, обобрав по суду незаконную сестру, держался, конечно, от нее подальше. Родной брат, пехотный офицер Федор Александрович, о котором речь будет впереди, в 50-х, да и в начале 60-х годов, состоял еще в небольших чинах и вряд ли мог помогать сестре.

После смерти Павла Воиновича, как сообщает его внучка (19 августа 1967 г.), «бабенька долгое время жила в меблированных комнатах».²¹⁴ Далее она пишет: «Вера Александровна, оставшись вдовой, всю себя посвятила моему отцу. Не желая с ним расставаться, она отдала его учиться в московскую гимназию, после гимназии он поступил в университет, но, по-моему, его не кончил».

В письме от 20 ноября 1970 г. В. А. Нащокина-Зызина сообщила мне, что ее отец учился во 2-й Московской гимназии вместе с Н. А. Морозовым, впоследствии узником-шлессельбуржцем, «с которым переписывался после освобождения последнего из тюрьмы».

Временами вдова П. В. Нащокина жестоко бедствовала. 29 марта 1860 г. М. П. Погодин писал князю П. А. Вяземскому: «Я так развлечен был в Петербурге, милостивый государь князь Петр Андреевич, что не успел переговорить о самом нужном.

1. Семейство Нащокина в крайности: сейчас была у меня оттуда старуха, которая сказывала, что вчера купили они на пять коп. картофеля, а хлеба не было. Нельзя ли обратиться к Обществу для пособия неимущим литераторам, по связи его с Пушкиным и прочим отношениям к сочинениям Пушкина?

---

²¹³ К. К. Данзас вышел в отставку в 1856 г. в чине генерал-майора.

²¹⁴ В 1880 г. адрес В. А. Нащокиной был: «Близ Суцевской части, дом Коломенских, меблированные комнаты № 4».

Если Вы находитесь в непосредственной связи с Обществом, то благоволите передать это предложение П. В. Анненкову, как издателю Пушкина. Или напишите бумагу в Общество. Или напишем бумагу в Общество троим: Вы, Анненков и я. Ланская,²¹⁵ казалось бы, должна войти в положение несчастного семейства».²¹⁶

Двадцать лет спустя, в 1880 г., Вера Александровна почти в тех же выражениях, что в письме Погодина Вяземскому, писала московскому губернатору, члену Государственного Совета Федору Петровичу Корнилову (1809—1895): «Позвольте обратиться к Вам как к старому добрейшему другу²¹⁷ моего покойного мужа, Павла Воиновича Нащокина». Упомянув о дружбе Пушкина с Нащокиным, она продолжает: «Во имя их коротких отношений умоляю Вас, не можете ли Вы замолвить Ваше словечко в Комиссии по сооружению памятника Александра Сергеевича Пушкина, в которой Вы председатель, о оказании мне какой-либо помощи из суммы оставшейся. Я нахожусь более чем в бедственном состоянии, поверьте, что другой день не знаю, на что купить хлеба. Утешьте меня для Нового года».²¹⁸

Дало ли какой-нибудь результат это горестное послание, мы не знаем...

Тяжелейшее материальное положение Веры Александровны не улучшилось до конца ее жизни. В архивах хранится немало ее писем к разным лицам с просьбами, порой с мольбами о помощи; нельзя читать их без чувства обиды за эту достойную женщину, память которой дорога всем почитателям Пушкина.

Остается пока невыясненным, почему же Вера Александровна через несколько лет после смерти мужа осталась без всяких средств к существованию. Необходимость рассчитаться с долгами Павла Воиновича — только мое предположение.

---

²¹⁵ Наталья Николаевна, вдова Пушкина, в 1844 г. вышла замуж за П. П. Ланского.

²¹⁶ Письма М. П. Погодина к князю П. А. Вяземскому. — Старина и новизна, кн. IV, 1901, с. 65—66.

²¹⁷ Сохранилось недатированное деловое письмо Нащокина к Ф. П. Корнелову (ГПБ, ф. 379, № 680). Судя по правильному языку и орфографии, оно, вероятно, также составлено при участии Веры Александровны.

²¹⁸ Из бумаг Я. К. Грота (ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 326).

Текста завещания Нащокина мы не знаем, но из «Списка о семействе и состоянии вдовы поручицы Веры Александровны Нащокиной 1855 года» видно, что в этом году за нею «имения состоит неразделенного с наследниками (т. е. с детьми, — Н. Р.) Саратовской губернии Сердобского уезда 300 душ».²¹⁹

На доходы с имения с таким числом крестьян, находившегося к тому же в плодороднейшей части черноземной Саратовской губернии, можно было жить безбедно. Однако в 1860 г. Вера Александровна сердобским имением уже не владела — Н. Н. Белянчиков выяснил, что «в списках помещиков по этому уезду на 1860 год фамилии Нащокиных не значится».²²⁰ Как мы знаем, вдове Павла Воиновича в это время в самом буквальном смысле слова не на что было купить хлеба.

Казалось бы, что в ближайшие годы положение должно было измениться. 28 февраля 1860 г. скончалась сестра П. В. Нащокина Анна Воиновна, и ее имение перешло к племянникам. Н. Н. Белянчиковым был обнаружен семейный список Александра Павловича Нащокина за 1863 г., из которого видно, что он «обще с родным братом», т. е. девятилетним Андреем Павловичем, «владеет населенным имением Старицы в Себежском уезде Витебской губернии, в коем заключается 2799 десятин».²²¹

Таким образом, старшему сыну бедствовавшей Веры Александровны принадлежало в 1863 г. крупное поместье, площадью примерно в 27 кв. верст. Совладельцем его являлся малолетний Андрей Павлович. Каково было состояние этого поместья, мы не знаем, но во всяком случае Александр Павлович Нащокин владел им до конца жизни и, по сообщению его внучки Е. А. Нащокиной, там же скончался в начале 1906 г.

В. А. Нащокина-Зыпина сообщила мне 19 августа 1967 г.: «Имение, которое Павел Воинович оставил двум своим сыновьям, старший сын целиком присвоил себе». К саратовскому имению П. В. Нащокина это сообщение относиться не может. В год его смерти старшему сыну было всего 15 лет, а когда он «пришел в возраст», имение в Сердобском уезде уже не принадлежало Нащокиным.

²¹⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 101.

²²⁰ Там же, с. 104.

²²¹ Там же, с. 103.

Речь, видимо, идет о витебском поместье, завещанном племянникам Анной Воиновой Нащокиной.

В царствование Александра II оттягать у брата причитающуюся ему долю наследства Александр Павлович мог, только выиграв судебный процесс. Какие основания для этого нашлись у бывшего правоведа, мы не знаем. Несомненно одно — Вера Александровна в какой-то момент навсегда прервала отношения со своим первенцем.²²² В тяжелой судьбе матери он никакого участия не принимал. Не помогал он и брату Андрею. 3 февраля 1970 г. Е. А. Нащокина сообщила мне: «Почему дед не общался с братом, мы не знаем, да и никогда не вспоминали его, как будто он и не существовал».²²³

В письмах В. А. Нащокиной-Зызиной часто повторяется ласковое, очень русское слово «бабенька». Так звали близкие Веру Александровну, когда она состарилась. Так потомки зовут ее и сейчас. Не будем, однако, забывать, что в то время, когда вдова Павла Воиновича растила маленького Андрея, она не была еще «бабенькой» — снова и снова приходится повторить: по крайней мере по понятиям нашего века.

Но годы шли, быстро текущие, неумолимые годы...

Гимназист Андрей стал Андреем Павловичем. Служил. Долгое время не мог наладить свою жизнь.

Женился Андрей Павлович сравнительно поздно — в середине 80-х годов. Вере Александровне шел тогда уже восьмой десяток. Предоставим опять слово ее внучке, хранительнице нащокинских семейных преданий: «Еще один пример необыкновенной доброты Веры Александровны. Ведь ее самый младший сын Андрей женился на простой крестьянской девушке, мать ее была кормилицей в семье кн. Гагариных. Девочка (моя мать) осталась сиротой 9 лет, и княжны Гагарины взяли ее к себе в Москву. Но, кроме как читать и писать, ничему не обучили, отдали в бело-

²²² С семьей своего внука, Алексея Александровича Нащокина, как сообщила мне дочь последнего Е. А. Нащокина (письмо от 3 февраля 1970), Вера Александровна была в хороших отношениях. Около 1893 г. она продолжительное время гостила в принадлежавшем матери Е. А. Нащокиной имении «Могильно» (15 верст от Стариц).

²²³ Правнучка Павла Воиновича Е. А. Нащокина впервые узнала об этих грустных страницах семейной хроники из первоначального текста работы «Нащокины», опубликованной в журнале «Простор» (1969, №№ 3, 4, 5).

швейную мастерскую. Мой отец женился на ней, ей было 19 лет. И если бы вы знали, как сердечно приняла ее бабенька, как они любили друг друга, как много рассказывала ей Вера Александровна» (8 июля 1967 г.).

Может быть, старушка Нащокина, целуя любимую невестку, вспоминала и свою мать-крестьянку, писавшую ей трогательными каракулями: «Милая моя родная сокровища. Верочка прекрасная дочка моя...».

Кончался XIX век. Жизнь Веры Александровны уже едва теплилась. Она родилась, как мы знаем, при Александре I, за год или два до Отечественной войны. Пережила четырех царей. Будь у нее побольше сил, могла бы посмотреть в 1896 г. на коронационное шествие в честь пятого. Процессию снимали операторы фирмы Люмьер Перелон и Дубине — это была первая киносъемка в России.

В дни молодости Веры Александровны по шоссе из Москвы в Санкт-Петербург ходили спешные дилижансы. В конце 90-х годов между обеими столицами проносились, сияя электрическими огнями, курьерские поезда. Русские пассажирские вагоны считались лучшими в Европе. Если не сама старушка Нащокина, то ее близкие в случае надобности могли уже вертеть ручки желтых эриксонских телефонов. По сравнению с первой четвертью века жизнь изменилась неузнаваемо.

Всеми почти забытая, Вера Александровна Нащокина зиму и лето жила в селе Всехсвятском под Москвой. Давно умер ее брат, Лев Александрович. Одна за другой умерли и все четыре дочери.

В конце 90-х годов бедность Веры Александровны была постоянной, гнетущей, беспросветной. С ней, правда, жил тогда горячо ее любящий сын Андрей Павлович с женой и четырьмя детьми, но этот способный, разносторонне образованный человек долгое время не мог наладить свою жизнь. Относительный достаток пришел лишь через несколько лет после смерти матери.

Вере Александровне было бы еще тяжелее, не помогай ей младший брат, Федор Александрович Нарский, дослужившийся в 1881 г. до чина генерал-майора, а еще через десять лет — произведенный в генерал-лейтенанты. В. А. Нащокина-Зызина сообщила: «он очень много помогал материально Вере Александровне, почти каждый месяц присылал ей деньги, которые бабенька отдавала моей

матери на хозяйство, прося оставлять для нее небольшую сумму на покупку духов и носовых платочков. Это было ее страстью. Будучи совсем старенькой, она, почти слепая, целыми днями вязала и, отдыхая, перекладывала флакончики и платочки» (21 января 1967 г.).

П. И. Бартнев утверждает, что Вере Александровне помогали посторонние лица. Скажем от себя: хотя и помогали, но недостаточно. Ведь мы знаем, что временами ей не на что было хлеба купить...

По словам издателя «Русского архива», «человек ума необыкновенного и душевной доброты несказанной, Нащокин оставил по себе такую память, что вдова его могла пользоваться ею в течение слишком полувека». ²²⁴

Несколько позже, вероятно, вспомнив о том, что В. А. Нащокина вдовела 46 лет (1854—1900), а не более полувека, он уточняет: П. В. Нащокин «так много делал добра, что вдова его долгие годы могла жить пособиями лиц, им благодетельствованных». ²²⁵

Итак, Вере Александровне во все время ее вдовства якобы постоянно помогали какие-то не названные автором лица. Мы не знаем, насколько это утверждение соответствует истине. В многочисленных заметках Бартнева о Нащокиных есть несомненные ошибки.

Нужда действительно заставляла Веру Александровну, как уже было упомянуто, просить о помощи многих лиц. Как мне сообщила 19 августа 1967 г. ее внучка, в Государственном Историческом архиве Московской области хранятся одно письмо такого содержания и два, в которых она благодарит за поддержку. Некоторые из адресатов отвечали отказом, в том числе поэт А. Н. Плещеев, письмо которого имелось у отца Веры Андреевны.

Пока мне удалось установить лишь один случай более или менее систематической поддержки — со стороны Аркадия Аркадьевича Журавлева, известного коллекционера, сына дочери лицейского товарища Пушкина С. Д. Комовского. Недатированное письмо к нему хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. ²²⁶ Грустно читать эти отчаянные строки, написанные четким красивым почерком Веры Александровны: «Добрейший несравненный Аркадий Аркадьевич! Обращаюсь к вам с настоя-

²²⁴ Русский архив, 1904, кн. III, № 11, с. 433.

²²⁵ Там же, 1908, кн. I, № 4, 3-я стр. обложки.

²²⁶ ИРЛИ, 10098. LXб. 23 (коллекция А. А. Журавлева).

щим моим письмом, в котором выскажу мою не просьбу, а мольбу к вам!». Упомянув о том, что она получала от Журавлева поддержку в течение шести месяцев, Нащокина прибавляет: «... со слезами прошу вас сжалиться надо мной и, хотя немного, продолжите вашу добрую помощь мне ... буду ждать вашего ответа, как своего приговора».²²⁷

Выяснилось также, что В. А. Нащокиной неоднократно оказывал денежную и иную помощь П. А. Вяземский.

В Государственной Публичной библиотеке хранятся две до сих пор не опубликованные записки Вяземского: «К сердечному сожалению моему, не могу на этот раз послать Вам более 30 руб. серебром», которые при сем прилагаю. 1 ноября»; «Я говорил о сыне Вашем генералу Левшину, попечителю Московского учебного округа. Побывайте у него от моего имени и объяснитесь с ним. Он живет...».²²⁸

Архивные работники отнесли эти записки к 40—50-м годам и сочли их адресованными Павлу Воиновичу Нащокину. Однако упомянутый во второй из них генерал Д. С. Левшин был назначен попечителем Московского учебного округа лишь в 1863 г. Таким образом, эти записки несомненно обращены к Вере Александровне.

Кроме того, Е. В. Муза сообщила мне 27 мая 1969 г., что в Московском музее А. С. Пушкина «имеются письма П. А. Вяземского, свидетельствующие о его близости с Павлом Воиновичем и, главное, о его неустанном внимании к Вере Александровне». В 1885 г. В. А. Нащокина обратилась с письмом к графу С. Д. Шереметеву (мужу внучки Вяземского) с просьбой о помощи. Описав свою нищету и бедственное положение, вдова Нащокина упомянула о том, что после смерти Павла Воиновича она жила «помощью его друзей, но со смертью кн. Петра Андреевича Вяземского ... лишилась последнего из них».

Таким образом, сообщения П. И. Бартенева неверны только в том отношении, что Вере Александровне помо-

---

²²⁷ Вероятно, к помощи, которую оказывал В. А. Нащокиной А. А. Журавлев, относится следующее указание в редакционной заметке журнала «Семья» (1899, № 14, с. 7): «Теперь больная, 86-летняя В. А. Нащокина — вот уже три года — ютится на окраине с. Всехсвятского ... существуя на ежемесячное пособие в 25 р. от неизвестного благотворителя».

²²⁸ ГПБ, ф. 167 (архив П. А. Вяземского), № 29.

гали, видимо, не «благодетельствованные» П. В. Нащокиным лица, а в основном друзья Пушкина.

Вере Александровне приходилось постепенно продавать коллекционерам оставшиеся у нее письма и бумаги Павла Воиновича. Ряд очень ценных автографов приобрел у нее Л. И. Поливанов.²²⁹ Им, между прочим, были куплены следующие материалы: большое письмо Павла Воиновича к Пушкину, отправленное из Тулы около 22 апреля 1834 г.; письмо кн. В. Ф. Одоевского к Н. Н. Пушкиной, из которого видно, что Пушкин, уезжая в 1836 г. в Москву, поручил, по существу, жене обязанности секретаря редакции «Современника»; записка Гоголя к Нащокину; письма к нему вдовы поэта и пр.

Можно только порадоваться тому, что эти ценнейшие материалы, умело выбранные Верой Александровной из бумаг покойного мужа, попали в надежные руки и сохранились для потомства.

Очень неясен вопрос о том, почему крайне нуждавшаяся Вера Александровна не получила вознаграждения за принадлежавшие ей письма Пушкина к ее мужу. Эти драгоценные для науки листки постепенно становились и крупной материальной ценностью. С разрешения Нащокиной Бартенев опубликовал письма полностью в сборнике «Девятнадцатый век»²³⁰ и, вероятно, уплатил Вере Александровне небольшой гонорар. Права собственности на них, как мы увидим, Нащокина, а впоследствии и ее потомки никому, однако, не уступали. Между тем пушкинские письма, как известно, оказались в Остафьевском архиве князей Вяземских, принадлежавшем графу С. Д. Шереметеву. Поступили они туда, конечно, не бесплатно, но от кого, мы не знаем.

Приближался пушкинский юбилей — столетие со дня рождения поэта. О Вере Александровне все же иногда вспоминали в 80-е и в 90-е годы. В газетах изредка появлялись короткие хроникерские заметки. Перед юбилеем о последней остававшейся в живых современнице Пуш-

---

²²⁹ Поливанов Ив. Автографы из собрания Л. И. Поливанова. — Искусство, 1923, № 1, с. 315—316 и сл.

²³⁰ Девятнадцатый век, кн. I. М., 1872, с. 383—402.

кина,²³¹ по-видимому, вспомнили многие. В село Всехсвятское несколько раз приезжали журналисты.

В 1898 г. Нащокину посетил (вероятно, несколько раз) сотрудник «Нового времени» И. Родионов, опубликовавший свои записи в иллюстрированных приложениях к этой весьма распространенной реакционной газете.²³²

В следующем году, перед самым юбилеем, у Нащокиной побывал сотрудник той же газеты Н. Ежов,²³³ в своей статье указавший точный адрес Веры Александровны («Москва, за Тверской заставой, село Всехсвятское, дом Полякова»).

Тогда же ее навестил (по-видимому, в сопровождении Ежова) московский корреспондент петербургской газеты «Россия», довольно известный писатель В. А. Гиляровский. Его рассказ о посещении вдовы Павла Воиновича был напечатан в этом издании в юбилейный день 26 мая 1899 г. Впоследствии автор сообщил также, что, помимо корреспонденции в «Россию», он послал сообщение о Нащокиной в Пушкинскую комиссию Академии наук.²³⁴

Этим литераторам мы обязаны довольно подробными записями поздних рассказов В. А. Нащокиной о Пушкине и описанием обстановки, в которой она жила в последние свои годы. Наиболее содержательны четыре корреспонденции И. Родионова, но облик Веры Александровны в глубокой старости и характерные бытовые подробности ее жизни удачнее всего запечатлел Н. Ежов.

Приведу поэтому несколько отрывков из его сейчас малодоступной статьи.

«Дом-дача выходит окнами к забору; в теплые дни выходит на крылечко маленькая, худощавая старушка и,

---

²³¹ В действительности дольше всех современниц Пушкина прожили Аврора Карловна Карамзина, рожденная Шернваль (ум. 30 апреля 1902) и Вера Ивановна Анненкова (ум. 9 мая 1902).

²³² Воспоминания о Пушкине и Гоголе. (Рассказы В. А. Нащокиной, записаны И. Р.). — Иллюстрированные приложения к «Новому времени», 1898, №№ 8115, 8122, 8125, 8129. Рассказы Нащокиной неоднократно перепечатывались в виде отдельной статьи. Я цитирую их по книге: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 197—208.

²³³ Ежов Н. У современницы Пушкина. — Новое время, 1899, № 8343, 21 мая; перепечатано в кн.: Цявловский М. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1934, с. 312—325.

²³⁴ Гиляровский Вл. Собр. соч., т. III. М., 1967, с. 236—237.

греясь на солнце, смотрит на свой узенький переулок. . . Это Вера Александровна Нащокина, жена друга Пушкина и сама друг великого поэта. . .».

«Ввиду того что на этих днях должно состояться всероссийское торжество — юбилей Пушкина, я счел не лишним побывать у В. А. Нащокиной. Я еще раньше слышал, что В. А. живет одиноко, бедно; но то, что я увидел, превосходило мои ожидания. Бывшая аристократка, красавица, в доме которой перебывало множество знаменитых „людей сороковых годов“, та женщина, с которой Пушкин находил интерес разговаривать по целым часам и которую Гоголь считал своим добрым ангелом, доканчивает свои дни в убогой даче, где по случаю крайней бедности В. А. приходится жить и зимой. Вся эта дача имеет две комнаты, кухню и террасу; одну комнату занимает В. А. со своей компаньонкой, а другую сдает какому-то много-семейному бедняку».

Статья Н. Ежова была опубликована почти восемьдесят лет тому назад, но только сейчас, благодаря сообщению Веры Андреевны Нащокиной-Зызиной (19 августа 1967 г.), можно внести в нее существенную поправку: «В воспоминаниях Ежова есть неточности: при такой бедности у бабеньки компаньонки быть не могло, это, по-видимому, была моя мать, а бедняк с семьей в соседней комнате был мой отец с детьми».

Таким образом, старушка Нащокина доживала свои последние годы хотя и в большой нужде, но вовсе не в одиночестве — с ней были любящие сын и невестка. Должно быть, радовали ее и внучата — старшей, Валентине, в юбилейном 1899 году было уже 13 лет, Екатерине — 10, Льву — 7, Владимиру — 4, а самая младшая, Наталья, появилась на свет только в предыдущем году.

«Обстановка жилища В. А. более чем скромная, — сообщает Н. Ежов, — ветхие стулья, простой стол, железная, с длинной трубой печка, которую всю зиму непрерывно топят коксом (иначе в комнате образуется стужа), большое старое кресло; на этом кресле все время сидит В. А. (ходит она мало, ноги ее болят и не мудрено — простудиться в таком жилье возможно в любой холодный день). Никаких самых обычных признаков недостатка вы не найдете. На комодѣ стоит зеркальце в кисейных бантиках, — единственный след кокетливой женщины».

«В. А. Нащокина — маленькая, очень худощавая старушка, хотя на ее прекрасном лице нет тяжелых морщин; преклонные годы положили на него отпечаток, но сразу видно, что эта женщина была замечательной красавицей; ее светлые глаза светлы и теперь, профиль изящен, улыбка крайне симпатичная, голос слаб, дрожит, но приятен. Когда В. А. говорит, ее лицо слегка дрожит. Во всей ее старческой и тщедушной фигуре, в каждом жесте что-то необыкновенно милое и врожденно благородное. Когда она узнала, что цель нашего визита — поговорить о Пушкине, она вздрогнула, как птица, лицо задрожало и затряслись ее бледные, высохшие, как тонкие палочки, руки...

— Ах, вы представить себе не можете, как я и мой муж любили Пушкина. Это был наш друг в полном смысле этого слова... Я могу рассказать вам много, много...».

Вера Александровна повторила Н. Ежову примерно то же самое, что она рассказала менее года тому назад И. Родионову. Рассмотрим поэтому несколько подробнее это наиболее известное ее повествование о Пушкине, но попутно будем возвращаться и к статье Ежова.

Начало рассказа В. А. Нащокиной в записи И. Родионова, вероятно, вызовет недоумение у читателей этой книги. «Познакомилась я с Пушкиным в Москве, в доме отца моего, А. Нарского. Это было в 1834 году, когда я была объявлена невестой Павла Воиновича Нащокина, впоследствии моего мужа. Привез его к нам в дом мой жених».

Как же так? Значит, все наше повествование неверно! Ведь Вера Александровна сказала ясно — она дочь А. Нарского и впервые встретила с Пушкиным в 1834 г.

Вопрос о времени первой встречи с поэтом, как мы увидим, решается легко, но сначала нам придется остановиться подробнее на загадочных словах Нащокиной о своем отце.

В том, что Вера Александровна действительно сказала то, что записал И. Родионов, до сих пор, по-видимому, никто не сомневался. Совсем еще недавно Н. Н. Белянчиков привел версию, согласно которой отец Веры Александровны — священник Петровской церкви на Кудринской улице, похороненный рядом с могилой П. В. Нащокина. Сам автор, как я уже упоминал, был, однако, уверен в том, что отец Нащокиной — «какой-то богатый домовладелец

Александр Нарский». ²³⁵ Кто был этот домовладелец, остается неизвестным. ²³⁶ О месте его захоронения Белянчиков не упоминает.

Среди потомков Павла Воиновича бытовало предание о том, что отец Веры Александровны, Александр Петрович Нащокин, также был похоронен на Ваганьковском кладбище. В. А. Нащокина-Зызина мне сообщила: «Когда была жива и здорова моя сестра Валентина Андреевна Стрельникова, ²³⁷ мы часто ходили на кладбище, и вот тут она многое рассказывала . . . И вот как-то она мне рассказала, что отец бабеньки был Александр Петрович Нащокин и что он похоронен на этом же самом месте, где стоит наша ограда, что раньше на этом месте был склеп» (22 апреля 1968 г.). ²³⁸

Следовательно, вопрос этот можно считать окончательно решенным.

Как же быть, однако, со словами Веры Александровны, будто бы сказанными ею сотруднику «Нового времени»: «. . . в доме отца моего, А. Нарского?»

Работая над книгой о Нащокиных, я склонен был считать, что они вообще не были сказаны. Фамилии своего отца вдова Павла Воиновича не назвала. Ее добавил от себя И. Родионов. Можно было предполагать, что он добросовестно заблуждался. Быть может, знал даже, что его собеседница — сестра заслуженного кавказского генерала Федора Александровича Нарского.

---

²³⁵ Белянчиков Н. Литературная загадка. — Вопросы литературы, 1965, № 2, с. 256. В настоящее время Н. Н. Белянчиков, как показывает его неоднократно уже цитированная рукопись (ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 85), не сомневается в том, что отец Веры Александровны — А. П. Нащокин.

²³⁶ Ю. Б. Шмаров (Москва) сообщил мне о существовании московской купеческой фамилии Нарских, которые писались «Нарской», а не «Нарский». В «Московском некрополе» перечислены могилы многих лиц, носивших эту фамилию. По-видимому, смешение сходных транскрипций и повело к генеалогической путанице.

²³⁷ В. А. Стрельникова (1886—1959) в молодости работала в редакции журнала «Русская мысль». Была близка к семье редактора этого органа В. А. Гольцева.

²³⁸ В отношении места погребения Александра Петровича это семейное предание несомненно ошибочно. Как мы знаем, до сравнительно недавнего времени его могила была цела; она находилась в семейном склепе Нащокиных старшей линии в с. Рай-Семеновском.

Рукописи своей статьи Родионов несомненно Вере Александровне не прочел. По всей вероятности, не хотел лишней раз ее утомлять. Она ознакомилась с записями своих рассказов уже по тексту «Нового времени» — кто-то из близких прочел их Вере Александровне.

Через несколько месяцев Н. Ежов спросил ее, довольна ли она статьей Родионова.

«— И да, и нет, — ответила В. А. — Видите ли, тот мой знакомый, который записал и напечатал мои рассказы о Пушкине и Гоголе, не совсем точно исполнил мое намерение...». Вера Александровна упрекнула Родионова: «... моя особа представлена как бы на первый план, а великий Пушкин и Гоголь — как бы на втором». Она считала также, что «о Нащокине совсем забыли, отодвинули его на задний план». Упомянула и о нескольких ошибках, замеченных ею в «Воспоминаниях». Сказала между прочим, что поэта похоронили не в «нащокинском» фраке, как полагал Родионов.²³⁹

Думается, что Вера Александровна не могла не заметить ошибки, для нее гораздо более существенной, чем нащокинский фрак, — неверно названной фамилии ее отца. Заметила, но промолчала. Для незаконной, по тогдашней терминологии, дочери тайного советника Нащокина и в 1899 г. вопрос о ее происхождении оставался по-прежнему деликатным...

Казалось, что объяснение найдено. Священник Нарский представлялся мне личностью, созданной благодаря ошибке журналиста, неким подобием поручика Киче в одноименной повести Ю. Н. Тынянова.

Предположение оказалось ошибочным. Священник Нарский (Нарской?) — быть может, именно иерей Петровской церкви на Кудринской улице, — не был, конечно, фактическим отцом В. А. Нарской, но он существовал.

Ознакомившись со статьей Н. Белянчикова, В. А. Нащокина-Зызина организовала поиски его могилы: «... мы все были на кладбище, и если бы вы знали, как мы все кругом облазили, чтобы удостовериться, есть ли поблизости от нашей ограды могила священника А. Нарского. Таковой не оказалось» (22 апреля 1968 г.).

²³⁹ Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 315—316.

Могилы загадочного священника не найдена. Возможно, что сейчас она не существует, но это не значит, конечно, что ее вообще не было.²⁴⁰

У моей неутомимой корреспондентки были основания предпринять эти кладбищенские поиски. Оказалось, что в семье Нащокиных ранее имелись какие-то, забытые теперь сведения об интересующем нас священнике. «... все-таки, как я смутно припоминаю, какая-то связь с именем священника А. Нарского была, мне сестра тогда объясняла, но это было так давно, что я совершенно забыла», — сообщила мне В. А. Нащокина-Зызина.

Быть может, дальнейшие находки архивных материалов позволят выяснить, какое же отношение этот священник имел к Вере Александровне и ее братьям.

Мне представляется вероятным, что при крещении всех троих внебрачных детей Александра Петровича их крестным отцом, по каким-то соображениям, неизменно записывали священника Александра Нарского (правила православной церкви, как мне было разъяснено сведущими лицами, это допускали и допускают). Возможно, что А. П. Нащокин хотел, чтобы его незаконным детям на законном основании присваивалось отчество «Александровичей».

В этом случае престарелая Вера Александровна не очень уклонилась от истины, назвав Нарского «отцом».

Фамилии крестного отца внебрачные дети, однако, не получали. Дочь и двое сыновей Нащокина могли стать Нарскими — повторим еще раз — лишь на основании соответствующего юридического акта.

Напрашивается мысль о том, не были ли они в каком-то году — вероятно, все трое одновременно — усыновлены священником, носившим эту фамилию. Для Александра Петровича Нащокина, несмотря на его высокий чин и придворное звание, вероятно, было все же легче подыскать для внебрачных детей подходящего приемного отца, чем, скажем, «испросить высочайшее повеление» о присвоении им фамилии по названию реки Нары.

Что за человек был священник Нарский, мы не знаем — возможно, хороший, добрый человек. С другой

²⁴⁰ Навести в настоящее время соответствующую справку невозможно. На Ваганьковском кладбище, как и всюду, имелись книги захоронений, но во время Великой Отечественной войны они были сожжены.

стороны, для недостаточно обеспеченного приходского священника оказать столь существенную услугу богатому барину могло быть и выгодно. Расходов на детей он, конечно, не нес никаких, а доходы, вероятно, имел. Кроме того, отцом он, надо думать, лишь числился на все выносящей казенной бумаге. Вряд ли, например, Павел Войнович в самом деле возил Пушкина знакомиться с невестой в дом священника Нарского, а не Александра Петровича Нащокина. Не велик был грех для старушки, Веры Александровны, через шестьдесят с лишним лет рассказать журналисту не совсем то, что было.

Само собой разумеется, что все это лишь моя рабочая гипотеза. Чтобы ее проверить, нужны документы, а их пока нет.

Однако в том, что Нащокин возил Пушкина знакомиться с невестой к ее фактическому отцу, сейчас вряд ли можно сомневаться. Н. Н. Белянчиков установил на основании материалов Архива планового управления Москвы (АПУ), что в 1826 г. Александру Петровичу Нащокину принадлежало домовладение (современный дом № 2/7) на углу Мерзляковского и Скатертного переулков, состоявшее из двух деревянных двухэтажных и одного одноэтажного также деревянного дома.²⁴¹

На «плане дому», составленном 30 марта 1832 г., имеется подпись: «Изъмерение утврждаю московская мещанка Дарья Нестерова дочь Нагаева».

Таким образом, Н. Н. Белянчикову, как говорилось выше, первому удалось установить до того неизвестные имя и отчество матери Веры Александровны. По-видимому, А. П. Нащокин, желая обеспечить свою фактическую жену, заранее передал ей один из домов (или все домовладение?). В 1836 г. дом принадлежал другому лицу. Н. Н. Белянчиков, вероятно, прав, предполагая, что к этому времени Дарья Нестерова уже умерла.

Упоминание Веры Александровны о том, что она впервые встретила Пушкина в 1834 г., как я уже сказал, сложных пояснений не требует. В этом, как и в ряде других случаев, рассказчице изменила память; нельзя забывать, что в год беседы с Родионовым ей было около 88 лет.

²⁴¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 85.

В 1834 г., как известно, поэт вовсе не виделся с Нащокиным. Встреча, о которой идет речь, произошла несомненно на год раньше. В 1833 г. Пушкин дважды прожил по нескольку дней в Москве. 25 августа он приехал туда по пути в Оренбург. Поэт пробыл в Москве четверо суток, жил в доме Гончаровых. Судя по письмам к жене (27 августа и 2 сентября), Пушкин тогда несколько раз виделся с Нащокиным, проводил у него время весьма весело, но сердечными делами друга, по-видимому, не занимался. Павел Воинович свозил его к будущему своему тестю и представил Вере Александровне, очевидно, в середине ноября, когда Пушкин, возвращаясь из Болдина в Петербург, прогостил у Нащокина несколько дней (точные даты неизвестны).

Согласно записи Родионова, Вера Александровна сказала ему: «Во второй раз я имела счастье принимать Александра Сергеевича у себя дома, будучи уже женой Нащокина. Мы с мужем квартировали тогда в Пименовском переулке, в доме Ивановой». Это совершенно верно — вторая встреча произошла «у Старого Пимена» в мае 1836 г., но далее Вера Александровна говорит: «<Пушкин> остановился тогда у нас и впоследствии во время приездов в Москву до самой своей смерти останавливался у нас. Для него была даже особая комната в верхнем этаже, рядом с кабинетом мужа. Она так и называлась „Пушкинской“».

Память снова изменила старушке. Эта вторая встреча была и последней. Больше Вера Александровна Пушкина не видела...

Следует, однако, сказать, что в общем память у Веры Александровны, несмотря на глубокую старость, была еще сравнительно неплохой. О суеверии поэта, например, она говорила в 1898 г. почти то же самое, что и в 1851 г. Точно так же, почти без изменений, она сообщила целый ряд бытовых подробностей, касающихся Пушкина. Продиктовала даже ту самую понравившуюся поэту песенку шута Загряжского (Загряцкого), которая была уже записана с ее слов П. И. Бартевым почти полвека тому назад.

Эти сведения о Пушкине, переданные вдовой Павла Воиновича через шестьдесят лет после смерти поэта, следует считать вполне надежными. Повторю снова, что в ее добросовестности сомневаться невозможно. Тем не менее

вряд ли было так, как сказала Вера Александровна И. Родионову: «... часто между моим мужем и Пушкиным совершенно серьезно происходил „разговор о том, чтобы по смерти их похоронили на одном кладбище“». На мой взгляд, в данном случае следует верить ее рассказу 1851 г., записанному тогда же П. И. Бартевым. Напомню еще раз, что Пушкин, приехав к Нащокиным ночью и не застав дома Павла Воиновича (это было 2 мая 1836 г.), принялся рассказывать его жене о том, как в Святогорском монастыре рыли могилу для недавно умершей Надежды Осиповны. Упомянул при этом, что, умри Нащокин, и его было бы хорошо там похоронить, — земля, мол, прекрасная, червей нет... Молодая женщина, видимо, расплакалась — Пушкину пришлось ей подавать воду.

Раз поддавшись грустному настроению, вызванному смертью матери, и допустив неловкость, поэт, наверное, не стал бы ее повторять и вести при молодой жене друга похоронные разговоры.

При желании в рассказах Нащокиной можно найти еще немало других неточностей и мелких ошибок. На одной из них нам еще придется остановиться, но занимать внимание читателя регистрацией ошибок памяти Веры Александровны я считаю совершенно ненужным. Ясно, что сообщаемые ею факты в каждом отдельном случае необходимо тщательно проверять.

Но непреходящее значение рассказов этой современницы поэта заключается не только в их фактической стороне. Из многочисленных людей, знавших Пушкина годами и десятилетиями, мало кто так сохранил и сумел передать потомству его живой человеческий образ, как эта женщина, выдавшая поэта воочию не более одного месяца.

Ее рассказы, записанные И. Родионовым, много раз перепечатывались и часто цитируются, но все же я не могу не привести из них несколько отрывков:

«Конечно, я раньше слышала о Пушкине, любила его дивные творения, знала, что он дружен с моим женихом, и заранее волновалась и радовалась предстоящему знакомству с ним.

И вот приехал Пушкин с Павлом Воиновичем. Волнение мое достигло высшего предела... Несколько минут разговора с ним было достаточно, чтобы робость и волне-

ние мое исчезли. Я видела перед собой не великого поэта Пушкина, с которым говорила тогда вся мыслящая Россия; а простого, милого, доброго знакомого.

Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передавал и сотой доли духовной красоты его облика — особенно его удивительных глаз.

Это были особые, поэтические, задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видела.

Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти.

В первое посещение Пушкин довольно долго просидел у нас и почти все время говорил со мной одной. Когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

— Ну, что? позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю! — ответил Пушкин».

«Да, такого друга, как Пушкин, у нас никогда не было, да таких людей и нет! Для нас с мужем приезд поэта был величайшим праздником и торжеством. В нашей семье он положительно был родной. Я как сейчас помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, по обеим сторонам муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: „Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье!“».²⁴²

В «Воспоминаниях» содержится взволнованный и горестный рассказ о том, как Нащокины узнали о дуэли и смерти поэта, как тяжело заболел Павел Воинович, потерявший любимого друга.

К сожалению, статья Н. Ежова, как было уже отмечено, сейчас малодоступна, а между тем и в ней есть

²⁴² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 197—199.

интересные места. Некоторые из них я привел выше. Пропитирую еще одно — в нем, как я думаю, слышится подлинный голос современницы поэта: «— Ах, Пушкин, Пушкин! — твердила В. А., волнуясь. — Какой это был весельчак, добряк и острослов! Он говорил тенором, очень быстро, каламбурил, и по-русски, и по-французски; он мужа любил больше, чем кого-либо ... Меня он любил как брат и друг, шутил со мной, читал мне свои новые стихотворения, целовал мои руки, а в особенности играл со мной в карты... Как он звонко хохотал! Я сейчас слышу его смех...»²⁴³

Вероятно, Вера Александровна говорила именно так или почти так — просто и задумчиво, без сравнения зубов Пушкина с «перлами», без «бездны дум и опущений» в его глазах и других литературных украшений, приписанных ей И. Родионовым.

Записи обоих сотрудников «Нового времени» все же в общем производят впечатление добросовестно изложенных бесед, из которых читатели и исследователи узнали немало интересного. Я никак не могу согласиться с мнением известного литературоведа своего времени М. Гершензона, который достаточно пренебрежительно отозвался о содержании корреспонденций И. Родионова: «...еще в 1898 году кем-то²⁴⁴ напечатаны с ее слов довольно бесодержательные воспоминания о Пушкине и Гоголе».²⁴⁵

О произведениях поэта В. А. Нащокина действительно почти не говорила (за исключением упоминания о чтении Пушкиным черновика «Русалки» в последний его московский вечер), но это, видимо, и не входило в ее намерения. Вера Александровна рассказывала журналистам о Пушкине-человеке, близком друге супругов Нащокиных.

Ни разу, насколько мне известно, не переизданная и совершенно забытая корреспонденция В. А. Гиляровского²⁴⁶ в части, непосредственно относящейся к Пушкину, не содержит сведений, которых не было бы у Родионова и Ежова. Она тем не менее интересна, поскольку касается самой Веры Александровны.

---

²⁴³ Цявловский М. Книга воспоминаний о Пушкине, с. 316.

²⁴⁴ Корреспонденции были подписаны инициалами.

²⁴⁵ Гершензон М. Образы прошлого, с. 52.

²⁴⁶ Россия, 1899, № 29, 26 мая, с. 3. Корреспонденция не имеет заглавия; помещена в рубрике «Чествование памяти А. С. Пушкина».

Автор, видимо, лучше осведомлен об обстоятельствах жизни В. А. Нащокиной в «пыльном и пьяном» селе Всехсвятском, чем Ежов и Родионов. Встретившую посетителей просто одетую женщину он не называет, например, компаньонкой Веры Александровны.

Гиляровский отмечает, между прочим, светские манеры старушки Нащокиной: «Моего товарища она встретила как знакомого, красивым жестом женщины общества. Она предложила мне сесть и сразу сама заговорила о Пушкине.

— Я получила письмо от одного важного лица в Петербурге, пишет, что государь узнал обо мне... О, Пушкин, Пушкин! Все благодаря ему: он до сих пор мне доказывает свою любовь!

И много, много она рассказывала о Пушкине».

Содержания рассказов Нащокиной Гиляровский почти не касается. По-видимому, считает, что повторение уже известного для читателей не было бы интересно.

Существенна в корреспонденции отмеченная автором жалоба Веры Александровны на П. И. Бартенева, роль которого в судьбе писем Пушкина к Павлу Воиновичу действительно непонятна и сейчас:

«Вдруг лицо ее омрачилось.

— Письма его у меня пропали. 20 писем было и все пропали. Редактор „Русского архива“, г. Бартенов, взял у меня их и напечатал, а оригиналы не возвратил. Уж я посылала-посылала к нему — так и не возвратил».²⁴⁷

По поводу слов Веры Александровны относительно письма некоего важного лица, видимо вхожего к царю, позволю себе сделать небольшое отступление.

Не идет ли здесь речь о тогдашнем президенте Академии наук вел. кн. Константине Константиновиче («поэте К. Р.»)? Высокопоставленных знакомых в разное время у Нащокиных было много. В собрании П. И. Бартенева сохранилась любопытная записка: «В 1849 г. апреля 16-го Вера Александровна имела честь представляться Ее Импе-

---

кна». В собрании сочинений Гиляровского (т. III. М., 1967, с. 236) ее содержание изложено лишь в нескольких строках.

²⁴⁷ По словам В. А. Нащокиной-Зызиной, так же неудачны были неоднократные попытки ее отца получить обратно пушкинские письма. Надо сказать, что деловые отношения между Бартевым и Нащокиными нам неизвестны. Во всяком случае, на высказанный в печати упрек Веры Александровны П. И. Бартенов почему-то не счел нужным ответить.

раторскому Высочеству Ольге Николаевне, в Оружейной палате».²⁴⁸

Двадцатипятилетняя дочь Николая I в это время была уже замужем за Вюртенбургским кронпринцем Карлом, впоследствии королем и, очевидно, приехала на родину для свидания с родителями. Будучи ученицей Жуковского и Плетнева, Ольга Николаевна заучивала наизусть стихи Пушкина — отрывки из «Полтавы», «Бахчисарайского фонтана» и «Бориса Годунова», «глотала его последнее произведение „Капитанская дочка“, которое печаталось в „Современнике“».²⁴⁹ В 1849 г. она, вероятно, расспрашивала Веру Александровну о поэте, но, по всему судя, никакого участия в судьбе бедствовавших тогда Нащокиных не приняла.

Можно было ожидать, что спустя полвека «К. Р.» отнесется иначе к судьбе той, которую считали последней современницей Пушкина, но ничто, надо сказать, не указывает на какое-либо вмешательство тогдашнего президента Академии наук в жизнь Веры Александровны.

В. А. Нащокина-Зызина считает, что «важным лицом» скорее мог быть военный министр генерал П. С. Ванновский.²⁵⁰ И она, и ее ленинградская родственница Е. А. Нащокина, независимо одна от другой, сообщили мне об очень близком знакомстве семей Нащокиных и Ванновских. Между ними, по-видимому, существовало также родство. Александр Павлович Нащокин оказал некогда будущему военному министру какую-то очень важную услугу, которую держал в секрете даже от своих сыновей.

Все это делает довольно вероятным обращение Ванновского к Николаю II, но если оно и имело место, то, судя по всему, осталось безрезультатным.

Прежде чем говорить об участии Веры Александровны в пушкинских торжествах 1899 г., приведу еще новый, к сожалению очень краткий, рассказ о ней и ее воспоминаниях о поэте.

²⁴⁸ ИРЛИ, ф. 18, № 45. Почерк мне неизвестный, во всяком случае не В. А. Нащокиной.

²⁴⁹ Сон юности. Записки дочери императора Николая I. Париж, 1963, с. 66.

²⁵⁰ П. С. Ванновский (1822—1904) занимал пост военного министра с 1881 по 1898 г. Позже, в 1901—1902 гг., он был министром народного просвещения.

Совсем недавно (23 октября 1970 г.) краевед и писатель Ю. М. Курочкин (Свердловск) сообщил мне, что, будучи в Москве, он обнаружил в дневнике артиста и литератора Дмитрия Викторовича Гарина-Виндинга (1869—1917) его запись о посещении в 1894 г. Веры Александровны Нащокиной.²⁵¹ По моей просьбе неизменно отзывчивая В. А. Нащокина-Зызина сняла и прислала мне копию этого документа.

Д. В. Гарин-Виндинг побывал у Веры Александровны в селе Всежесвятском 18 ноября 1894 г. по поручению А. А. Веселовской, сотрудницы газеты «Русские ведомости», в связи с просьбами Нащокиной о помощи. В дневнике он записал: «Был у Веры Александровны Нащокиной. „Печальной ветхости картина“ — передо мной предстала Наина, но только с симпатичным лицом. Беседа с нею на меня произвела приятное впечатление. Нищета, ужасная обстановка кричит о голоде и холоде, но нет ноющей ноты, нет угнетенного вида, видно — что где-то, может быть под ногтями, осталось немного барства и достоинство человека. Очень мило излагает мысли, живым словом. Так что письма эти она сама пишет (письмо к Веселовской). С большим воодушевлением говорила о Пушкине. Память старухе не изменяет, и она верно называет имена и фамилии, даже дома.²⁵² Много говорила о суеверности Пушкина. „Александр Сергеевич был очень оживленного характера, любил очень болтать и смеяться и так смеялся заразительно, до упаду! и других увлекал за собой!.. Замечательные глаза, глаза, все говорившие и постоянно менявшие свое выражение, поэтому он мне ни на одном портрете не нравился, все это деланные выражения“. Нащокин был товарищ Пушкина по лицу. В доме Нащокина бывала вся красота русской литературы. У них в доме же Пушкин написал первые строчки «к» воспоминаниям М. С. Щепкина. У ней было много писем, записок от Пушкина, Гоголя... но она отдала Бартеневу и все это кануло... в лету. Не отдает: самый легкий, но и рискованный способ составлять коллекции».

Найденная Ю. М. Курочкиным запись показывает, что в основном В. А. Нащокина в разные годы рассказывала литераторам одно и то же о внешности и душевных

²⁵¹ ГИМ, ф. 79 (Д. В. Гарина-Виндинга), № 20, кн. 8, с. 259—261.

²⁵² В. А. Нащокиной в это время было 83—84 года.

свойства Пушкина, лишь изредка добавляя новые подробности. На этот раз мы узнаем, что в подаренную Пушкиным М. С. Щелкину тетрадь для будущих записок актера поэт вписал начальные строки в доме Нащокина.²⁵³

В изображении Д. В. Гарина-Виндинга образ старушки Нащокиной, «Наины с симпатичным лицом», передан очень живо и с несомненным сочувствием к собеседнице. Мы видим Веру Александровну еще не очень дряхлой, хорошо помнящей прошлое, относительно бодрой, несмотря на все лишения, которые ей приходилось переносить.

За несколько дней до юбилея 1899 г. в село Всехсвятское к В. А. Нащокиной приехали московские журналисты. В заключение беседы присутствовавший при ней Ежов обрадовал Веру Александровну сообщением о том, «что 26 мая за ней приедут из университета и повезут ее на заседание».

На следующий день после юбилейного собрания «Россия» поместила следующую телеграмму из Москвы:²⁵⁴ «Торжественное заседание Московского университета и Общества любителей российской словесности происходило в актовом зале, где среди тропических растений красовался большой слепок с московского памятника поэту. Заседание происходило в присутствии великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны. Ее высочеству у входа в зал ректор университета Д. П. Зернов поднес роскошный букет. На заседании присутствовали дочь чествуемого поэта М. А. Гартунг, внуки и правнуки поэта и В. А. Нащокина, близко знавшая Пушкина».

Днем позже та же газета сообщила о том, что ректор обратился «с благодарственной речью к почетной гостье Вере Александровне Нащокиной, единственной современнице А. С. Пушкина, который был близким другом ее мужа и ее самой. Доброе лицо старухи озарилось радостью, и она заплакала».²⁵⁵

Должно быть, в эту минуту вся зала смотрела на нее: красивая пожилая дама — дочь поэта, генералы в парадной форме, савонники и старые профессора во фраках

²⁵³ 17 мая 1836 г. во время своего последнего приезда в Москву, когда он гостил у Нащокиных.

²⁵⁴ Россия, 1899, № 30, 27 мая.

²⁵⁵ Там же, № 31, 28 мая.

с лентами и звездами, иностранные делегаты, студенты — кто в мундире со шпагой и треуголкой в руке, кто в форменном скюртуке, а большинство в серых и черных ту-журках.

Больные глаза старушки Нащокиной ничего этого не различали. Но белый монумент, окруженный пальмами и ярко освещенный электричеством, был от нее в немногих шагах. Вера Александровна смотрела на статую поэта, которого в этот день официальная Россия «от финских хладных скал до пламенной Колхиды» торжественно вводила в казенный пантеон, и вспоминала дорогого ей Александра Сергеевича, умевшего так заразительно хохотать. . .

Вернулась она во Всехсвятское, вероятно, уставшая до крайности — заседание продолжалось два с половиной часа.

В следующие дни многие, сначала московские и петербургские, а затем и провинциальные газеты, имевшие собственных корреспондентов в столице, упомянули в своих отчетах о присутствии на юбилейном заседании последней современницы Пушкина.

Ее тоже ввели в пантеон воспоминаний о поэте, где она пребывает и сейчас.

*
* * *

Я попытался узнать, нет ли в архиве внучки писем ее бабушки. Их не оказалось. В. А. Нащокина-Зызина прислала мне лишь копию письма, хранящегося в Государственном Историческом музее:²⁵⁶

«В Комитет по устройству Пушкинской выставки.

Ввиду тех волнений, которые я пережила в первый день Пушкинских торжеств,²⁵⁷ а равно и во время, предшествовавшее этому дню, я совершенно упустила из вида предложить Комитету по устройству этих Торжеств сохранившийся у меня старинный круглый из карельской березы стол. Этот стол существует чуть не более 100 лет. Он перешел ко мне в числе других вещей моего приданого.

²⁵⁶ ГИМ, фонд А. И. Станкевича, № 351.

²⁵⁷ На торжества, так взволновавшие (иначе, конечно, и быть не могло) Веру Александровну, ее сопровождала любимая невестка, жена Андрея Павловича.

За этим именно столом и происходила наша беседа с Александром Сергеевичем Пушкиным во время его остановок у нас в квартире в доме Ивановой у церкви св. Старого Пимена.

Этот стол особенно дорог для меня, как единственное оставшееся у меня вещественное воспоминание о незабвенном Александре Сергеевиче.

Если Комитет пожелает, то может за ним прислать по адресу: За Тверской Заставой, село Всехсвятское, против убожища, дом Поляковой.

Прошу принять уважение и проч. Вера Нащокина. 4 июня 1899».

В. А. Нащокина-Зызина сомневается, однако, чтобы это письмо было собственноручным. Почерк «очень уж уверенный, с сильным нажимом и росчерками». У моей корреспондентки есть фотография, где, как она пишет в письме от 17 февраля 1968 г., «бабенька сидит за этим круглым столом. Снимок этот, вероятно, сделан в 1899 г. перед юбилеем поэта. А самое главное, что на этой карточке есть подпись „Вера Нащокина“, и я думаю, что это ее рука: слабый и дрожащий почерк».

Комитет, к которому обратилась в 1899 г. Вера Александровна, почему-то не пожелал воспользоваться ее предложением. Драгоценная реликвия осталась в семье Нащокиных. Вера Андреевна сообщила мне (в письме от 23 декабря 1967 г.) и о ее дальнейшей судьбе: по ее словам, Андрей Павлович Нащокин «свято берег вещи, оставшиеся после матери. Особенно круглый стол и кресло. Стол у нас назывался пушкинским. По преданию, этот стол стоял в комнате, где останавливался поэт и писал на нем. Но с этими вещами случилось непоправимое. Во время голода и холода в 20-х годах мы все перебрались в мезонин ... Стол и кресло были спрятаны в чулан под внутренней лестницей».

После того как лица, поселенные в нижнем этаже, уехали, мать Веры Андреевны «с ужасом обнаружила, что вещи были сожжены».

Фотография Веры Александровны, снятая в мае 1899 г., была опубликована в Альбоме Пушкинской выставки в Москве (24 мая—13 июня 1899 г.). Старушка Нащокина сидит у балкона дачи Поляковой в своем любимом кресле перед «пушкинским» круглым столом. Снимок воспроизведен и в настоящей книге.

Тот же портрет Веры Александровны по окончании пушкинских торжеств был помещен в журнале «Семья».²⁵⁸ В довольно подробной редакционной заметке наряду с несомненно ошибочными сведениями есть интересное, больше нигде не встречающееся указание на то, что «один из бюстов В. А. работы Витали находится в Академии художеств в Петербурге, а ее лучший портрет, по ее словам, у бывшего военного министра г. Ванновского».

Заметка заканчивается напоминанием московской интеллигенции о ее обязанности «скрасить своим участием последние дни подруги Пушкина — дни, которых ей, по видимости, и осталось-то немного!... Речь идет не о единовременном или ежемесячном пособии, а о том ничем не оценимом участии, которое создало бы В. А. сколько-нибудь сносное существование в одном из благотворительных учреждений, коими Москва так богата».

В «благотворительное учреждение» В. А. Нащокина, к счастью, не попала. Если Гиляровский не ошибается, ей в конце концов «устроили пенсию».²⁵⁹ Последние месяцы своей жизни совершенно ослепшая Вера Александровна провела не в селе Всехсвятском, а на окраине Москвы. Государственную поддержку она во всяком случае если и получала, то очень недолго — немногим более года.

16 ноября 1900 г. В. А. Нащокина скончалась.

В газете «Русское слово» появилось, как было принято — на первой странице, траурное извещение:²⁶⁰

«Друг Пушкина Вера Александровна Нащокина волею божею скончалась 16 сего ноября, в 1 час ночи, о чем сын и внучата покойной с душевным прискорбием извещают родных и знакомых. Панихиды совершаются в 10 часов утра и в 6 часов вечера, Новая Бошиловка, д. Боковой. Отпевание в церкви Рождества Богородицы, что на Бутыряках, 19 ноября в 8 ч. утра, погребение на Ваганьковском кладбище».

Кончина Веры Александровны не прошла незамечен-

---

²⁵⁸ В. А. Нащокина. (К портрету). — Семья, 1899, № 24, 13 июня, с. 7.

²⁵⁹ Гиляровский В. Собр. соч., т. III, М., 1967, с. 237. Указа о назначении пенсии В. А. Нащокиной мне разыскать не удалось.

²⁶⁰ Русское слово, 1900, № 320, 18 ноября.

ной, как 46 лет тому назад смерть ее мужа. В некоторых московских газетах были помещены некрологи.

«Русское слово» тогда же, 18 ноября, писало: «Кончина друга Пушкина. На окраине Москвы, где-то у Бутырской заставы, в скромной, вернее, бедной обстановке скончалась третьего дня современница и лучший друг гениального Пушкина, Вера Александровна Нащокина, в обществе которой и ее мужа так любил проводить свои досуги великий поэт».

«Прошли года — и В. А. Нащокина, пережив гения... принуждена была волею судеб влачить на склоне лет жалкое существование. Ютась где-то в мансарде в селе Всехсвятском, перебиваясь на жалкие крохи, больная и всеми забытая, В. А. лишь ко дню пушкинских торжеств была наконец отыскана... На торжественном заседании в день праздника 88-летней Нащокина явилась центральной фигурой, на которой было сосредоточено общее внимание. Кончились торжества в честь великого поэта, как-то вскользь упомянули о В. А., кажется, выхлопотали ей какую-то крохотную субсидию — и затем о современнице творца волшебных песнопений забыли снова... 16 ноября в 1 час ночи 90-летняя современница Пушкина тихо отошла в вечность, унося в могилу благоговейное воспоминание о незабвенном поэте...».

«Курьер»²⁶¹ в краткой заметке сообщал читателям: «Сегодня в церкви Рождества Богородицы, что в Бутырках, в 9 часов утра состоится отпевание тела скончавшейся в ночь на 17 ноября на 90-м году от рождения вдовы известного современника А. С. Пушкина и его друга Веры Александровны Нащокиной. История жизни В. А. Нащокиной всем известна.²⁶² Когда-то богатая, блестящая красавица, служившая центром, около которого группировались литераторы, художники, музыканты, она под конец впала в глубокую нужду и проживала в комнатке на окраине города. Во время пушкинских торжеств В. А. служила предметом особого внимания со стороны всех присутствующих на торжественном заседании».²⁶³

---

²⁶¹ Курьер, 1900, № 321, 19 ноября, с. 3.

²⁶² Автор заметки, вероятно, имел в виду недавние статьи Родионова, Ежова и Гиляровского.

²⁶³ Большая часть этой заметки дословно включена в краткий

Андрей Павлович Нащокин был настолько потрясен смертью любимой матери, что все хлопоты по погребению пришлось принять на себя его жене. Велико было и ее горе — с добрейшей свекровью она прожила душа в душу полтора десятка лет.

Покойся Вера Александровна Нащокина в семейной ограде на Ваганьковском кладбище.

*
* * *

Скажем еще о двух лицах, которых видел Пушкин: речь пойдет о родных братьях Веры Александровны — Федоре и Льве Нарских.

Передо мною фотокопия старинной бумаги из архива Нащокиных — офицерский патент Федора Александровича Нарского.

Вверху на фоне гравированных облаков изображен николаевский двуглавый орел, внизу, под текстом, во всю ширину листа, военные атрибуты того времени — скрещенные знамена и флюгера, кавалерийская сабля, пехотная пшaga и много иных предметов, а посередине большой барабан, увенчанный парадной офицерской каской. Справа и слева — лавровые венки, перевитые лентами. Очень торжественный диплом... Текст его гласит: «Божею милостью Мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Федора Нарского, который Нам унтер-офицером служил, за оказанную его в службе Нашей ревность и прилежность, в Наши Прапорщики тысяча восемьсот сорок четыре года Мая девятого дня всемилостивейше пожаловали и учредили; якоже Мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем Нашим подданным оного Федора Нарского за Нашего Прапорщика надлежащим образом признавать и почитать: и Мы надеемся, что он в сем ему от Нас всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство чего, Мы сие Инспекторскому Департаменту Военного Министерства

некролог, помещенный в «Историческом вестнике» (1901, № 1, с. 416).

подписать и Государственную Нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге, лета 1847...» (месяц и число, приведенные в тексте, на фотокопии прочесть нельзя).

В архиве В. А. Нащокиной-Зызиной это единственный документ, принадлежавший Федору Александровичу. Из него мы узнаем лишь дату производства унтер-офицера Нарского в первый офицерский чин. Кроме того, патент, выданный от имени царя, показывает, что в 1847 г. брат Веры Александровны носил свою фамилию на законном основании.

Мы знаем уже, что, по семейным преданиям Нащокиных, Федор Александрович Нарский был заботливым братом, много помогавшим своей сильно нуждавшейся сестре и ее детям. У нас нет возможности ближе познакомиться с душевным обликом Ф. А. Нарского. Есть только сведения о прохождении им военной службы, достаточно подробные и несомненно точные, — в официальном справочнике «Список генералам по старшинству — составлен по 1 сентября 1905 года» (СПб., 1906, с. 167).²⁶⁴

Родился Федор Александрович 20 апреля 1826 г. и умер между 1 сентября 1905 г. и 1 июля 1906 г.²⁶⁵ Таким образом, он во всяком случае дожил до 79-летнего возраста. Потомки Павла Воиновича Нащокина считают его старшим из двух родных братьев Веры Александровны (письмо Веры Андреевны от 15 февраля 1967 г.), но эта семейная традиция, как я покажу в дальнейшем, несомненно не верна.

Очень возможно, что Федора Нарского Пушкин видел в ноябре 1833 г. семилетним мальчиком, а в последний проезд в Москву в 1836 г. — десятилетним. Следовало бы поэтому отыскать архив генерала Нарского, так как он мог записать впоследствии свои детские впечатления о встречах с поэтом.

Согласно «Списку генералам», Федор Александрович общее образование получил в «частном учебном заведении», военное — «на службе», вступив в нее 9 сентября 1842 г. Ему было тогда всего 16 лет. Почти 5 лет юноша

---

²⁶⁴ Приношу благодарность пушкинисту Л. А. Черейскому (Ленинград), указавшему мне на это издание.

²⁶⁵ В следующем выпуске «Списка», где перечислены генералы по состоянию на 1 июля 1906 г., Ф. А. Нарского уже нет.

прослужил унтер-офицером — до 9 мая 1847 г. Можно думать, что такой долгий военный искуc объясняется тем, что Федор Нарский, как внебрачный сын, не был дворянином. Отец его скончался, когда мальчику было 13 лет, а богатые и знатные родственники не заботились о сыне Александра Петровича от бывшей крепостной.

В дальнейшем он тянул тяжелую лямку пехотного армейского офицера, медленно повышаясь в чинах и подолгу занимая небольшие должности. В 33 года Ф. А. Нарский, правда, уже майор, но чин полковника он получает лишь в 54 года. Батальоном командует целых десять лет. Его служебное продвижение совсем не похоже на блестящие карьеры гвардейских офицеров александровского и николаевского времени.

В молодости Федор Александрович участвует в двух войнах — прапорщиком и подпоручиком в венгерской кампании 1849 г., штабс-капитаном в Крымской войне 1854—1855 гг.²⁶⁶ В пожилые годы он служит в Сибири, где занимает административные должности.

В 1874 г. полковник Нарский командирован на Нерчинский завод и служит там два года. Затем он состоит ряд лет губернским воинским начальником в Томске и Семипалатинске. В возрасте 55 лет Федор Александрович, прослужив 39 лет, получает, наконец, чин генерал-майора. Он командует 35-й местной бригадой. Еще через 10 лет (30 августа 1891 г.) 65-летнего старика производят в генерал-лейтенанты.

С 1893 г. и до конца своей долгой жизни он «состоит при войсках Кавказского военного округа сверх штата». Это своего рода военная синекура, которую престарелый генерал, вероятно, получил в награду за участие в героической защите Севастополя. Среди его многочисленных орденов нет офицерского георгиевского креста (ордена св. Георгия), дававшего большие служебные преимущества, но участники севастопольской обороны ими также пользовались. В противном случае старик был бы своевременно уволен в отставку и получал бы не генеральский оклад, а лишь небольшую пенсию.

Оказывать более или менее регулярную поддержку сестре Федор Александрович, вероятно, смог не ранее на-

²⁶⁶ Чин штабс-капитана (произведен 6 июня 1853 г.) Ф. А. Нарский несомненно получил за отличие, так как поручиком он прослужил всего один год.

чала 80-х годов, когда он был произведен в генералы. Обер- и штаб-офицеры получали в то время очень небольшие оклады, а Ф. А. Нарский, согласно «Списку генералам...», был женат и имел дочь. Весь 1882 год он, уже будучи генералом, почему-то состоял за штатом.

Портрет этого брата Веры Александровны мне найти не удалось.

О другом брате Веры Александровны, Льве Александровиче Нарском, пока документальных данных нет, но судить о его облике мы можем с помощью портрета, фотокопию которого прислала мне В. А. Нащокина-Зыгина. Это датированная 1836 г. акварель известного портретиста П. Ф. Соколова,²⁶⁷ создавшего целую галерею выразительных и точных изображений людей пушкинского времени. Широко известен акварельный портрет самого Пушкина кисти этого художника. Вера Андреевна, кроме фотокопии портрета Л. А. Нарского, прислала его описание и рисунок спинки стула, на котором сидит юноша, так как последняя не вышла на снимке.

Лев Александрович Нарский — темный шатен, с голубыми глазами. На мой взгляд, ему не больше 20 лет. Он несомненно похож на сестру — тот же овал лица, тот же изящный рот, правильный, но довольно крупный нос, тонкие восточные брови. Однако восточный облик у брата в общем выражен значительно меньше, чем у сестры.

Л. А. Нарский одет в темно-серый расстегнутый фрак с черным бархатным воротником и черный жилет. Невысокий воротничок повязан пышным серо-сине-красным галстуком, действительно заслуживающим название «шейного платка», как правильно переводили в то время немецкое слово.

Общее впечатление от акварели — очень романтического вида задумчивый юноша. Впрочем, может быть, художник несколько идеализировал барственный облик Льва Нарского, сына крестьянки. Таким, как мы видим его на портрете, можно представить себе Владимира Ленского, «с душою прямо геттингенской».

---

²⁶⁷ Впервые этот портрет был опубликован в издающемся в Алма-Ате журнале «Простор» (1969, № 5, с. 104).

Возраст юноши, насколько о нем можно судить по акварели, для нас существен, так как никаких бумаг Л. А. Нарского в архиве В. А. Нащокиной-Зызиной нет. Если считать, что ему действительно лет 19—20, то родился он около 1816 г. Во всяком случае, он несомненно старший, а не младший брат генерала Ф. А. Нарского, дата рождения которого (20 апреля 1826 г.) не подлежит сомнению. В противном случае Лев Нарский не мог появиться на свет ранее 1827 г. и в 1836 г. он был бы самое большее девятилетним мальчиком.

Нельзя сомневаться в том, что акварель изображает именно Льва Александровича, а не какое-либо другое лицо. На мой запрос В. А. Нащокина-Зызина ответила: «... с самого раннего детства нам говорили в семье, что это портрет бабенькиного брата.²⁶⁸ Этот портрет был парный с портретом Веры Александровны. На юбилейной выставке в 1937 году я сама видела портрет бабушки, оформленный одинаково с этим портретом и кисти одного и того же художника. На портрете точный год, 1836-ой, и портрет подлинно кисти П. Соколова. Это подтвердила научный сотрудник Всесоюзного музея Пушкина, приезжавшая ко мне из Ленинграда» (22 марта 1967 г.).

Итак, документов Л. А. Нарского нет, но есть его подлинный датированный портрет, есть семейные предания о нем и, самое для нас интересное, в двух своих письмах Пушкин несомненно говорит об этом брате Веры Александровны.

Приведу сначала то место «Рассказов о Пушкине и Гоголе», где В. А. Нащокина говорит о брате и его знакомстве с поэтом: «В характере Пушкина была одна удивительная черта — умение душевно привязываться к симпатичным ему людям и привязывать их к себе. В доме моего отца он познакомился с моим меньшим братом, Львом Александровичем Нарским. Это была чистая, нежная, поэтическая натура. Пушкин с первого взгляда очаровался им, положительно не отходил от него и стал упрашивать его ехать к нему гостить в Петербург. Брат, не менее полюбивший поэта, долго колебался. Он сильно был привязан к родной семье, но, наконец, согласился на просьбы Пушкина, и они уехали.

²⁶⁸ Лев Александрович Нарский очень похож, судя по их портретам, на своих единокровных братьев, законных сыновей Александра Петровича Нащокина.

В это путешествие случилось маленькое приключение: Павел Воинович утром другого дня по их отъезде на лестнице нашей квартиры нашел камердинера Пушкина спящим. На вопрос моего мужа: как он здесь очутился? тот объяснил, что Александр Сергеевич, кажется, в селе Всехсвятском, спихнул его с козел за то, что тот был пьян, и приказал ему отправиться к Нащокиным, что тот и исполнил.

По возвращении из Петербурга брат восторженно отзывался о Пушкине и, между прочим, рассказывал, что поэт в путешествиях никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей». ²⁶⁹

Вероятно, кое-что в этом рассказе добавлено журналистом, возможно, знакомым с пушкинианой конца века. В частности, подробности о том, что Пушкин в путешествиях не любил ждать, пока заложат лошадей, и о его разговорах с встречными крестьянами производят впечатление вычитанных из мемуарной литературы. Наоборот, эпизод со слугой Пушкина Гаврилой, надо думать, действительно записан со слов Веры Александровны. В 1898 г. она рассказала его почти так же, как Пушкин писал в письме к Павлу Воиновичу от 24 ноября 1833 г. Однако о селе Всехсвятском поэт не упоминает. По его словам, Гавриле было приказано слезть с козел при выезде из Москвы.

Характеристика Льва Александровича как натуры поэтической несомненно идет от сестры. О судьбе этого юноши и в наши дни бытует в семье Нащокиных предание весьма романтическое: «По рассказам моей матери, он умер двадцати лет от горячки (неразделенная любовь). Вот все, что я о нем знаю», — писала В. А. Нащокина-Зыкина 21 января 1967 г.

Возможно, что Льва Нарского погубила не поэтическая маловероятная любовная горячка, а, скорее, один из прозаических тифов, которые тогда, как и ряд других болезней, огульно именовались горячками. Но, по-видимому,

---

²⁶⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 204—205.

в жизни юноши действительно была большая неудачная любовь, совпавшая, быть может, по времени с его смертельной болезнью. С тех пор прошло полвека или больше, но в памяти Веры Александровны, нежно любившей брата, по-прежнему была жива эта трагедия и, должно быть, не раз она рассказывала о ней невестке.

Обратимся теперь к письмам Пушкина.

Вернувшись 20 ноября 1833 г. из Москвы в Петербург, он пишет (24 ноября) Павлу Воиновичу Нащокину. «Теперь скажу тебе о моем путешествии. Я совершил его благополучно. Леленька мне не мешал, он очень мил, то есть молчалив — все наши сношения ограничивались тем, что когда ночью он прилегал на мое плечо, то я отталкивал его локтем. Я привез его здрава и невредима — и как река еще не стала, а мостов уже нет, то я отправил его ко Льву Сергеевичу, чем, вероятно, одолжил его» (XV, 196).

Недели через три (в десятых числах декабря — после 12) Пушкин снова упоминает о своем спутнике: «Об Леленьке²⁷⁰ не имею известия; он живет у Эристова;²⁷¹ а я на его имя получаю из Москвы письма. Сумасшедший отец его написал мне сумасшедшее письмо, на которое уж мне поздно отвечать; он беспокоится о каллиграфических трудах своего сына и о том, не плачет ли мальчик и не тоскует ли о своих родных? Успокой старика, как умешь» (XV, 98—99).

Кто же этот Леленька, которого Пушкин вез из Москвы в Петербург, возвращаясь от Нащокина, в это время собиравшегося жениться на Вере Александровне?

Комментаторы писем поэта считают его то шурином Павла Воиновича,²⁷² то его племянником.²⁷³ Осторожный Л. Б. Модзалевский предпочитает отметить: «Леленька —

---

²⁷⁰ Первоначально Пушкин написал «Алеше», но зачеркнул это имя.

²⁷¹ Князь Дмитрий Алексеевич Эристов (1797—1858), приятель Пушкина, лицеист второго выпуска, автор «Словаря о святых, прославленных в российской церкви», о котором поэт дал короткий отзыв в «Современнике».

²⁷² В справочном томе большого академического издания (XVII, 296) «Леленька» назван Алексеем Александровичем Нарским.

²⁷³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах, т. X. М., Гослитиздат, 1962, с. 389—390.

Алексей, лицо неизвестное». ²⁷⁴ Недавно Н. Н. Белянчиков подробно осветил в своей статье спорный, по его мнению, вопрос о том, правильно ли прочтено редакторами писем Пушкина имя его ноябрьского спутника. Останавливаться на аргументации Белянчикова я не буду. Существенно то, что автор считает Леленьку, или, как он прочел, «Левиньку», шурином Нащокина, Львом Александровичем Нарским. ²⁷⁵

В данном случае он несомненно прав. Напомним лишь, что Леленька, как сын троюродного брата Павла Воиновича, приходился ему в то же время троюродным племянником.

На первый взгляд может показаться непонятным, почему вообще некоторые комментаторы считали пушкинского Леленьку лицом неизвестным. Ведь Вера Александровна подробно рассказала о том, что Пушкин познакомился с ее братом и они вместе уехали в Петербург.

Однако, сравнивая ее повествование с письмами поэта, нельзя не заметить, что, кроме самого факта совместной поездки, эти два источника расходятся почти во всем.

По словам Веры Александровны, Пушкин, познакомившись с ее братом, «стал упрашивать его ехать к нему гостить в Петербург». В письме Пушкина сказано лишь, что он привез Леленьку в столицу «здрава и невредима». По-видимому, Лев Александрович должен был найти пристанище у кого-то, живущего на правом берегу Невы, но, так как река еще не стала, а мосты уже были сняты, поэту пришлось отправить своего спутника к брату, Льву Сергеевичу. О приглашении погостить нет и речи, да и вряд ли Пушкин вообще мог в это время пригласить постороннего человека остановиться в своей квартире, где был четырехмесячный младенец (старший сын поэта Александр родился 6 июля 1833 г.). Точно так же из письма поэта не видно, чтобы он «с первого взгляда очаровался» братом Веры Александровны, как ей казалось через 65 лет после событий. Отношение Пушкина к своему спутнику представляется мне скорее добро-

---

²⁷⁴ Пушкин. Письма, т. III. Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1935, с. 659.

²⁷⁵ Белянчиков Н. Литературная загадка. — Вопросы литературы, 1965, № 2, с. 255.

душно-ироническим: «Леленька мне не мешал, он очень мил, то есть молчалив». Вероятно, юноша произвел на поэта приятное впечатление, но и только...

Правдивость Веры Александровны несомненна, но — повторю снова — нельзя забывать, что рассказчице было почти девяносто лет. Ее ослабевшая память дорисовала то, чего, по-видимому, не было — подружила две дорогие ей тени — Пушкина и брата...

Мне думается, что поэт просто исполнил просьбу Павла Воиновича взять с собой его дальнего родственника, брата барышни, на которой Нащокин собирался жениться.

Леленьку зачем-то отправляли в Петербург. Мы знаем сейчас, что в 1833 г. юноше было 16, а может быть, и 17 лет. Девятью годами позже шестнадцатилетний Федор Нарский начал службу военную. Быть может, Льву Александровичу предстояло стать маленьким чиновником в одной из петербургских канцелярий. Образование он, по-видимому, успел получить для того времени достаточное.

Старик-отец уже состоял, как можно предполагать, под опекой. Единокровные братья, фактические владельцы Рай-Семеновского, по всему судя, о внебрачных детях Александра Петровича не заботились вовсе. Надо было самому зарабатывать на жизнь...

У юноши, видимо, был хороший почерк — Пушкин упоминает о том, что отец Леленьки «беспокоится о каллиграфических трудах своего сына». По всей вероятности, Лев Александрович, как и многие его сверстники, начинал службу с переписки казенных бумаг.

Все это, конечно, лишь предположения. Верны они или нет, покажут дальнейшие исследования и находки.

Надо сказать, что строки пушкинских писем, касающиеся Леленьки, были, конечно, ясны для Павла Воиновича, но для нас в них неясно многое. Можно их понять и так, что поэт вез в Петербург молчаливого ребенка, не доставлявшего ему хлопот. «Каллиграфические труды» пришлось бы тогда считать просто упражнениями в чистописании (непонятно, впрочем, почему отец Леленьки беспокоится об его успехах именно в этом предмете). Передаваемые Пушкиным слова «сумасшедшего отца» — «не плачет ли мальчик и не тоскует ли о своих

родных?» — на первый взгляд тоже не могут относиться к взрослому.

С другой стороны, ребенка поэт вряд ли отослал бы к своему брату, холостому и весьма беспашашному человеку. Слова «он живет у князя Эристова» тоже не вяжутся с представлением о маленьком мальчике, который занимается чистописанием.

Я остановился подробнее на этих неясных местах пушкинских писем не потому, что у меня снова возникло сомнение относительно возраста Льва Александровича Нарского. Благодаря датированной акварели Соколова не приходится сомневаться в том, что спутник поэта был взрослым юношей. На этот раз память Вере Александровне не изменила.

Комментаторы писем поэта акварели, хранившейся в семье Нащокиных, однако, не знали. Им были известны лишь два противоречивых источника, но один из них — письма Пушкина — отстоял от его поездки из Петербурга в Москву всего на несколько дней, а другой — рассказ В. А. Нащокиной — на 65 лет. Установить, кого же именно поэт вез в Петербург в 1833 г., было трудно. Наиболее осторожные исследователи решили поэтому, что Леленьку следует полагать лицом неизвестным. Другие соглашались с тем, что он — шурин или племянник Павла Воиновича Нащокина, но «сумасшедшим отцом» считали загадочного Александра Нарского, отчество которого оставалось неизвестным.

Сейчас мы знаем, что отец Леленьки — Александр Петрович Нащокин, лицо далеко не безызвестное. Ознакомились мы и с двумя старческими письмами Александра Петровича к дочери — коротким и длинным. В коротком, по существу, ничего странного нет. Длинное продиктовано человеком, как уже было сказано, хотя и не потерявшим рассудок, но крайне неуравновешенным, болезненно самолюбивым и всюду видящим вражеские козни. По всей вероятности, и то его письмо к Пушкину, которое поэт назвал «сумасшедшим», было такого же рода.

На мой взгляд, и противоречие между воспоминаниями Веры Александровны и письмами Пушкина в отношении возраста Леленьки только кажущееся. Слова поэта о «каллиграфических трудах» и о том, не плачет ли «мальчик» от тоски по дому, как мне кажется, нельзя

принимать за чистую монету. Пушкин ведь говорит не от себя. Он передает вопросы Александра Петровича Нащокина, нежно любившего своих внебрачных детей. Для него 16—17-летний юноша, вероятно уже начинавший самостоятельную жизнь, все еще казался ребенком, который и в самом деле мог всплакнуть, вспоминая о родном доме.

Раздел, посвященный Леленьке, я закончил, не получив еще метрической выписи о бракосочетании Павла Воиновича, и изложение оставлено в первоначальном виде. На мой взгляд, небезынтересно проследить, как постепенно выяснялся образ «неизвестного лица».

Сейчас пора сказать, что этот документ дает, наконец, кой-какие вполне надежные сведения о Льве Александровиче Нарском. 2 января 1834 г. он в качестве «поручителя по женихе» (шафера) присутствовал на свадьбе сестры. Юноше не могло быть меньше 16 лет. В метрической выписи он значится «отставным копиистом». Очевидно, в Петербурге он действительно очень короткое время (не больше двух месяцев) служил в каком-то учреждении в качестве переписчика казенных бумаг, но почему-то почти сразу оттуда ушел и вернулся в Москву.

Чем занимался в ближайшие годы Лев Александрович, мы не знаем. В нашем распоряжении имеется лишь акварельный портрет Соколова, созданный в 1836 г.

К тому же 1836 г. относится мимолетное, но очень интересное упоминание о любимом брате Веры Александровны в письме П. В. Нащокина к Пушкину, посвященном К. П. Брюллову и посланном в десятых числах января. Сообщая об обеде по подписке, который московские артисты собираются дать знаменитому художнику, Павел Воинович прибавляет: «...хочется и мне в число артистов попасть, думаю, что буду — не так, как артист, но как шурип артиста, все равно, лишь бы быть!» (XVI, 75).

У Нащокина был только один взрослый шурип — Лев Нарский. Его брату Федору, будущему генералу, в это время не было еще десяти лет.

Итак, художник П. Ф. Соколов рисовал юного артиста, не знаем пока, какого театра — вероятно, драматического. Внешность у него очень сценическая... Больше ничего нельзя сейчас сказать о его судьбе.

Правда, еще одно упоминание — уже последнее — имеется в «Московском некрополе»: «Нарский Лев Александрович (Ваганьково)».²⁷⁶

Нарских, писавшихся «Нарской», как я уже упоминал, в этом томе «Некрополя» много, «Нарский» — только один. Почти наверное, это пушкинский Леленька. Даты, к сожалению, не указаны. Потомки его сестры этой могилы не знают. Вероятно, сейчас она не существует.

*
*   *
*

За долгие годы, отделяющие нас от того времени, когда на страницах русских изданий впервые появилось имя П. В. Нащокина, усилиями многих людей (писателей, мемуаристов, ученых) облик одного из ближайших друзей Пушкина раскрылся до мельчайших подробностей.

На бурной, исполненной взлетов и падений жизни Нащокина лежит ответ сердечной привязанности к нему великого поэта. Судьбы Нащокина и его близких, любивших и знавших Пушкина, история связанных с Пушкиным семейных реликвий не могут не интересовать нас, ибо они углубляют и расширяют наши представления о поэте, раскрывают новые грани в его творчестве.

П. В. Нащокин олицетворяет целый культурно-исторический пласт русской жизни. Это также делает интересной и важной для нас семейную хронику Нащокиных, с которой мне хотелось познакомить читателя настоящей книги.

---

²⁷⁶ Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь, т. II. К.—П. СПб., 1908, с. 312.

Благодаря помощи Веры Андреевны Нащокиной-Зызиной, широко ознакомившей меня со своим небольшим, но очень ценным архивом, а также с надежными семейными преданиями, я имел возможность внести ряд уточнений в жизнеописание ее предков, близких друзей Пушкина. Значительную помощь мне оказали также Е. А. Нащокина и ряд других лиц. Между тем документы пушкинского времени, можно думать, имеются не только у них. Возможно, что и у других ныне здравствующих потомков Павла Воиновича отыщутся воспоминания о поэте, нам неизвестные, и какие-либо семейные реликвии, связанные с Пушкиным и его эпохой.

До сих пор сведения о живущих в Советском Союзе представителях этого замечательного семейства были очень неполны, что лишало нас одной из вполне реальных возможностей получить новые документальные материалы о Пушкине и Нащокине. Считаю поэтому целесообразным привести здесь данные о детях, внуках и правнуках П. В. Нащокина, сообщенные мне в письме Верой Андреевной Нащокиной-Зызиной от 8 декабря 1966 г. и дополненные в ряде ее позднейших писем.

По словам В. А. Нащокиной-Зызиной, у ее деда было два сына и четыре дочери, а именно:

1. Екатерина (2 XI 1834—?). Умерла незамужней.
2. Софья (12 I 1836—28 III 1859). Умерла незамужней.
3. Наталья (2 V 1837—13 IV 1891). Имела дочь Наталью и внучку Наталью; фамилия мужа не выяснена.
4. Александр (2 II 1839—1906). Имел шестерых сыновей: Сергея, Ивана, Павла, Алексея, Николая и Евгения. Сергей Александрович по окончании кадетского корпуса поступил в Павловское военное училище, из которого выпел в л.-гв. Измайловский полк; служил в нем до 1911 или 1912 г., после чего был назначен командиром полка в Киеве; участвовал в первой мировой войне; имел четырех сыновей — Александра, Алексея, Сергея и Владимира и дочь Веру. Иван Александрович обучался в Александровском военном училище, сын его Николай Иванович был жив в 1921 г. Алексей Александрович имел трех дочерей — Елену, Марию и Надежду и четырех сыновей, судьба которых неизвестна.
5. Анастасия (3 II 1841—?). Была замужем за кн. Алексеем Трубецким, имела дочь Анну и сына Николая, который умер после 1945 г. в глубокой старости.

6. Андрей (2 II 1854—2 X 1925). Имел семерых детей — двоих сыновей и пять дочерей:
1. Валентина, в замужестве Стрельникова (1886—1959).
Сын Евгений (1919).
  2. Екатерина (1889—1962).
Дочери Галина (1914) и Вера (1919), сын Павел (1924).
  3. Лев (1892—1901).
  4. Владимир (1895—1921). Утонул, спасая сослуживца на Волге.
Дочь Ирина (1918).
  5. Наталья (1898).
Дочь Ирина (1918), сын Владимир (1923—1942), убитый в Великую Отечественную войну, дочь Евгения (1928).
  6. Вера (1901), в замужестве Зызина.
Дочь Вера (1923) и два сына — Алексей и Андрей (оба 1940).
  7. Александра (1904).
Сын Александр (1940).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие (Н. В. Измайлов)	3
От автора	5
Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин	7
Приложение	158

Николай Алексеевич Раевский

ДРУГ ПУШКИНА ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ НАШОКИН

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. А. Храмцова
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры Э. Н. Липпа и Н. З. Петрова

Сдано в набор 28/VI 1976 г. Подписано к печати 14/I 1977 г. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 5 + 4 вкл. (1/4 печ. л.) = 8.82 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 9.08. Изд. № 6300. Тип. зак. № 13. М-17021. Допечатка тиража 20000.
Цена 57 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

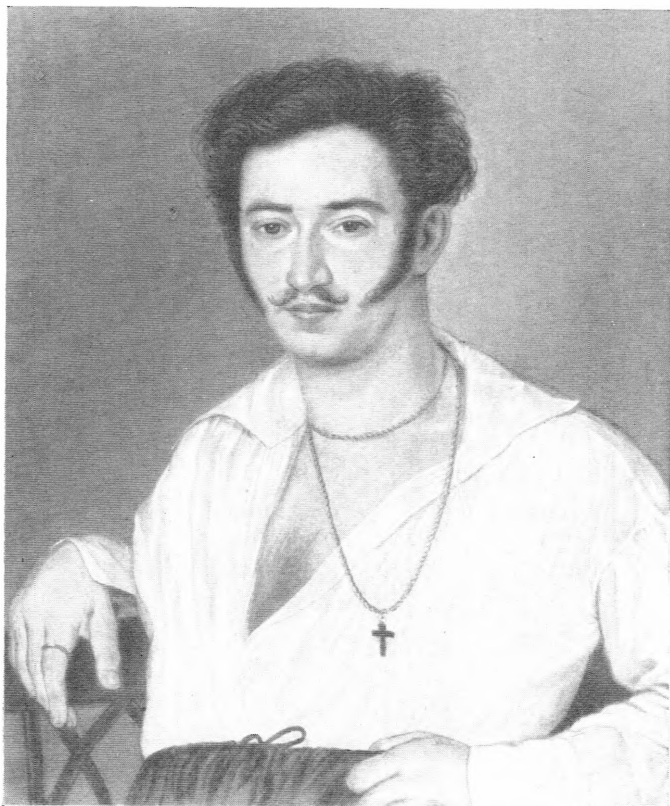
Павел Воинович Нащокин. Рисунок К. П. Мазера. 1839 г.
(Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград).

Воин Васильевич Нащокин.
Фотоснимок, сделанный с портрета неизвестного художника
конца XVIII в. — 1800-х годов.

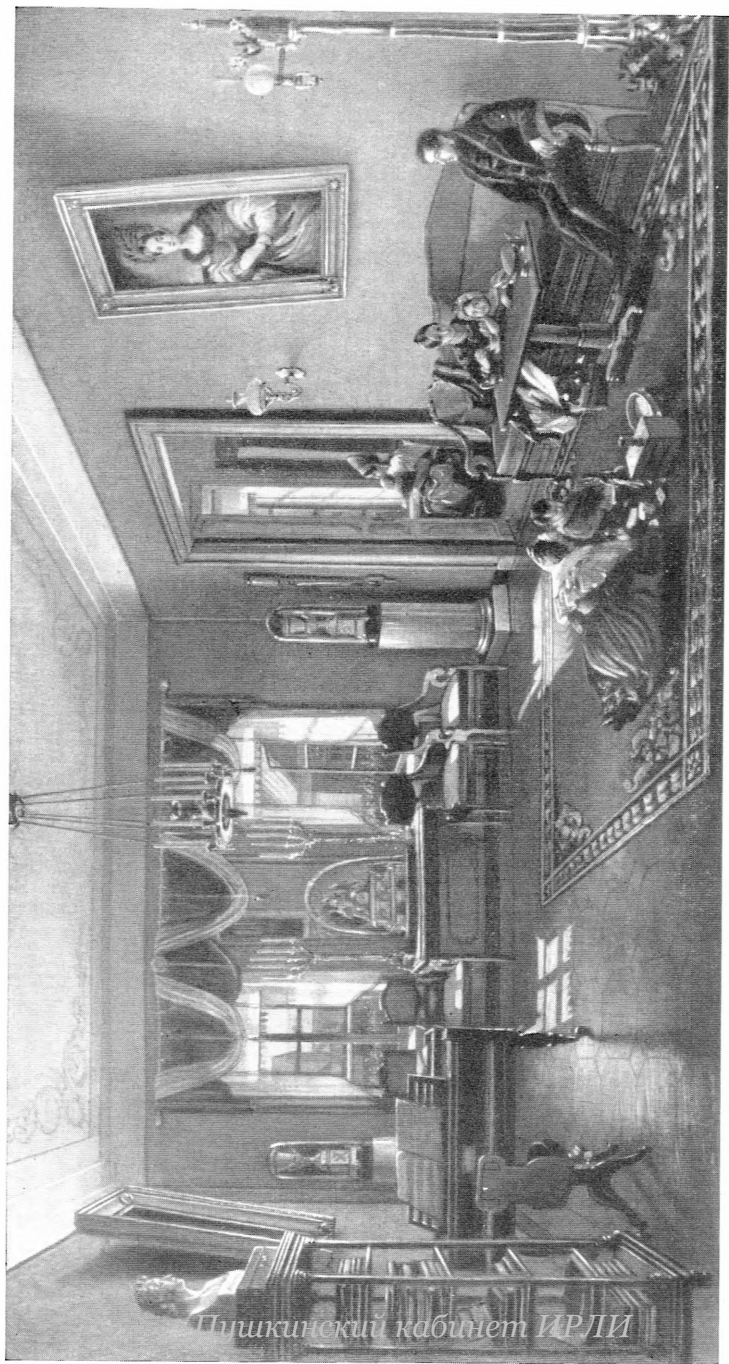
Вера Александровна Напокина.
Акварель неизвестного художника. Конец 1830-х годов.
(Всероссийский музей А. С. Пушкина, Ленинград).

Петр Александрович Нащокин.
Портрет неизвестного художника. 1830—1836 гг.
(Гос. Исторический музей, Москва).

Павел Александрович Нащокин. Портрет П. Ф. Соколова (?).
(Гос. Исторический музей, Москва).

Гостиная в квартире Напокоиных. Картина Н. И. Подклошницкова. 1838 г.,
(Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Семейство Напокиных.
Картина Н. И. Подключникова. Конец 1830-х годов.
(Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград).

Вера Александровна Нащокина, 1899 г. Фотография.